

A. B. Amfiteatrovъ.

(Old Gentleman).

У 8
1245

24
48

Недавние Люди.

СЪ 6 ПОРТРЕТАМИ.

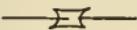
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія „Т-ва Худож. Печ.“, Англійскій, 28.

1901.

VI 1245
A. B. Амфитеатровъ.

(Old Gentleman).

Недавние Люди.

Степанъ Стамбуловъ.—Софійское житъе-бытие.—О Чарніловъ—
Памяти Полонскаго.—Памятникъ Царю-Освободителю.—
Захарынъ.—Московскій гороховской голова Алексѣевъ,
... Тайнственная корреспонденка.

СЪ 6 ПОРТРЕТАМИ.

С. Н. Стамбулова.—Кн. Фердинанда Болгарского.—Кн. Бориса Тырнов-
скаго.—М. Г. Черняева.—М. Д. Скобелева.—Императора Александра II.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія „Т-ва Худож. Печ.“, Англійскій, 28.

1901.

Отъ автора.

Изъ статей этого сборника, четыре— „Степанъ Стамбуловъ“, „Софійское Житье-Бытье“, „Московскій городской голова Алексѣевъ“ и „Таинственная Корреспондентка“— являются здѣсь въ томъ же видѣ, какъ первоначально печатались онѣ въ „Историческомъ Вѣстникѣ“. Остальные статьи— „О Черняевѣ“, „Памяти Полонского“, „Памятникъ Царю-Освободителю“, „Захарьинъ“— помѣщались въ воскресныхъ фельетонахъ „Новаго Времени“ за 1898 тодѣ.

высказались бы, по всей вѣроятности, за второй отвѣтъ. Тяжелое было время! Оно прошло, и слава Богу!

Въ возможности и успѣхѣ свиданія съ княземъ Фердинандомъ я не сомнѣвался, потому что имѣть изъ его тайной канцеляріи телеграмму, разрѣшавшую мнѣ вѣзданіе въ Болгарію, до того уже восемь лѣтъ закрытую для русскихъ, если не *de jure*, то *de facto*. Телеграмма эта, какъ выразился самъ князь при первомъ моемъ ему представлениіи, давала мнѣ въ руки „*carte blanche*“ все видѣть и описывать“. Въ болгарскомъ разрѣшеніи „все описывать“ я, конечно, не нуждался, но „все видѣть“, безъ любезной откровенности князя, мнѣ врядъ ли удалось бы. Вотъ подлинный текстъ телеграммы:

„Софія. Дворецъ. Его царское высочество, мой августейший государь, изволилъ мнѣ приказать, въ отвѣтъ вашей телеграммы, сообщить вамъ, что онъ не имѣетъ ничего противъ прїѣзда безпристрастного корреспондента. Начальникъ канцеляріи его царского высочества dr. Станчовъ“.

Dr. Станчовъ, подпиавшій телеграмму, въ настоящее время болгарскій дипломатической агентъ въ Петербургѣ. Въ то время его прочили на такой же постъ въ Вѣну, куда онъ и былъ, дѣйствительно, назначенъ въ скорости. Вообще болгарское правительство хорошо знало и цѣнило способности этого замѣчательно даровитаго и исполнительного чиновника; несмотря на свою молодость, онъ прошелъ

цѣнныи рядъ боевыхъ назначеній по дипломатической части. Гдѣ было особенно трудно, туда князь послалъ Станчова. Онъ пережилъ въ Вѣнѣ, весьма двусмысленную для болгарской дипломатіи, эпоху отдаленія Болгаріи отъ милостей австрійскихъ и поворота къ русскимъ симпатіямъ и вышелъ изъ испытанія этого съ честью, не посрамивъ ни себя, ни своего отечества. Когда надо было выработать болгаро-русскій торговый трактатъ, правительство князя Фердинанда перевело Станчова въ Петербургъ. Но и отсюда ему пришлось съѣздить въ Вѣну съ важнымъ порученіемъ утишить дипломатическую бурю, поднятую рѣзкимъ, но справедливымъ отзывомъ Стоилова объ австрійской политикѣ на Балканскомъ полуостровѣ и о своекорыстіи ея въ мнимо-дружественныхъ сношеніяхъ съ Болгаріей. Въ грозные майскіе дни 1894 года, которые я сейчасъ описываю, Станчовъ слылъ въ Софіи правою рукою князя, къ крайнему неудовольствію руссофильской партіи, не безъ основанія подозрѣвающей всю семью Станчовыхъ въ наслѣдственномъ австрофильствѣ. Однако, австрофильство—австрофильствомъ, а держаться князя Фердинанда въ тотъ моментъ, когда онъ оттолкнулъ отъ себя главный опорный столбъ австрофильства, то-есть Стамбулова, это—для австрофила-фанатика, какимъ представляли мнѣ Станчова, шагъ странный, чтобы не сказать прямо—рискованный. Послѣ признанія князя Фердинанда законнымъ государемъ Болгаріи,

въ февралѣ 1896 года, Станчовъ едва не попалъ въ министры иностранныхъ дѣлъ, на мѣсто, убраннаго въ архивъ за несвоевременностью, Начевича. Этотъ „ночной филинъ“, какъ звала его софійская уличная кличка, былъ уже слишкомъ ярымъ и старомоднымъ фанатикомъ австрійской идеи; его имя, десять лѣтъ связанное со знаменемъ руссофобовъ, являлось неудобнымъ въ кабинетѣ, созданномъ, чтобы охранять и развивать возрожденную русско-болгарскую дружбу. Д-г Стоиловъ искалъ человѣка, чье назначеніе и Россіи не было бы противно, и Австріи угодило бы; такою „и Богу свѣткою, и чорту кочергою“ для многихъ представлялось назначеніе Станчова. Онъ, однако, уклонился отъ портфеля, мотивируя отказъ своею молодостью. Зависть къ быстрой карьерѣ юнаго дипломата породила въ Софіи много силетень, не лестныхъ для Станчова. Въ дѣйствительности, его успѣхи при княжескомъ дворѣ объясняются причиной весьма простою, чуждою какихъ либо заднихъ пружинъ, скорѣе психологическою, чѣмъ политическою. Станчовъ—одинъ изъ весьма немногихъ болгаръ, кому дѣйствительно пошло въ прокъ западное образованіе. При остромъ умѣ, блестящихъ талантахъ, онъ, и по воспитанію, по всему складу своего „я“, настоящій европеецъ—переродился въ европейца, стать имъ, а не притворяется только: такими-то въ Болгаріи хоть прудъ пруди! Князь Фердинандъ, человѣкъ изысканный и утонченный, врядъ ли хорошо чувствовалъ себя въ болгарскомъ

обществъ на первыхъ порахъ по прибытіи въ свое новое отечество. Въ паденіи Баттенберга, помимо причинъ политическихъ, сыграло, какъ извѣстно, не малую роль и нескрываемое отвращеніе первого князя Болгаріи къ звѣриному образу, подобію и обычаю его случайныхъ подданныхъ, оскорблявшее общественное самолюбіе и, въ особенности, армію. Болѣе терпѣливый, тактичный и сдержанній, князь Фердинандъ мало, что сумѣлъ сжиться съ болгарами,—онъ окультурилъ ихъ примѣромъ и нравами своего двора, обтесаль, сколько можно было въ такой короткій срокъ, подъ вѣнскую модель—„оболваниль“, какъ выражался покойный И. Ф. Горбуновъ. Далось это князю, конечно, не легко, и не мудрено, что, цѣнѧ въ болгаринѣ европеизмъ, какъ *rara avis*, онъ душевно расположился и привыкъ къ Станчову, съ кѣмъ онъ всегда чувствовалъ себя „въ своемъ обществѣ“ больше, чѣмъ со всяkimъ другимъ представителемъ бѣди, скучной, захолустной Софіи. Вотъ и весь секретъ станчовскаго вліянія и возвышенія. Въ 1896 году,—въ періодъ февральскихъ торжествъ, по случаю присоединенія болгарского престолонаслѣдника, княжича Бориса Тирновскаго, къ православію,—Станчовъ былъ чрезвычайно милъ въ обхожденіи съ нами, русскими гостями князя, предсѣдательствовалъ на завтракѣ, данномъ во дворцѣ въ честь представителей русской печати, и произносилъ на отличнѣйшемъ французскомъ языкѣ отличнѣйшія руссофильскія рѣчи.

Но я имѣлъ случай ознакомиться съ придворнымъ календаремъ-альманахомъ, изданнымъ подъ редакціею этого самаго Станчова въ эпоху наивысшаго могущества Стамбулова. Нѣть клеветы на Россію, которой не повторяла бы эта злобная книга! Въ особенности много усердствовала она въ инсипиаціяхъ по нашему адресу въ некрологѣ dr. Вулковича, покойнаго дипломатическаго агента Болгаріи въ Константинополь. Вулковичъ былъ зарѣзанъ въ кварталѣ Перы какимъ-то разбойникомъ, однимъ изъ сотенъ головорѣзовъ, вѣчно поджидавшихъ въ наклонныхъ иллюстраціяхъ переулковъ-коридоровъ между Перою и Галатою, не попадеть ли имъ подъ ножъ пѣшеходъ съ тугимъ кошелькомъ. По болгарско-стамбуловскому альманаху, выходило ясно, какъ дважды два четыре, что убийство это не простое, но политическое; и что убить Вулковичъ не спаче, какъ по предварительному заговору противъ него чуть ли не всей Великія, Малыя и Бѣлые Руси, которыя, яко бы, трепетали предъ грознымъ имѣнемъ великаго Вулковича,—калось, даже мигъ, одно время довольно усердно занимавшемуся балканской политикою, плохо известнаго... а ужъ куда тамъ думать о немъ Россіи! Я полагаю, девятъ-сотъ девяносто девять тысячныхъ нашего отечества и не подозрѣвало никогда о существованіи этого геніальнаго dr. Вулковича, который, выражаясь словами поэта, и если вѣрить болгарамъ,—

Былъ у насъ въ глазу, какъ терпъ!...

Въ февральские дни, впрочемъ, не одного г. Станчова, а и многихъ-многихъ руссофобовъ, по мановению князя Фердинанда, осѣнила внезапно милость Господия и сдѣлала руссофилами. У г. Станчова—благодаря его недюжинному уму и европейскому такту—этотъ неожиданный, какъ сказалъ бы Щедринъ, „съ Божіей помощью переворотъ“ вышелъ, по крайней мѣрѣ, ловкимъ, не комичнымъ; онъ какъ-то особенно находчиво сразу забылъ все прошлое, до вчерашняго дня включительно, и весь благоговѣйно проникнулся настоящимъ. Иные же изъ его компатріотовъ были въ это время и смѣшны, и жалки, и противны. Признаюсь, въ февральские дни я не разъ доставлялъ себѣ ехидное удовольствіе, слушая новоявленныхъ патріотовъ и руссофиловъ, невинно напоминать имъ пѣсни, пѣтые этими господами въ стамбуловское время, да и въ первые мѣсяцы послѣ стамбуловщины.

Когда, послѣ февральской фееріи, я покидалъ Софию, министръ-президентъ, дг. Константина Столловъ, напомнилъ миѣ:

— А? Каковы перемѣны? Полтора года назадъ, собираясь въ наши края, вы, прежде чѣмъѣхать къ намъ, справлялись, можно лиѣхать. Если я не ошибаюсь, телеграмма г. Суворина къ князю была составлена именно въ такихъ выраженіяхъ: „Желательно послать въ Софию корреспондента, при условіи, что правительство поручится за его безопасность“. Какая разница между „тогда“ и „теперь“.

3

правда ли? Надняхъ, по поводу вашего второго пріѣзда, мы говорили съ княземъ объ этомъ контрастѣ. Въ 1894 году, русскій, направляясь въ Болгарію, опасался за свою жизнь и свободу и—что же скрывать? дѣло прошлое!—былъ не совсѣмъ неправъ въ своемъ недовѣріи къ намъ. Въ 1896 году, русскіе въѣхали въ Софію тріумfalными арками, при крикахъ „ура!“, при звукахъ „Боже, Царя храни!“... Всюду русскіе флаги, общій девизъ: „съ Россіей січко, безъ Россіи нищо“...

Всюду не всюду, а на иѣсколькихъ магазинахъ этотъ девизъ, дѣйствительно, красовался. Захожу въ одинъ такой—купить перчатки. Цѣны оказываются баснословныя. Спрашиваю:

— За что же это?

— Ахъ, г. Амфитеатровъ! Если теперь съ русскаго не взять, то когда же и брать? Восемь лѣть ждали этого случая... Не каждый же день у насъ будутъ признавать князя!

— Это и значитъ—съ Россіей січко, безъ Россіи нищо?

Смѣется хитрый братушка!..

На свиданіе со Стамбуловымъ, какъ „пожирателемъ русскихъ“, я мало надѣялся, тѣмъ болѣе, что въ Рущукъ меня предупреждали, будто попасть къ Стамбулову очень трудно. На всякой случай, иѣкто д-р Манойловъ снабдилъ меня письмомъ къ публицисту „Свободы“ г. Драмову-Левову, чтобы онъ, какъ свой человѣкъ у Стамбулова, облегчили мнѣ

Къ статьѣ „Степанъ Стамбуловъ”.

Степанъ Николаевичъ
Стамбуловъ.

доступъ къ эксъ-диктатору. Но г. Драмова-Левова я въ редакціи „Свободы“ не засталъ,—какъ потомъ выяснилось, къ большому моему счастію, ибо субъектъ этотъ далеко не изъ перловъ и адамантовъ болгарской націи. Дорожа временемъ, я рѣшилъ постучать въ двери Стамбулова самостоительно безъ всякихъ предварительныхъ церемоній и рекомендаций, кромѣ посыла своеї визитной карточки. Позвонилъ. Дверь пріотворилась на протяженіе крѣпкой стальной цѣпочки не болѣе фута длиною. Въ щель выглянула бородатая рожа, съ испуганными глазами. Выхватила карточку и исчезла; я остался предъ запертою дверью. Опять загремѣла дверная цѣочка, опять предо мною бородатая рожа, но уже любезно улыбается... Проходя въ кабинетъ Стамбулова, я замѣтилъ въ сѣняхъ четырехъ парней, видимо, всего лишь нѣсколько дней переобутыхъ изъ опанокъ въ сапоги; ребята самаго сумрачнаго вида, тѣлохранители—хоть куда! Такіе у насъ только въ Москвѣ, въ Охотномъ ряду, водятся. Они пропустили меня, какъ сквозь строй, окидывая подозрительными взглядами. Карманы ихъ неуклюжихъ пиджаковъ откровенно топырились отъ спрятанныхъ револьверовъ... такъ, впрочемъ, топырились карманы не у однихъ стамбуловцевъ, а почти у всякаго софійца въ тѣ тревожные дни, когда никто, ложась спать, не былъ увѣренъ, кѣмъ проснется онъ поутру—министромъ или узникомъ Черной Джамії?

Стамбуловъ принялъ меня прекрасно. Къ предупредительнымъ пріемамъ я къ тому времени уже привыкъ въ Софії: всѣ представители правительства, кого я успѣлъ повидать, удѣляли мнѣ свое время и снабжали меня свѣдѣніями съ рѣдкою готовностью. Но тамъ это было понятно. Направленіе новой послѣ-стамбуловской политики, хотя и колеблющееся, считалось руссофильскимъ, и, следовательно, представитель распространенной и вліятельной русской газеты являлся желаннымъ гостемъ въ формируемыхъ министерствахъ. Кромѣ того новое правительство вообще выбивалось изъ силъ, чтобы доказать иностранцамъ, какъ много въ Болгаріи, съ удаленіемъ Стамбулова, родилось, по щучьему велѣнью, по Стоилова прошенію, законности, свободы, безпристрастія; какъ вся ея политика стала откровенною, душа на распашку; какъ твердо стоять на ногахъ новорожденный легальный порядокъ страны, и какъ быстро ужасы низверженной стамбуловщины замѣнились чуть не аркадскою идилліей. Теперь же я былъ у человѣка, для котораго уже самое присутствіе мое въ Софії являлось жестокимъ напоминаніемъ его паденія. Мѣсяцемъ ранѣе 18 мая, русскій корреспондентъ врядъ ли могъ проникнуть въ правительственные сферы Софії, а проникнувъ, не обрадовался бы. Вотъ примѣръ. Когда г. Татищевъ остановился въ Софії, у дверей его номера въ „Hôtel Bulgarie“, откуда ни возьмись, выросли жандармы и стояли до тѣхъ поръ, пока лич-

ные визиты представителей правительства не устроили блюстителямъ порядка, что за человѣкъ этотъ русскій путешественникъ и съ какими цѣлями пожаловалъ въ болгарскую столицу. Положеніе непріятное. Да не обрадовались бы и тѣ, кто неосторожно завязали спошненія съ русскимъ гостемъ. Знакомство, разговоръ съ русскимъ, при Стамбуловѣ, вмѣнялись болгарину въ государственное преступленіе.

Путешествуя изъ Рущука по Дунаю до Ломъ-Наланки и изъ Ломъ-Наланки черезъ Берковицкій Балканъ, Петроханскимъ переваломъ, въ Софию, значитъ, проѣхавъ насквозь всю Сѣверную Болгарію, я не слыхалъ, буквально, ни одного добра го слова о Стамбуловѣ, а читалъ добрая слова только въ собственныхъ изданіяхъ павшаго министра-диктатора, въ „Свободѣ“ и „Пловдивѣ“. 18-е мая вызвало въ провинціи взрывъ торжества, еще сильнѣйший, чѣмъ въ Софіи. Повсюду совершились auto-da-fe портретовъ экса-диктатора, которые Стамбуловъ обязывалъ имѣть въ нѣсколькихъ экземплярахъ не только всѣ общественные и образовательныя учрежденія, но и трактиры, корчмы, кабаки. Въ Княжевѣ, подъ Софией, мнѣ случилось быть свидѣтелемъ такого курьеза. Незадолго до паденія Стамбулова, какая-то литографія выпустила лубочную картину, изображавшую княжескую семью и, среди нея, самого „великаго Степана“. Постѣ 18-го мая „патріоты“ вырѣзывали съ этой картины лицо Стам-

булова, мужественно отправляя безотвѣтный портретъ подъ каблукъ или непосредственно въ мѣста неудобонаизываемыя. Въ княжевскихъ же баняхъ опальный портретъ былъ лишь залѣпленъ бумагкою.

— Что это значитъ? — спросилъ я хозяина бани.

— Зачѣмъ портить картину? — резонно возразилъ хитрый „цинкаръ“. — Стамбулова и за бумагкою не видать. А если онъ опять вернется къ власти, моимъ сосѣдямъ придется покупать новый его портретъ, мнѣ же нѣть: отлѣпилъ бумажку,—и вотъ онъ снова.

Откровенность убѣждений — почти Мольеровская! Впрочемъ остроумный изобрѣтатель этой политики „на всякий случай“ былъ, какъ уже сказано, не болгаринъ, но „цинкаръ“, то-есть... вотъ ужъ и не знаю, какъ опредѣлить национальность „цинцара“. Да и болгаре толкомъ не знаютъ, да врядъ ли знаютъ и сами цинкары. Больше всего къ нимъ подходитъ старинное опредѣленіе Устряловымъ личности второго Лжедимитрія: цинкаръ — „человѣкъ ума дерзкаго, души безпредѣльно-мечтательной, и едва ли не жидъ“.

Трудно вообразить, не бывъ свидѣтелемъ, какую массу ненависти успѣлъ накопить Стамбуловъ въ народномъ сердцѣ за восемь лѣтъ своихъ безконтрольныхъ полномочій. Паденіе его было неизбѣжно. Если бы его продолжала поддерживать чиновничья

Софія, подняла бы знамя восстания, истощившая свое теріїніе, провинція.

Стамбуловъ предчувствовалъ опасность, когда, подъ угрозою отставки, требовалъ у принца Фердинанда военного положенія для нѣсколькихъ окружовъ, начавъ, въ видѣ примѣра, съ села Садины. Послѣ того, какъ садинцы выбрали депутатомъ въ народное собраніе не стамбуловскаго кандидата, но оппозиціонера,— самовластный диктаторъ назначилъ туда въ видѣ наказанія, военную экзекуцію, т. е. солдатскій постой за счетъ иждивеніе садинскаго общества. Противоконституціонная мѣра эта вызвала общее негодованіе и сошла на нѣть, благодаря тогдашнему военному министру Петрову, какъ мы увидимъ ниже, вообще, одному изъ главиѣшихъ виновниковъ стамбуловскаго паденія. Петровъ, указавъ, что по конституціи военная экзекуція можетъ быть назначена лишь въ томъ случаѣ, если село упорно и открыто даетъ притонъ разбойникамъ, выяснилъ вмѣстѣ съ тѣмъ князю, что дѣлать войско орудіемъ наказанія, за политическую неудачу первого ministra, навязывать ему полицейскую роль и обязанности палачей на службѣ администраціи—совершенно неприлично и значить разворащать армію. Все это было резонно и принято княземъ въ соображеніе, но, подъ стамбуловскимъ напоромъ, Фердинандъ колебался на чью сторону ему склониться. Почувствовавъ оппозицію, самолюбивый Стамбуловъ вабѣлся и по-

ставилъ вопросъ о военномъ положеніи четырехъ округовъ, въ томъ числѣ Тырновскаго, какъ *conditio sine qua non* своего дальнѣйшаго пребыванія у власти.

Онъ никакъ не ожидалъ, что отставка будетъ прията; вѣдь ужъ много разъ онъ, путемъ подобной же угрозы, добивался отъ князя всего, чего хотѣлъ. Вѣроятно, и теперь угроза оказалась бы дѣйствительною, и военное положеніе, а вслѣдъ за тѣмъ народная революція стали бы неизбѣжными. Но Болгаріи помогли случай и отчасти, хотя далеко не въ той степени, какъ думаютъ, покойная супруга князя Фердинанда, княгиня Марія-Луиза, успѣвшая, за короткое время своего пребыванія въ странѣ, завоевать самую лестную популярность, увы,—значительно разрушенную впослѣдствіи, совершенно неожиданнымъ для болгаръ, превращеніемъ принцессы въ ярую католичку,—тогда какъ она слыла за свободомыслящую,—и временнымъ противодѣйствіемъ желанному всей страною событию 2-го февраля 1896 года. Теперь обстоятельства выяснили, что противодѣйствіе это, доведенное даже до демонстративнаго отѣзда княгини изъ Софіи, было тоже болыше политическимъ маневромъ—страхомъ ради, если не іудейска, то римска и австрійска. Марія-Луиза не выносила Стамбулова. Врядъ ли ей, какъ женщинѣ съ самолюбиемъ, нравилось и обращеніе Стамбулова съ княземъ, ея супругомъ, часто выходившее, какъ гласила софійская молва, изъ границъ

приличія. Молодая княгиня была врагомъ Стамбулову настолько же, насколько покровительствовала ему прежде мать князя, Клементина. Стамбуловъ это зналъ и принималъ втайне мѣры, чтобы обезопасить себя отъ властной непріятельницы. Конечно, бухарестскіе слухи весною 1894 года о какомъ-то, перехваченномъ правительственными агентами динамитѣ, о намѣреніи взорвать на воздухъ конакъ князя вмѣстѣ съ его фамиліей—сказки. Тѣмъ болѣе, что динамитомъ этимъ пугали Фердинанда одинаково и органы Стамбулова, и органы оппозиціи. Оппозиція кричала: „ваше высочество, вотъ что готовитъ вамъ Стамбуловъ!“. А Стамбуловъ: „ваše высочество, вотъ что готовитъ вамъ оппозиція!“

Зачѣмъ динамитѣ? Если бы Стамбулову понадобилось, онъ могъ сплавить Кобурга изъ Болгаріи. живого или мертваго, гораздо проще и безъ шума. Положеніе Фердинанда въ ту пору было истинно трагическое. Одинъ въ чужой странѣ, безъ партіи, безъ освѣтительной власти, отвергнутый Европою, не болѣе, какъ только терпимый Болгаріею, онъ чувствовалъ себя всецѣло въ рукахъ Стамбулова. Подводилъ же онъ, говорятъ, при одномъ спорѣ, своего злополучнаго государя къ окну дворца полюбоваться Ломъ-Паланскимъ шоссе, „по которому увезли Александра Баттенберга“.... Нѣтъ, взрывать Кобурга диктаторъ не собирался. Но несомнѣнно: чувствуя, что принцъ, свыкаясь съ страною, крѣпнетъ и ускользаетъ изъ-подъ его вліянія; освѣдо-

мясь, что на женской половинѣ дворца идетъ противъ него открытое возмущеніе; сознавая, что съ умною женщиной, да къ тому же еще съ молодою женою бороться трудно, а, пожалуй, и невозможно.—диктаторъ принималъ свои мѣры, дѣйствительно, могъ готовить Фердинанду сюрпризъ смѣщенія и, во всякомъ случаѣ, держалъ его подъ постоянной угрозою такого сюрприза. Онъ притворялся, будто сильно подумываетъ о кандидатурѣ на престоль графа Гартина, трехлѣтняго сына Александра Баттенберга отъ опереточной пѣвицы Лейзингеръ, бракомъ съ которою Баттенбергъ окончательно отрѣзалъ себѣ всѣ пути къ политической карьерѣ. А можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ подумывалъ. Идея эта могла быть заманчивою для Стамбулова уже потому, что ея осуществленіе обеспечивало ему долгое, всевластное регентство...

Впослѣдствіи г. Татищевъ свидѣтельствовалъ, что разрывъ князя Фердинанда со Стамбуловымъ начался еще съ 1890 года. Г. Татищевъ знаетъ въ болгарскомъ вопросѣ такія подноготныя, куда другому дипломату и во снѣ не забраться,—поэтому, мы должны вѣрить его словамъ. Но, во всякомъ случаѣ, разрывъ этотъ, если онъ и былъ, держался и княземъ, и Стамбуловымъ въ глубокомъ секрѣтѣ. О немъ не знали не только въ Болгаріи, но—кромѣ г. Татищева—и всевѣдущіе европейскіе дипломаты, хотя имъ всякий политическій пожаръ извѣстенъ за полчаса до пожара. Въ Бухарестѣ посланикъ

одной изъ великихъ державъ, наиболѣе заинтересованной на Востокѣ и особенно въ болгарскомъ вопросѣ, выражалъ мнѣ такой взглядъ на событіе 18-го мая:

— Переворотъ засталъ насъ всѣхъ врасплохъ. Чего-то новаго мы ждали съ болгарской стороны однако, не этого. Что именно—мы не знали, но что-то зреѣло и носилось въ воздухѣ уже, когда принцъ Фердинандъ сидѣлъ еще на весеннемъ отдыхѣ въ своемъ замкѣ Эбенталѣ. Ходили слухи, что въ его отсутствіе подъ шумокъ обрабатывается *coup d'état*, что они со Стамбуловымъ дошли, мало сказать, до вражды,—до отвращенія, до ненависти другъ къ другу; что Стамбуловъ перешелъ въ отношеніяхъ къ принцу послѣдніе предѣлы нахальства. Когда принцъ вернулся изъ Эбенталя, ему представлялись всѣ министры а Стамбулова не было, по болѣзни,—помните? Ну, думаемъ, значитъ, разрывъ и переворотъ. Куда то отвезутъ они бѣднаго Кобурга? И вдругъ, какъ громъ съ яснаго неба, эта сверхъестественная телеграмма: Стамбуловъ палъ. Политика неожиданностей, только и возможная, кажется, что на Балканахъ, да еще въ республикахъ Южной Америки.

Къ людямъ партій торжествующихъ, вступающихъ въ фазисъ политического преобладанія надъ страною, являться легко: они всѣ въ будущемъ есть опредѣленные вопросы, установленныя выжи-

18

дательныя точки, съ какихъ начинаяшь ихъ экзаменъ и потомъ разсматриваешь ихъ личности и программы. Но Стамбуловъ.... вѣдь это въ нѣкоторомъ родѣ „храмъ разрушенный—все храмъ, кумиръ поверженный—все богъ!“ Пожать ему руку и затѣмъ, съ мѣста въ карьеръ, приступить къ допросу: какъ, молъ, вы, г. эксъ-министръ, чувствуете себя, полетѣвъ съ высоты?—значило бы повторить въ новой варіаціи старый щедринскій мотивъ о политическомъ *interview* у графа Твердоонто:

— Ваше сіятельство! позвольте одинъ нескромный вопросъ: когда человѣкъ сознаетъ себя, такъ сказать, вмѣстилищемъ государственности... какого рода чувство испытываетъ онъ?

— *C'est un sentiment... ineffable!*

Если принять во вниманіе, что это былъ мой первый опытъ политического разговора съ настоящимъ государственнымъ человѣкомъ, что шаблона интервьюерского у меня не имѣлось,—да такъ я, слава Богу, его себѣ и не выработалъ!—читатель пойметъ, что скрыть свое смущеніе отъ Стамбулова и принять на себя такой видъ, будто я всю жизнь только и дѣлаю, что ободряю министровъ восходящихъ и утѣшаю павшихъ,—было совсѣмъ не легко. Поэтому я былъ отъ души благодаренъ Стамбулову, когда, послѣ обычныхъ привѣтствій и распросовъ о моихъ, впечатлѣніяхъ путешествія по Болгаріи, онъ самъ перевелъ разговоръ *in medias res*.

— Конечно, вы читали уже печальную телеграм-

му о смерти Карно? (Я попалъ въ гости къ Стамбулову какъ разъ въ день убийства бывшаго президента французской республики). Какая жалость! Такой корректный, безобидный политический дѣятель! Это былъ кладъ для республики, и вотъ поднялась же на него рука у какого-то негодяя. Вотъ вамъ лучшій примѣръ, что въ политическихъ суматохахъ убиваются и уничтожаются не всегда самаго виноватаго,—значительно подчеркнулъ Стамбуловъ, улыбаясь весьма горькою и, нельзя сказать, чтобы пріятною по выражению, улыбкою. Да, да... у васъ русскихъ, есть пословица: пуля виноватаго найдеть. Пословица красавая, но несправедливая, потому что политическія пули попадаютъ, главнымъ образомъ, въ людей, виноватыхъ лишь тѣмъ, что они через-чуръ выдались изъ общаго строя, а выдались потому, что слишкомъ преданы общему благу...

На мой взглядъ, „раненый левъ Болгаріи“,—такъ звала смѣщенаго Стамбулова его партія,—походилъ скорѣе на загнанного волка, чѣмъ на льва. Представьте себѣ маленькаго, толстенькаго, черненькаго человѣчка, необыкновенно лобастаго: именно такъ лобасты бываютъ матерые, травленные волки; первое впечатлѣніе — часть вмѣсто цѣлаго, лобъ вмѣсто лица. Портреты Стамбулова не похожи. Художники и фотографы-ретушеры неумѣло листили диктатору, расправляя смятые черты его лица. Они не понимали, что тѣмъ портятъ характерную его выразительность. Подгоняя наружность Стамбулова

къ русскимъ типамъ, можно сказать, что онъ смотрѣлъ частнымъ повѣреннымъ (каковымъ онъ и былъ до политической карьеры) съ бойкой, сомнительной практикой и огромнымъ въ ней успѣхомъ. Минимое сходство съ Наполеономъ (иные болгары любятъ проводить параллели между нимъ и Стамбуловымъ) ограничивалось брюшкомъ и общею коротковатостью фигуры. Во время разговора, Стамбуловъ любилъ острить, привязываться къ удачной фразѣ, красному словечку и часто смеялся непріятнымъ, потому что мало естественнымъ, смѣхомъ: хихикаетъ и хохочеть, а у самаго глаза даже не улыбнутся, полные тревожнаго, опасливаго и жестокаго выжиданія. Частая улыбка—постоянная маска Стамбулова—обнажала два низанныхъ ряда великолѣпныхъ бѣлыхъ зубовъ; не диво, что Стамбуловъ скучалъ ими Болгарію. Зубы хищнаго звѣря, грозные клыки въ крѣпкихъ челюстяхъ—признакъ деспотической, властной натуры. Такую волчью пасть на человѣческомъ лицѣ я видѣлъ ранѣе лишь одинъ разъ—у Леопольда Захеръ-Мазоха. Между нимъ и Стамбуловымъ было, вообще, странное родственное сходство, какая-то смежность натуръ. Соперничали они, между прочимъ, и въ необузданной чувственности. У Стамбулова, она, по крайней мѣрѣ, имѣла естественное направленіе, тогда какъ Захеръ-Мазохъ мало того, что самъ былъ „клиническимъ случаемъ“ всевозможныхъ половыхъ извращеній, но еще и твореніями своими далъ Крафтъ-Эбингу поводъ окрестить

именемъ „мазохизма“ одну изъ наиболѣе распространенныхъ аномалий инстинкта любви. Охотники до „человѣческихъ документовъ“ по этой части могутъ отмѣтить фактъ, подтверждаемый многочисленными показаніями, что у Стамбулова была довольно дикая страсть: поливать на своихъ оргіяхъ голыхъ женщинъ шампанскимъ. Въ полемической брошюрѣ Д. Ризова сцена эта изображена подробно, а въ другой книжкѣ, не помню чьей, негодующій авторъ даже припоминаетъ по этому поводу пиры Тиверія и Нерона, какъ описаны они у Светонія. Правду сказать, отъ упражненія этого отдаетъ не столько цезаризмомъ, сколько нижегородскою ярмаркою и разгулявшимся купецко-бурсацкою натурою:

— Нашему нздраву не препятствуй! Пей, а то за воротъ вылью!

Мнѣ такъ много говорили про обаятельность манеръ Стамбулова, что я почти боялся къ нему подти.

— Запоеть онъ васъ! Это—сирена!—предупреждали меня,—онъ, когда захочетъ очаровать нужнаго ему человѣка, прямо великъ дѣлается. Такого эффектнаго оратора, такого ловкаго, живого собесѣдника не найти, пожалуй, не то, что въ Болгаріи, но и во всей Европѣ. Онъ вамъ всякую свою подлость подъ такимъ соусомъ подастъ, что она вамъ сгоряча, на первый взглядъ, за великий подвигъ покажется. Всѣ, кто знакомится со Стамбуловымъ, нѣкоторое время влюблены въ него, говорять его словами,

смотретьъ его глазами. Съ нимъ надо пудъ соли съѣсть,—тогда только узнаете, какіе у него когти; а раньше—онъ съ васъ будетъ шкуру драть, а вамъ все еще будетъ казаться, будто это онъ только такъ, шутки и ласки ради, царапается по игривости натуры.

Съ гордостью могу сказать, что, несмотря на явное желаніе Стамбулова произвести на русскаго корреспондента сильное впечатлѣніе и блеснуть передъ нимъ „какъ можно очаровательнѣе“, я ушелъ отъ него столь же равнодушный къ нему, какъ и раньше былъ,—такъ, словно посмотрѣлъ любопытнаго звѣря. Типъ дѣятеля-самовольца я видѣлъ гораздо красивѣе представленнымъ, хотя и въ меньшемъ масштабѣ, въ лицѣ покойнаго московскаго городскаго головы Н. А. Алексѣева; въ немъ, если хотите, было не мало стамбуловскихъ чертъ, только направленныхъ къ добру, къ общей пользѣ.

— Да, Карно убить,—продолжалъ Стамбуловъ,—убить мерзавцемъ-анархистомъ. Вотъ онъ, соціалистическая ягодки. Плоды движенія, которому льстять силы, меня низвергшія, потому что онъ плоть отъ плоти и кость отъ кости этого движенія. Да! я знаю его наизусть. Еще въ Одессѣ я былъ знакомъ съ русскими нигилистами и изучилъ ихъ... А потомъ пошли нигилисты болгарскіе... Ха-ха-ха! болгарскіе нигилисты! Глупость-то какая! Соціализмъ въ странѣ, гдѣ не знаемъ, что дѣлать съ обиліемъ земли, и нѣть промышленности, нѣть рабочаго класса. немыслимъ рабочій вопросъ... Едва выходимъ изъ пас-

тушескаго быта,—и уже соціалисты!.. Мальчишки толкутся въ швейцарскихъ университетахъ и, по наивности, заражаются, на вѣру, идеями вашихъ эмигрантовъ, а затѣмъ возвращаются сюда и дѣлаютъ движеніе. Да! я смѣло говорю, положа руку на сердце: нашею соціалистическою партіей мы обязаны вамъ, русскимъ, вашему заграничному студенчеству, а черезъ него—студенчеству нашему.

Я пришелъ къ Стамбулову, чтобы слушать его и изучать, а не для дебатовъ съ нимъ, не для того, чтобы обратить его въ новую политическую вѣру. Поэтому я оставилъ безъ возраженія его выходку противъ заграничныхъ университетовъ и болгарскаго и русскаго въ нихъ студенчества. А возразить было что. Если въ словахъ Стамбулова и была доля правды, то кто же виноватъ? Кто, какъ не Стамбуловъ, развилъ—на зло Россіи—въ болгарской молодежи повальное стремленіе въ европеїскіе университеты, кто отбилъ ее отъ университетовъ русскихъ? Болгаринъ, кончившій курсъ въ русскомъ университете, по возвращеніи на родину, не находилъ у стамбуловскаго правительства ни привѣта, ни службы; его встрѣчали, какъ политически неблагонадежнаго, за нимъ, безъ всякой вины, учреждали полицейскій надзоръ. Между тѣмъ, русскій университетъ для болгарина всегда значительно полезнѣе западно-европейскаго. Правда, западно-европейскій курсъ короче по годамъ. Но не слѣдуетъ упускать изъ вида, что прежде, чѣмъ явиться факти-

ческимъ слушателемъ курса, болгаринъ долженъ изучить французскій или нѣмецкій языкъ—настолько, чтобы понимать живую, устную рѣчь, чтобы лекціи не оставались для него „узоромъ надписи надгробной на непонятномъ языкѣ“. Такое изученіе, какъ признавались миѣ многіе болгаре-западники береть не менѣе года. Въ Россіи же, благодаря родственности языка, болгаринъ свободно слушаетъ и понимаетъ лекціи спустя мѣсяцъ, много два, по вступленіи въ университетъ. Да и то для студентовъ изъ южныхъ славянъ существуютъ особо установленные права и льготы испытаній. Такимъ образомъ, русскій университетъ образовываетъ болгарина нормально, исподволь, безъ чрезмѣрныхъ усилий и переутомленія, вызываемыхъ необходимостью догонять въ курсѣ, запущенномъ по безъязычію, остальныхъ товарищѣй. Западные же университеты, хотя и скорѣе ведутъ къ практической цѣли, но массою неизбѣжного труда безнадежно придавливаютъ болгарскую голову. Сколько я ни видаль болгаръ-западниковъ, всѣ они—либо заучившіеся педанты, либо неврастеники, либо, наконецъ, просто шелопаи, убоявшіеся бездны премудрости, а потому проходившіе научные курсы въ университетахъ Парижа и Вѣны лишь номинально, фактически же — въ Café Americain, либо у Ронахера. Молодежь послѣдняго типа засиживается въ Европѣ подолгу, отвыкаетъ отъ родины, либо не женится вовсе, либо женится на иностранкахъ.—вообще, ста-

новится уже отрѣзаннымъ ломтемъ болгарской семьи.

— Помилуйте! — жаловался мнѣ г. М., кметъ города Софіи,—на что это похоже? Мой сынъ сидитъ въ Вѣнѣ восьмой годъ и не дозволивъся его на родину. Чего,—пишетъ онъ мнѣ,—я не выдалъ въ Софіи? Малому двадцать семь лѣтъ... Боже мой! да мы въ его годы уже политику дѣлали! Самъ-то я русскаго воспитанія, а сына—польстился на карьеру—послалъ въ Вѣну... И вотъ—плоды!..

Любопытно, что болгары-студенты русскихъ университетовъ проявляютъ гораздо больше чуткости и отзывчивости къ общественнымъ вопросамъ, чѣмъ студенты западно-европейскіе. Послѣдніе всѣ—какъ будто немножко *blasés*, не то стыдятся своей родины, не то машинали на нее рукою: съ такою, моль, азіатчиною и во сто лѣтъ не управиться! Только на то и годится, чтобы снимать съ нея шкуру за шкурою... Сильные политическіе дѣятели восьмидесятыхъ годовъ—Каравеловъ, Климентъ, даже самъ Стамбуловъ—русскаго воспитанія. Дурно ли, хорошо ли, но они сыграли въ болгарской исторіи яркія роли. Сумѣютъ ли замѣнить ихъ о francaции и онѣмѣченные западники,—бабушка на двое говорила.

— Новое правительство! — иронически говорилъ между тѣмъ Стамбуловъ, — что же, пусть правятъ. Если господину Стоилову удастся добиться, чего не могъ добиться я. — уравновѣсить нашу внѣшнюю

политику—я готовъ поцѣловать у него руку. Обѣщаю тѣмъ легче, что исполнять не придется: они затѣяли невозможное. Они заигрываютъ съ Россіей, они, изволите ли видѣть, руссофилы...

— Виноватъ,—прервалъ я Стамбулова,—съ тѣхъ поръ, какъ я въ Болгаріи, меня смущаетъ одна странность. Смѣнившее васъ правительство со стороны нѣкоторыхъ органовъ, преимущественно же, вдохновляемой вами „Свободы“, подвергается упрекамъ въ руссофильствѣ. Между тѣмъ, въ Россіи значительная часть прессы пророчила—основываясь, гла-внымъ образомъ, на прошломъ поведеніи настоящаго болгарскаго премьера Стоилова—вполнѣ руссофобскую политику. Какъ помирить эти два взгляда?

— Очень просто. Люди новаго правительства не въ состояніи составить собственныхъ партій. Имъ, каждому въ отдельности, не повѣрятъ, за знаменемъ ихъ не пойдутъ. Случай бросилъ къ власти, власть хороша, за нее надо держаться. А чѣмъ держаться? Гдѣ партія? Нѣту партіи. Ну, разъ нѣту партіи своей, надо поддѣлаться подъ чужую. Руссофилы въ Болгаріи огромная и страшная сила. Надо мою энергію, чтобы ее обуздывать. Господинъ Стоиловъ и Комп.—недавніе руссофобы, но еще больше, чѣмъ русскихъ, боятся потери власти. Поэтому изъ руссофобовъ они со спокойною совѣстью превратятся въ руссофиловъ.

Глазки Стамбулова засверкали.

— Только, предсказываю вамъ это, не удастся

имъ ихъ руссофильскія комедіи. Я знаю: меня въ Россіи считаютъ людоѣдомъ; будто я каждое утро перекусываю кому нибудь горло и пью кровь вмѣсто кофе. Меня считаютъ врагомъ Россіи, въ чемъ ошибаются, и врагомъ русскаго вліянія въ Болгаріи, въ чемъ совершенно правы, чѣмъ я горжусь. Но я былъ всегда открытымъ и, слѣдовательно, честнымъ врагомъ. А новое правительство играетъ съ Россіей въ прятки, въ жмурки; оно думаетъ обольстить ее руссофильствомъ, чтобы добиться разрѣшенія династическаго вопроса, главнаго изъ стоящихъ на очереди.

— Вы играете въ карты? — неожиданно озадачилъ онъ меня вопросомъ.

— Нѣтъ... а что?

— Да такъ: у не совсѣмъ чистыхъ игроковъ есть система — давать партнеру маленькія ставки, а крупные — бить. Наши мудрецы хотятъ затянуть въ такую игру русскихъ: дать мало, а получить много. Но... Ха-ха-ха! Надуть Россію! Знаете ли вы, что это значитъ? Это значитъ играть на ошибочные козыри, думать, что имѣешь за собою девяносто девять шансовъ, а на самомъ дѣлѣ они всѣ — за противникомъ, а у тебя то врядъ ли есть хоть одинъ. Я никогда не боялся никакихъ дипломатовъ и не боюсь, а вашихъ боюсь. Не потому, чтобы они были особенно тонки, хитры, дальновидны, пронырливы, дѣятельны, наконецъ, въ агитациѣ, — напротивъ, вы иногда держали въ Болгаріи такихъ дипломатовъ, что — храни

отъ нихъ Господь всякую страну, наипаче же ту, которой они служать! Но потому, во-первыхъ, что нихъ есть чутье, славянское чутье на насъ, болгаръ; они насъ понимаютъ и знаютъ, когда на насъ нажать, когда распустить руку. А, во-вторыхъ, потому, что на русскаго дипломата никогда нельзя положиться, какъ на дипломата западнаго.

— Почему же?

— Оттого, что ихъ полномочія разныя Всѣ правительства, отправляя дипломатическихъ агентовъ на востокъ, говорять имъ: программа твоя вотъ такая-то, а какъ ее выполнять—твое дѣло, тебѣ на мѣстѣ видно. Германская, англійская, австрійская политика въ балканскихъ вопросахъ на Балканахъ же и дѣлается. А русская—вся въ Петербургѣ, здѣсь она только выполняется. Когда англійскій агентъ говоритъ мнѣ „да“, я увѣренъ, что изъ Лондона мнѣ не скажутъ „нѣть“. А если мнѣ говоритъ „да“ агентъ русскій, я еще очень подумаю повѣрить, ибо весьма можетъ быть, что завтра же прилетитъ изъ Петербурга телеграмма съ категорическимъ отказомъ мнѣ и съ головомойкою агенту за самовольство. Русскіе агенты у насъ сами какъ мнѣ кажется, не знаютъ границъ своихъ полномочій, да не всегда хорошо освѣдомлены и о настроеніи и намѣреніяхъ своего правительства. Я живо помню, какъ, въ день присоединенія Румеліи, русскій агентъ совершенно растерялся: поздравлять ему князя или протестовать? А Сливница? А послѣ

Сливницы? А переворотъ Баттенберга? А Каульбарсъ? А Сорокинъ? А Хитрово, которому, когда онъ былъ перемѣщенъ, я послалъ вслѣдъ поздравительную телеграмму, ибо онъ былъ радъ избавиться отъ меня, а я былъ радъ избавиться отъ него?

— Съ другой стороны, положимъ, что „они“ искренни, — продолжалъ онъ, помолчавъ, — предположимъ, что они, дѣйствительно, собираются играть въ руссофильскую политику, дѣлать Россіи уступки, пустить ее хозяйкою въ свой домъ. Мыслимо ли это? Не думаю. Моя дѣятельность всегда лжетъ между Россіей и Болгаріей черною, раздѣльною полосою; ее не такъ-то легко переступить. Было время, когда Болгарія была совсѣмъ русскою. Минѣ стоило тяжкаго труда отодвинуть ее отъ Россіи. Но теперь я твердо вѣрю, что, по крайней мѣрѣ, раньше пятидесяти лѣтъ сближенія не произойдетъ. А тогда — съ Богомъ! Тогда Болгарія будетъ такъ самостоятельно крѣпка, такъ проникнута сознаніемъ своей неприкосновенной національности, что никакое иностранное вмѣшательство не будетъ страшно. Россія указала путь моей политикѣ, когда совершила огромный промахъ — отозвала изъ болгарской арміи своихъ офицеровъ. Пока они были въ Болгаріи, наша армія была на три четверти русскою. Теперь она въ высокой степени національна. Ей не нужны ни русские, ни австрійскіе инструкторы. Она самостоятельно развивается и любить свое самостоятельное развитіе. Она не потерпитъ иностраннаго вмѣшатель-

ства. Введите въ нее снова русскихъ офицеровъ, посадите военнымъ министромъ русскаго генерала, —армія будетъ принципіально противъ нихъ, окажеть имъ пассивное сопротивленіе бездѣйствіемъ и, слѣдовательно, дезорганизаціей, а, можетъ быть, и военною революціей.

Здѣсь я опять долженъ вставить нѣсколько словъ отъ себя. Говорилъ столь храбрыя и патріотическія слова Стамбуловъ въ іюнѣ 1894 года. А еще въ марта онъ вступилъ въ соглашеніе съ тоже покойнымъ уже, министромъ-президентомъ австрійскимъ Кальноки—именно о введеніи въ болгарскую армію австрійскихъ инструкторовъ. Взамѣнъ того, Австрія обязывалась развязать болгарамъ руки въ Македонії. Сдѣлка не состоялась лишь по противодѣйствію ей военнаго министра Петрова, руководившагося именно тѣми мотивами, какіе высказывалъ теперь Стамбуловъ. Я, впрочемъ, не думаю, чтобы обѣщаніе Стамбулова Кальноки было дано серьезно. Степанъ Николаевичъ былъ слишкомъ уменъ, чтобы не понимать его неисполнимости. Нѣтъ сомнѣнія, что, если онъ и обѣщалъ, то обѣщалъ съ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ надуть Кальноки,—благо австріякъ вѣритъ!... Сдержать же ему слово Стамбуловъ, при всей неограниченности своихъ полномочій, какъ мы увидимъ ниже, не имѣлъ никакой возможности.

Стамбуловъ развивалъ свою мысль.

— Господинъ Татищевъ, когда онъ былъ здѣсь,
— не знаю, офиціознымъ ли посломъ или просто

путешественникомъ - дипломатомъ, охочимъ зондировать почву изъ любви къ искусству.—предлагалъ, въ видѣ компромисса, русскую военную стоянку въ двухъ гаваняхъ Черного моря: въ Варнѣ и Бургасѣ. Тогда я имѣлъ рѣшимость отвѣтить „нѣтъ“. Думаете ли вы, что сейчасъ у меня было бы меныше поводовъ къ такому же отвѣту? Какое основаніе есть у меня довѣряться русской политикѣ, хотя бы по вопросу признанія князя? Я знаю, что въ этомъ вопросѣ все зависитъ отъ личной воли его величества государя императора. Прославленная стойкость Александра III въ симпатіяхъ и взглядахъ извѣстна мнѣ не меныше, чѣмъ всякому государственному человѣку въ Европѣ. Я знаю, что однажды государь императоръ уже не пожелалъ признать правъ Фердинанда, какъ принца-католика, на болгарскій престолъ. Имѣя такой огромный отрицательный капиталъ, я не считалъ уже возможнымъ вести двусмысленную политику, какой хочетъ держаться новое правительство; значитъ, заигрывать съ русскими мнѣ стало не зачѣмъ....

Теперь, когда я снова пишу эти строки, павѣянныя Стамбуловымъ, просто оглянуться жутко: что воды утекло! Скончался царь-миротворецъ, восемь лѣтъ безмолвно державшій Болгарію подъ тяжкою карою своего презрѣнія; убить Стамбуловъ, обратившій за эти восемь лѣтъ Болгарію въ политиканствующую клоаку; присоединенъ къ православію, на зло побѣдѣ Стамбулова надъ конституціей, наследдный княжичъ

Болгаріи Борисъ; умерла Марія - Луиза; князь Фердинандъ признанъ и уже трижды былъ гостемъ русскаго царя; а Болгарія, будто бы отторгнутая стамбуловскимъ геніемъ отъ Россіи на цѣлые полвѣка, уже давнымъ—давно вернулась въ лоно покинутой дружбы. Впрочемъ, о разрывѣ этомъ, якобы столь рѣшительномъ и безповоротномъ, Стамбуловъ уже и въ то время говорилъ чрезчуръ самонадѣянно. Онъ не хотѣлъ видѣть, что въ этомъ вопросѣ онъ одинъ противъ цѣлой страны. Живо помню свой разговоръ въ Рущукѣ съ временнымъ его правителемъ, г. Петковичемъ. То была личность весьма замѣчательная и съ огромнымъ вліяніемъ въ Рущукѣ,—второмъ, по размѣрамъ и политическому значенію, городѣ Болгаріи. Именно его авторитету, энергіи, и умѣлой пропагандѣ кн. Фердинандъ былъ обязанъ легкостью, съ какою правительство восторжествовало надъ стамбуловциною въ Рущукѣ, а слѣдовательно, и вообще на всемъ Дунаѣ. Его ждала блестящая карьера, но кончилъ онъ дурно—застрѣлился по неудачной любви¹⁾.

Онъ говорилъ мнѣ:

— Русскіе имѣютъ о насъ ужасное понятіе. А это больно. Какія бы политическія причины ни раздѣляли болгаръ отъ русскихъ, у насъ одна кровь, одно происхожденіе, одна вѣра, почти одинъ языкъ. Россія дала намъ свободу, мы ей обязаны нашей

¹⁾ См. о немъ „Софійское житѣ-бытье“.

арміей. Мы не хотимъ, чтобы русскій солдатъ, стоя на болгарской землѣ, диктовалъ ей свою волю, но никогда ни одинъ болгаринъ не забываетъ и не забудеть, что кровью этого солдата смыто съ нашей родины пятно рабства. И если Болгарія ужъ такъ несчастна, что не можетъ существовать безъ иностранного вмѣшательства и опеки, конечно, пусть лучше будетъ опека русская, чѣмъ всякая другая. Народная воля указываетъ новому правительству непремѣнное условіе: найти путь примиренія съ Россіей, не оскорбляя въ то же время національного самолюбія. Народъ утомленъ отчужденіемъ отъ страны царя-освободителя, полубога Болгаріи. Упорядоченіе нашихъ виѣшнихъ отношеній должно начаться съ Россіи потому что только ею, собственно, интересуется народъ. Упорядочимъ мы отношенія съ Россіей,—народъ намъ повѣритъ; нѣть,—будетъ тяпнуться старая канитель. Стамбуловъ запугалъ настъ русскими нагайками. Но всякое запугиванье—до поры до времени. Русскихъ нагаекъ мы не видали, а стамбуловская гуляла по нашему тѣлу восемь лѣтъ. Пора образумиться и не трусить призраковъ, когда дѣйствительность ихъ страшнѣе. Часъ, когда Россія согласится признать внутренній распорядокъ Болгаріи *in statu quo*, или съ небольшими поправками, будетъ для настъ такимъ же радостнымъ, какъ часъ освобожденія. Но мы любимъ дарованную намъ свободу, желаемъ пользоваться ею самостоятельно, безъ помочей, любимъ свою конституцію... Кто прикасался

къ нашей конституції съ цѣлью поколебать ее, фатально погибалъ, — въ томъ числѣ, и Стамбуловъ. Итакъ—наша задача: сохранить въ цѣлокупности народную самостоятельность и все, достигнутое и утвержденное народною волею, но въ то же время, во что бы то ни стало, склонить къ себѣ отторгнутыя симпатіи Россіи, признательность къ которой живеть въ каждомъ болгарскомъ сердцѣ; ея не знаетъ развѣ лишь ничтожная кучка отъявленныхъ негодяевъ. людей безъ совѣсти и отечества.

Мнѣніе Петковича повторяли мнѣ сотни разъ десятки людей, изъ разныхъ сословій—купцы, доктора, адвокаты—и изъ разныхъ городовъ: изъ Варны Рущука, Силистріи, Тырнова, Систова и т. д.,—люди, впервые встрѣчавшіеся между собою, но единодушно сходившіеся во взглядахъ.

— Не думайте, чтобы это была перемѣна направленія,—говорилъ молодой варнинскій врачъ Т. (Кievскаго университета).—Всегда всѣ такъ думали. Но... мы народъ нетвердый. Палка и деньги одолѣваютъ болгарина. А Стамбуловъ, нельзя не сознаться, пользовался ими мастерски, да и убѣждать онъ умѣетъ! Огромный талантъ, гнусно направленный, но огромный! Столкнули его, наконецъ, вздохнули легче, и всѣ заговорили...

А когда я, посѣтивъ митрополита Клиmentа завелъ съ нимъ рѣчь о руссофильской партіи, владыка прервалъ меня словами:

— Какая руссофильская партія? Нѣтъ такой въ

Болгарі! Есть цѣлый руссофильскій народъ, который разныя злонамѣренныя партіи стараются отучить отъ любви къ Россіи, но безуспѣшно. Народъ—вотъ наша партія!

До сихъ поръ Стамбуловъ говорилъ съ видомъ искренно и глубоко убѣжденнаго человѣка, увѣреннымъ, твердымъ годосомъ, съ открытымъ, яснымъ взглядомъ. Но затѣмъ глазки его какъ-то и скрытно, и насмѣшиливо забѣгали по сторонамъ; интонаціи сдѣлались неувѣренными.

— Они тамъ, эти новые гг. министры, приготовляются судить меня. Пускай судятъ, пускай. Только за что? вотъ вопросъ. Они не найдутъ ни одного факта, ни одного документа, который бы допустиль мое осужденіе. Все, что я дѣлалъ, я дѣлалъ для блага Болгаріи. Нѣть правительства безъ злоупотребленій. Говорятъ, Стамбуловъ—извергъ, Стамбуловъ—звѣрь: долу Стамбулова! Однако, гдѣ люди, кого я мучилъ или истязалъ лично? Я никогда не удариль собственноручно ни одного человѣка. А что дѣлалось по участкамъ—виноватъ ли я въ томъ? Я не могъ разбирать людей, ихъ у насъ немного; если я иногда бралъ людей изъ дикой массы, то потому, что на нее можно было положиться,—это были болгары, а не партизаны того или другого коновода, готовые, въ угоду своимъ честолюбивымъ шефамъ, продать и меня, и князя, и Болгарію. Наша интеллигенція—дрянь,—рѣзко рванулъ онъ.—Много ли въ ней людей, не побывавшихъ послѣдова-

тельно во всѣхъ партіяхъ? Сегодня выгодна одна, завтра другая,—гдѣ хорошо, тамъ и отчество. То, что творится въ нашихъ образованныхъ классахъ, у васъ только въ Тушинѣ бывало! Такъ ужъ лучше имѣть дѣло съ простециами, чѣмъ съ перевертнями, хотя простецы и грубы и буйны иной разъ. Наконецъ, и въ этомъ отношеніи я имѣю оправданіе: я не создавалъ своей собственной полицейской бригады—я принялъ всю каравеловскую полицію съ ея привычками и традиціями. Вы слыхали поговорку „если бы не сопы (палки) Радославова?“ знаете его уличную кличку—„сопаджія—сойката“ (палочникъ—ворона)? Радославовъ заслужилъ ее, задолго до того, какъ судьба поставила меня у власти. Я унаслѣдовалъ порядки моихъ предшественниковъ и, даю вамъ слово, многое смягчилъ, а не ухудшилъ. Кто докажетъ, чтобы я заставлялъ истязать людей? Я не отвѣщаю за грубость и дикость своихъ подчиненныхъ. Было бы смѣшно требовать отъ первого ministra отвѣтственности за кулакъ подчаска. Скажутъ: зачѣмъ я не смѣнялъ виноватыхъ? Пусть бы мнѣ указали, кого поставить на ихъ мѣсто. Что же дальше? Сейчасъ я паль. Когда падаетъ ministerъ, падаютъ и его подчиненные. Однако побѣдители что-то не торопятся мѣнять моихъ людей и назначать своихъ. Знаете—почему? Потому что имъ не откуда взять ихъ. Болгарія не такъ богата людьми, чтобы ихъ хватало на всѣ наши превраты!

За исключеніемъ послѣдняго замѣчанія и, пожа-

луй, указанія, что болгарскіе полицейско-административные пріемы были жестоки и дики и до его „воцаренія“, Стамбуловъ лгалъ безсовѣстно. „Свободное Слово“ въ это же самое время уличало экс-диктатора именно въ фактахъ собственноручной кулачной расправы, а „лукановское дѣло“ дало богатый новый матеріалъ для такихъ обличеній. Въ оплеухахъ и затрецинахъ сознаваться не сладко, однако я самъ видаль депутатовъ народнаго собранія, которые, преодолѣвъ ложный стыдъ, рассказывали о личныхъ оскорбленияхъ, полученныхъ ими отъ стамбуловской руки. Одинъ изъ такихъ обиженныхъ. нѣкто Писаревъ, всегда носиль въ карманѣ клочкъ своей курчавой черной бороды, выдранной при допросѣ по миларовскому процессу (объ убийствѣ Бельчева) собственными пальцами Стамбулова.

— Когда его, подлеца, будуть жечь, я этимъ клочкомъ подпалю костеръ,—съ непримиримою злобою въ глазахъ говорилъ обиженный...

— Что же дальше? Что я очень люблю женщинъ? Пускай даже такъ. Но это мое личное дѣло, а не государственное. Я не тянулъ къ себѣ бабъ неволей, никого не обижалъ; въ крайнемъ случаѣ, я ихъ покупалъ,—грубо отрубилъ Стамбуловъ.

Здѣсь, я долженъ опять остановиться. Эта фраза экс-диктатора, когда я напечаталъ ее въ „Новомъ Времени“, вызвала жестокое негодованіе въ софійскомъ обществѣ.

— Во-первыхъ,—волновался, напримѣръ, ми-

нистръ торговли Тончевъ,—хорошъ государственный мужъ и семейный человѣкъ, который не стыдится, съ такимъ откровеннымъ цинизмомъ, заявить на весь свѣтъ, что онъ покупаетъ женщинъ для своего разврата. Во-вторыхъ, даже и это его заявленіе—ложь, даже и эта гадость прикрашена! Между уголовными дѣлами, заявленными на г. Стамбулова, по паденіи его, частными лицами, огромный процентъ приходится на обвиненія именно въ изнасилованіи и обольщеніи. Покупалъ! Очень можетъ быть, что онъ давалъ своимъ жертвамъ деньги, очень можетъ быть, что онъ даже и брали деньги... Но хороша покупка, если покупателемъ является всевластный тиранъ, кому стоитъ сказать слово,—и братъ, мужъ, отецъ непокорной ему женщины, и сама она очутятся въ застѣнкѣ Черной Джаміи или пятаго участка. Онъ вымогалъ женскій позоръ грозою и нравственнымъ насилиемъ, а не покупалъ его,—лжетъ онъ и клевещетъ на болгарскихъ женщинъ! Между ними, слава Богу, нѣтъ еще продажныхъ.

Стамбуловъ продолжалъ.

— Въ денежнѣмъ отношеніи я готовъ дать отчетъ въ каждой копейкѣ. Я имѣль неограниченное право распоряжаться государственною казной, однако моя отчетность безупречна. Меня упрекаютъ въ моемъ богатствѣ. Оно не такъ велико, какъ думаютъ. Да я и всегда имѣлъ состояніе; промѣнять адвокатуру на министерство было, повѣрьте, невыгодною сдѣлкою, при условіяхъ моей огромной практики!..

Если будут судить меня, то на скамье подсудимыхъ должны явиться вмѣстѣ со мною и наши настоящіе министры. Всѣ они когда-нибудь работали вмѣстѣ со мною, подъ моимъ президентствомъ... всѣ! Режимъ мой никогда не мѣнялся, я вѣрь всегда одинаковую внутреннюю политику и одинаковыми средствами. Слѣдовательно, если я виноватъ теперь, то былъ виноватъ и—когда они шли за мною; будучи равноправными со мною министрами, они допускали мой образъ дѣйствій, находили его возможнымъ,—значить, и они были преступны вмѣстѣ со мною, и ихъ надо судить.

Однако, наканунѣ моего свиданія съ Стамбуловымъ, министръ Тончевъ говорилъ мнѣ по этому поводу совсѣмъ другое:

— Я былъ не только сотрудникомъ, но и интимнымъ другомъ Стамбулова въ эпоху его начинаній. Я считалъ его націоналистомъ, героемъ истиннаго возрожденія болгарскаго народа, возрожденія къ самостоятельному прогрессу и самостоятельной политикѣ, безъ чужой опеки, чужихъ помочей и пленокъ. Но его противоконституціонныя выходки, его деспотическій, не признающій никакого контроля, образъ дѣйствій, его оскорбительное высокомѣріе, желаніе стать выше всѣхъ людей и законовъ, скоро показали мнѣ, что идти за Стамбуловымъ значитъ идти къ погибели своей страны и къ своей собственной. Я ушелъ отъ него въ оппозицію, по долгому честнаго человѣка,—признаюсь, съ самыи нехорошими намѣрѣніями.

рошимъ чувствомъ къ своему бывшему шефу. У него есть талантъ обращать со временемъ своихъ сторонниковъ; особенно интеллигентныхъ, въ заклятыхъ враговъ. Вы спрашиваете, есть ли формальная возможность судить г. Стамбулова? По моему мнѣнію, такую возможность представляетъ каждое дѣйствие его режима; каждое дѣло министерского архива—доказательство его виновности. Онъ не могъ сдѣлать шага, чтобы не наスマтъся надъ конституціей. Просто—точно болѣзнь какая-то, противоконституціонный психозъ! Поводы къ политическому процессу можно выбирать, зажмутивъ глаза. Стамбуловъ безотчетно, по простымъ распискамъ, забиралъ по два, по три миллиона левовъ изъ государственной казны на употребленія, ему одному известныя. Факты истязаній, интернированія, изгнаній доказаны: любого достаточно, чтобы, дозволившій себѣ подобные поступки, министръ очутился на скамьѣ подсудимыхъ. Стамбуловъ не стѣснился подвергнуть военной экзекуціи, не угодившее ему, село Садино на цѣлый мѣсяцъ. По конституціи, это дозволяется въ одномъ лишь случаѣ: если село, заѣдомо властямъ, укрываетъ у себя разбойниковъ. А, разумѣется, никакихъ гайдуковъ въ Садинѣ не было,—оно пострадало исключительно за оппозицію лично-стамбуловскому требованію. Посадить Стамбулова на скамью подсудимыхъ можно, когда угодно, и, надо полагать, что, однажды сѣвши на нее, Стамбуловъ уже не сойдетъ съ нея иначе, какъ осужденнымъ государственнымъ преступникомъ.

Во второе свое посѣщеніе Болгаріи, когда Стамбулова не было уже на свѣтѣ и память его понемногу стиралась въ умахъ людей, я не разъ слышалъ въ Софіи мнѣніе даже въ правительственныхъ кругахъ:

— Убили Стамбулова очень жестоко, но все-таки для него лучше, что его убили. Изъ своего процесса онъ не вынесъ бы головы. Со скамьи подсудимыхъ ему была одна дорога—на висѣлицу, по слѣдамъ тѣхъ, кого онъ самъ безвинно перевѣшалъ.

Обвиненія въ денежному хищничеству, взводимые на Стамбулова, были огромны. Предполагали, что Стамбуловъ положилъ въ банкъ на свое имя 240.000 франковъ—секретныя безотчетныя суммы годового бюджета двухъ министерствъ—внутреннихъ и иностранныхъ дѣлъ. Кабинетъ Стоилова сдѣлалъ ему запросъ объ этихъ суммахъ, но не получилъ никакого отвѣта.

Изъ реализованной въ счетъ виѣшняго займа у Laenderbank'а, суммы въ 65.000.000 фр. Стамбуловымъ израсходовано 32.000.000 фр. Единственнымъ активомъ противъ этого пассива была выставлена крохотная желѣзнодорожная линія къ рудникамъ на турецкой границѣ. Концессіоннымъ способомъ эту линію разные европейскіе и мѣстные предприниматели брались построить за 3.000.000 фр. Предположивъ даже, что избранный хозяйственный способъ постройки оказался значительно дороже, положимъ, въ 5.000.000 фр.,—спрашивается: куда же

дѣвалось 27.000.000 фр.? Впослѣдствіи Стамбуловъ оправдывался тайною покупкою оружія въ Австріи и Англіи,—и все это опять-таки безконтрольно, чутъ ли не безъ всякихъ документовъ, съ отчетами „на честное слово“. Свою огромную частную полицію, шпіоновъ, палочниковъ и т. д. Стамбуловъ содержалъ на государственный счетъ. Въ бюджетѣ есть фондъ въ 500.000 фр.—на преслѣдованіе и истребленіе въ странѣ разбойниковъ. Этотъ фондъ Стамбуловъ счелъ возможнымъ употребить на преслѣдованіе и истребленіе своихъ противниковъ. При контролѣ, израсходованныхъ въ этомъ фондѣ, суммъ происходили весьма комичныя сцены.

— Вамъ слѣдуетъ 500 франковъ... однако, сколько намъ известно, вы софійскій обыватель и никогда изъ Софіи не выѣзжали. Какъ же это вы въ Софіи преслѣдовали разбойниковъ?

— Разбойниковъ? какихъ разбойниковъ? Зачѣмъ разбойниковъ? Я стражарь Степана Николаевича, а никакихъ разбойниковъ знать не знаю и вѣдать не вѣдаю.

Чиновничество стамбуловщины крало и грабило нальво и направо, какъ попало. Стамбуловъ не только зналъ, что крадутъ, но и давалъ понимать хищникамъ, что знаетъ,—чтобы всегда держать ихъ въ рукахъ.

— Минѣ известно твое преступленіе. Берегись и благодари Бога и меня, что ты еще не въ Черной Джаміи.

Время отъ времени онъ вырывалъ изъ этой рабской толпы какую-нибудь случайную жертву—„бे-рущую не по чину“—и отдавалъ подъ судъ. Это наводило страхъ на остальныхъ. Они не боялись ни Бога, ни людей, но боялись Степана Николаевича. Они смеялись надъ закономъ и совѣстью, но трепетали предъ стамбуловскимъ произволомъ.

Стамбуловъ откровенно говорилъ:

— Мнѣ невыгодно держать на службѣ честныхъ людей. Они слишкомъ самостоятельны, и мнѣ не чѣмъ заставить ихъ плясать по своей дудкѣ...

Что „людей“ въ Болгаріи мало и нельзя дѣлать изъ нихъ слишкомъ строгаго выбора для государственной службы,—въ этомъ Стамбуловъ былъ совершенно правъ, какъ и въ насмѣшиломъ замѣчаніи: почему стоиловское правительство не въ состояніи смѣнить съ занимаемыхъ ими постовъ чиновниковъ, бывшихъ на его, Стамбулова, службѣ. Мало того, что не откуда было выбрать — безспорно, и боялись удалять. Опасались массовымъ удаленіемъ уволенныхъ увеличить партію стамбуловцевъ, недовольныхъ переворотомъ. Политика эта оказалась довольно мудрою. Провинціальные служаки Стамбулова, увидавъ, что ихъ не трогаютъ съ мѣста, совершенно равнодушно приняли вѣсть о паденіи своего патрона и стали служить новому начальству столь же усердно, какъ служили старому. Но мириться съ составомъ стамбуловской администрации и быть за нее отвѣтственнымъ, разумѣется,

не могло взять на себя долгаго обязательства никакое правительство.

— Если бы вы знали,—говорилъ мнѣ Петковичъ,— какимъ людямъ раздавалъ Стамбуловъ отвѣтственныя должности! Въ лучшемъ случаѣ, они не имѣли другихъ достоинствъ, кромѣ слѣпой исполнительности, стихійной силы, готовой, по хозяѣскому приказу, выливаться въ какія угодно формы, дѣлать, что велятъ, не разбирая ни средствъ, ни цѣлей. А еще чаще попадали къ власти и завѣдомые негодяи, мучители изъ любви къ искусству, палачи по призванію. Пора очистить Болгарію отъ этой корости!...

— Правительство!—иронизировалъ Стамбуловъ предо мною,—хорошее, прочное правительство! Они всѣ ненавидятъ другъ друга. Объединило ихъ, создало, изъ обломковъ разныхъ партій и фракцій, это правительство пресловутой народной партіи, конечно, не убѣжденіе. Они сплотились изъ ненависти ко мнѣ. Развѣ я не знаю, что всѣ они уже злобятся другъ на друга? Я знаю все, что дѣлается въ министерствахъ. И, какъ только я перестану быть имъ страшень, какъ только они, въ торжествѣ своемъ, успокоятся,—они перегрызутся и станутъ устроивать политическіе скандалы и перевороты... Какая прочная опора для трона!..

Князь Фердинандъ горячо отрицалъ мнѣ эти предположенія павшаго ministra, говоря, что Стамбуловъ слишкомъ много береть на себя. Однако,

Стамбуловъ былъ правъ. Да и многія предсказанія его сбылись въ скорости и буквально. Едва правительство обезопасило себя отъ стамбулистовъ, принявъ соглашеніе съ людьми умѣренно руссофильской окраски, сойдясь съ духовенствомъ и народомъ, министерство подверглось жестокой чисткѣ, и непріятные Стоилову доктринеры, Радославовъ и Тончевъ, оказались за бортомъ. Значитъ, князю Фердинанду и Стоилову они были нужны лишь для того, чтобы они были съ правительствомъ, а не со Стамбуловымъ, и до тѣхъ поръ, пока послѣдній не сойдетъ вовсе на нѣть. Они должны были быть съ правительствомъ лишь затѣмъ, чтобы не быть противъ него. Что касается ненависти къ нему, какъ единаго цемента партії, экс-диктаторъ былъ опять правъ. Характеръ Стамбулова и тяжелая рука его были слишкомъ хорошо знакомы Болгаріи. Всякій, попавшій къ власти, въ первое время послѣ него, цѣплялся за нее всѣми, зависящими отъ него, средствами, хотя бы уже только для того, чтобы, отступя съ своей тропинки, не открыть доступъ на нее Стамбулову. Потому что Стамбуловъ—снова у власти—явился бы тигромъ, вырвавшимся изъ клѣтки въ толпу зрителей, которые долго и безпощадно его дразнили и мучили. Желаяссорить своихъ торжествующихъ побѣдителей, „Свобода“, органъ Стамбулова, не постынилась прибѣгнуть даже къ открытой клеветѣ на человѣка, совершенно непричастнаго болгарской политикѣ. Въ Софіи жилъ г. Васи-

лій Водовозовъ, сынъ извѣстнаго русскаго педагога корреспондентъ одной изъ петербургскихъ газетъ нынѣ уже покойной „Русской Жизни“. На этого г. Водовозова, весьма симпатичнаго и правдиваго молодого человѣка, „Свобода“ взвела поклепъ, будто Водовозовъ получилъ отъ министра Начевича личныя увѣренія, что, едва установится порядокъ, Тончевъ и Радославовъ будутъ выкинуты за бортъ, какъ балласть кабинета. Поклепъ былъ правдоподобенъ. Ехидная выдумка взволновала софійское общество. Министры стали объясняться и переругались, такъ что, дѣйствительно, кабинетъ едва не рухнулъ. Стамбуловъ, говорять, много хототалъ надъ этой исторіею. Дѣло въ томъ, что,—хотя Начевичъ не говорилъ г. Водовозову о Тончевѣ и Радославовѣ ни одного слова, да, кажется, и въ глаза его не видывалъ,—но Тончевъ и Радославовъ, дѣйствительно, были обречены на паденіе. Стамбуловъ зналъ это, и ему надо было пустить черную кошку между своими врагами—устами, по возможности, нейтральными. Выборъ его палъ на русскаго корреспондента. Корреспонденту „Berliner Tageblatt“ Стамбуловъ подчеркнулъ вражду между Тончевымъ и Радославовымъ. Минъ онъ пророчилъ стояловскую измѣну князю и отечеству. Словомъ, всѣмъ и каждому изъ правительства, начиная съ князя, Стамбуловъ старался передать черезъ людей печати что-либо непріятное и опасное про своихъ враговъ, а его временныхъ товарищѣй и союзниковъ. Старый принципъ Маккіавели: *divide et impera!*

-- Они думаютъ,—смѣялся Стамбуловъ,—что я не прочь бы эмигрировать. Нѣть, я останусь въ странѣ. Я хочу слѣдить за ними, какъ будуть они подготовлять народное собраніе. Я не думало, чтобы могъ опять взяться за государственныя дѣла, стать у власти, сдѣлаться первымъ министромъ. Но я не могу позволить съѣсть свою партію. Говорятъ: стамбуловской партіи нѣть. Тогда позвольте: зачѣмъ же преслѣдуютъ людей, бывшихъ со Стамбуловымъ, преданныхъ Стамбулову? Каковы бы ни были эти люди, они служили определенному порядку, служили власти. А у нихъ есть ли власть? Помилуйте! Я—теперь уже простой гражданинъ, съ такими же правами, какъ и всякий въ Софіи,—не могу показаться изъ дома, чтобы уличные мальчишки не оскорбили меня свистками, криками „долу“... И они не властны оградить отъ этихъ безобразій своего бывшаго товарища! Ну, Богъ не безъ милости, не я первый падаю! Падали министры до меня, будуть падать и послѣ меня... Тогда они поймутъ, какъ позволять толпѣ разнуздываться! Возвращаюсь къ вопросу объ эмиграціи. Я имѣлъ въ этомъ смыслѣ намекъ изъ дворца, гдѣ, хоть я и палъ, будуть жалѣть, если я сдѣлаюсь жертвою злобы „народной партіи“... Нѣть, я не поѣду! Я останусь въ Софіи или уберусь въ мой родной городъ Тырновъ, но за границу не сдѣлаю шага... можетъ быть, отправлю своихъ дѣтей въ Италію.

На другой день послѣ разговора со Стамбуло-

вымъ, меня посѣтилъ софійскій начальникъ почты и телеграфовъ, Иванъ Петровичъ Стояновичъ. Я спросилъ у него, насколько можно вѣрить искренности этихъ намѣреній Стамбулова. Г. Стояновичъ засмѣялся.

— Стамбуловъ, ъдущій въ Тырново! Вы немножко видѣли нашу провинцію. Ненависть къ его тиранніи тамъ сказывается съ большею яростью, чѣмъ въ Софії. Онъ и здѣсь-то, можетъ быть, живъ только потому, что правительство держитъ въ комендантскомъ управлении полуроту солдатъ, всегда готовую защитить Стамбулова, если бы народъ вздумалъ броситься на домъ его. Онъ цѣлъ потому, что правительство благоразумно стало между нимъ и народною яростью. Но въ провинціи я за голову Стамбулова не поставлю ни гропа. Если его откроютъ, ему не доѣхать до первой станціи: разорвутъ въ куски. Развѣ правительство дастъ ему цѣлый полкъ конвоемъ, чтобы нельзя было добраться до коляски. Въ тотъ же день, когда онъ выйдетъ изъ-подъ полицейского надзора,—онъ къ вечеру покойникъ! Вы бы видѣли, что дѣжалось на Левской 21-го мая, когда Стамбуловъ ъездилъ прощаться съ княземъ...

Это былъ первый выѣздъ павшаго министрапослѣ переворота. Условлено было, во избѣжаніе уличныхъ сценъ, что онъ пріѣдетъ во дворецъ тайно и экстременно, какъ бы нечаянно. Это удалось. Но, проѣзжая во весь опоръ мимо большого Софійскаго бульвара, Стамбуловъ былъ узнанъ кѣмъ-то изъ гуляющихъ.

Вѣсть, что онъ у князя, съ быстротою молніи облетѣла весь городъ и, пять минутъ спустя, огромная площадь передъ дворцомъ, садъ и Левская улица преъвратились въ живой муравейникъ. Толпа ревѣла, проклинала, пѣла патріотическія пѣсни. Полиція, отчаявшись сохранить порядокъ, прибѣгла къ хитрости: поставила городовыхъ какъ бы для расчистки пути Стамбулову по Левской улицѣ; винманіе толпы сосредоточилось на нихъ. Тѣмъ временемъ, Стамбуловъ, окольнымъ путемъ, вскачъ помчался къ своей квартирѣ.

— Други! Насъ надули,—крикнулъ кто-то, и народъ бросился догонять или, переулками, пустился наперерѣзъ ускользнувшей-было жертвѣ. Догнали. Стамбуловъ былъ смертельно блѣденъ отъ злобы или отъ страха, кто его знаетъ. Извинительно, если и отъ страха, потому что было чего испугаться.

— Въ клѣтку тебя! Въ клѣтку!—ревѣла толпа... Свистали, грозили палками, плевали въ коляску...

Одинъ студентъ, недавняя жертва стамбуловскаго интернированія, вскочилъ на подножку экипажа и при восторженныхъ рукоплесканіяхъ разъяренной толпы, плюнулъ прямо въ лицо своего врага...

— Счастье, что удалось повезти его окольнымъ путемъ,—говорила полиція.—Все-таки здѣсь было меныше народа, чѣмъ на Левской улицѣ. По ней Стамбуловъ врядъ ли доѣхалъ бы живымъ.

Когда онъ добрался домой, то, говорятъ, затопаль ногами на встрѣтившаго его полицейскаго чиновника.

— Куда вы смотрите? Что дѣлаете? Народъ распустили, мерзавцы! Я васъ перевѣшаю!

— Попробуйте!—дерзко возразилъ полиціантъ.

Это былъ уже ударъ ослинаго копыта, но... заслуженный!.. Самъ Стамбуловъ фразу о перевѣшаніи отрицалъ, утверждалъ, будто онъ сказалъ только:

— Я вамъ еще покажу себя!

Кромѣ непосредственной ненависти къ Стамбулову лично, сцена эта имѣла подкладкою и угрожающую демонстрацію по адресу князя Фердинанда — въ своемъ родѣ, первое предостереженіе: дескать, не вздумай вернуть и снова посадить намъ на шею „тирана и блудника“.— вотъ, ты видишь, какъ мы къ нему относимся. Дѣло въ томъ, что и провинція, а отчасти и Софія не сразу повѣрили въ искренность князя Фердинанда, по вопросу объ удаленіи Стамбулова, и довольно долго предполагали, что отставка всемогущаго министра — результатъ искусственнаго давленія на князя, преимущественно, со стороны княгини Маріи-Луизы. Участіе княгини въ переворотѣ было значительно преувеличено молвою, а затѣмъ австрійскою прессою, которая съ легкой руки одного интервьюера, явившагося въ Софію отъ „Neue Freie Presse“, произвѣгласила принцессу Марію-Луизу центромъ оппозиціонной партіи, агитаторшей противъ Стамбулова. Совсѣмъ не то. Антипатія молодой и симпатичной принцессы была, безспорно, одною изъ главнѣйшихъ причинъ паденія „тирана и блудника“. Но

противодѣйствіе ея Стамбулову было не активно агитационнаго характера, а чисто женское, пассивное противодѣйствіе, противъ котораго, правду сказать, труднѣе всего выстоять... Вы имѣете нужнаго человѣка, дорожите имъ, боитесь его, вамъ съ нимъ трудно разстаться; но, если ваша жена будетъ уходить изъ дома всякий разъ, какъ „нужный человѣчекъ“ въ домъ вашъ входить.—недолго продержитесь вы за нужнаго человѣчка.

Сомнѣніе въ томъ, что искусственно отстраненный отъ власти Стамбуловъ можетъ опять вернуться къ ней, угнетало страну.

— Онъ такъ хитеръ и богатъ, такъ смѣлъ и нахаленъ,—говорили мнѣ на Дунаѣ. Есть у него аубы, есть... Покуда онъ живъ, Болгарія—подъ вѣчнымъ страхомъ его тиранніи. Что его судить? Онъ умнѣе своихъ судей и богаче. Онъ и обойдется ихъ, и купитъ. У насъ въ Болгаріи палкою и деньгами можно сдѣлать, что угодно. Чтобы пропали змѣиные зубы,—надо, чтобы пропала змѣя.

— Вы хотите сказать...

— Убить его слѣдуетъ,—вотъ что..

А одинъ старикъ прямо не вѣрилъ, что Стамбуловъ палъ.

— Какъ можно?—спросилъ онъ, качая головою,— кто его свалитъ? Нѣть, намъ съ нимъ вѣкъ вѣковать... Что вы мнѣ говорите: „князь его отставилъ?“ Онъ и князя сожретъ... Захочетъ, и самъ княземъ будетъ.

Словомъ какъ въ старой баснѣ: „сильнѣе кошки звѣря и єтъ“.

— Бѣда въ томъ,—говорилъ мнѣ другой старики-депутатъ,—что князь до сихъ поръ убѣжденъ, будто Стамбуловъ—честнѣйшій человѣкъ и лучшій болгаринъ. Первая неудача правительства; и Стамбуловъ можетъ снова очутиться у власти. А это будетъ ужасно, потому что онъ не забудетъ ненависти, которую проявилъ народъ при его отставкѣ. Я думаю, онъ самъ не ожидалъ, что такъ опостылѣлъ странѣ. Да и шутка ли! вѣдь у рѣдкаго изъ насъ нѣтъ родственниковъ, подвергнутыхъ интернированію, эмигрантовъ, изгнанниковъ. Меня два раза истязали, того томили въ тюрьмѣ, этого такъ стѣснили полицейскимъ надзоромъ, что онъ предпочелъ удавиться... Люди пропадали безъ вѣсти. Переодѣтые брави, какъ въ средневѣковой Италіи, производили необъяснимыя убийства. Возможно ли при другомъ режимѣ, не стамбуловскомъ, такое нахальное преступленіе, какъ убийство Бельчева? Такая пощечина правосудію, какъ миларовскій процессъ? Родные боялись розыскивать своихъ исчезнувшихъ братьевъ, племянниковъ, дядей, потому что через-чуръ смѣлыхъ легко постигала та же участь. Гдѣ сбирались трое пріятелей, четвертымъ подходилъ шпіонъ. Сосѣдъ, поссорившись съ сосѣдомъ, мстилъ ему доносомъ, и доносъ являлся не только обвинительнымъ актомъ, но и приговоромъ. Неосторожное слово о Стамбуловѣ,—и человѣка истязали, сажали

въ тюрьму, интернировали въ глушь... И вы еще удивляетесь, что мы имъемъ видъ школьніковъ, выпущенныхъ послѣ уроковъ! Посмотрѣли бы вы первый день нашей свободы... Люди цѣловались на улицахъ, какъ въ Свѣтлое Христово Воскресенье!.. И представьте, что это блаженство не надолго, опять эта мрачная тѣнь, эта желѣзная когтистая лапа... Ну, а, впрочемъ, разъ добытыя блага дешево назадъ не уступаются... Вернется Стамбуловъ,— пусть правительство пеянетъ на себя: страна отвѣтитъ революціей.

Самыми рьяными опозиціонерами Стамбулову были такъ называемые „поборники“, т. е. участники въ русско-турецкой войнѣ за освобожденіе Болгаріи. Окруженные всеобщимъ почетомъ, они пользуются въ населеніи огромнымъ вліяніемъ. Это—какъ въ Италіи: всюду первыя мѣста—гарибалльдійцамъ. Стамбуловъ, сознавая ихъ авторитетъ, старался привлечь ихъ на свою сторону, въ чёмъ и успѣлъ у человѣкъ сорока. Но общая поборническая масса осталась непреклонно вѣриюю своимъ убѣжденіямъ. Есть легенда, будто въ свое время Стамбуловъ хотѣлъ отдатьться отъ митрополита Клиmentа путемъ тайного убийства. Но поборники, предвидя покушеніе, предупредили, что, если съ митрополитомъ приключится бѣда, не сдѣлать самому Стамбулову. Этотъ рѣшительный ультиматумъ заставилъ тирана одуматься. Поборники явились вождями противостоящихъ ми-

тинговъ по всей провинціи. Бурныя демонстраціи достигли цѣли. Въ грозные софійскіе дни 18—21-го мая правительство было принуждено убѣдиться, что отнынѣ для него слова: Стамбуловъ и революція,—будутъ имѣть одинаковое значеніе. Революція же противъ Стамбулова—революція противъ австрійскаго режима, противъ Австріи и Болгаріи. Австрійскому принцу, князю Фердинанду поставленъ былъ выборъ: что спасать въ Болгаріи? себя или Австрію?—идти впередъ съ народомъ или противъ народа? Онъ рѣшился спасти себя и пойти съ народомъ.

Рѣшился,—нельзя не согласиться съ противниками князя Фердинанда,—очень осторожно, на ощупь, оставивъ себѣ, на всякий случай, лазейку къ примиренію съ Стамбуловымъ, если бы оказалось, что послѣдній,—какъ запугивалъ онъ ранѣе своего государя—дѣйствительно, силенъ въ народѣ и въ состояніи заставить правительство вернуть его къ власти. Лазейкою явился княжескій рескриптъ павшему министру, написанный въ самыхъ любезныхъ выраженіяхъ, и едва было не погубившій новорожденной популярности князя Фердинанда. Вѣряясь новому министерству, князь сомнѣвался въ его прочности. Втайне не долюбливая ни Стоилова, какъ друга цанковистовъ, ни Радославова, какъ друга каравеллистовъ, принцъ не могъ не бояться, что рано или поздно, а не обойтись ему снова безъ Стамбулова. И правою рукою даваль эксъ-диктатору

пинка въ шею, а лѣвою гладилъ его по головкѣ: кто тебя знаетъ? можетъ, и пригодишься. Но—когда настроеніе умовъ въ Болгаріи вполнѣ выяснилось, Стамбуловъ оказался политическимъ мертвѣцомъ, а рескриптъ князя — вѣнчикомъ, положеннымъ ему на лобъ, чтобы съ честью проводить его въ могилу. Князь видѣлъ передъ собою въ будущемъ порядочный рискъ, а въ настоящемъ полную неопредѣленность положенія. Стамбулова надо сплавить, а люди должны и обязавшіеся его замѣнить не могутъ сразу столковаться и составить кабинетъ. Это былъ первый сюрпризъ князю со стороны, призванной къ власти, „оппозиціи“ послѣ того, какъ Стамбуловъ подалъ въ отставку, но она еще не была принята принцемъ. Извѣстно, что министерство 18 мая сладилось лишь подъ угрозою полковника Петрова объявить,—въ случаѣ, если гг. министры *in spe* долго будутъ мѣшкать организацией кабинета,—военную диктатуру. Князь чувствовалъ, что играеть въ темную на крупный кушъ, имѣя противъ себя опредѣленные и сильные шансы, а за себя—очень шатkie и еще не выясненные: Богъ знаетъ, что въ прикупкѣ... хорошо, если сильная картина, а вдругъ — одинъ „жиръ“? Необходимости давать Стамбулову хвалебный рескриптъ, пожалуй, не было, но возможность дать была, и возможность,—въ трудномъ положеніи князя Фердинанда,—извинительная.

Самъ Стамбуловъ относился къ рескрипту—какъ, впрочемъ, и ко всему въ то время, что исходило

отъ князя Фердинанда--довольно презрительно, по крайней мѣрѣ, на словахъ:

— Зачѣмъ мнѣ его похвалы? Я всѣмъ своимъ успѣхомъ обязанъ лично себѣ, — говорилъ онъ мнѣ,—но долженъ прибавить: и счастью. Оно всегда стояло за меня. Иностранные дипломаты, вмѣши-
ваясь въ наши дѣла, хотѣли мнѣ вредить и вмѣсто того помогали. О нашихъ политикахъ не стоитъ и говорить: они своими глупостями неизмѣнно играли мнѣ въ руку. Меня искали убить и, вмѣсто меня, убили другого,—это история Бельчева... Сча-
стье дало мнѣ власть. Я *смѣлъ хотѣть*, чего не по-
смѣютъ мои преемники. Я имѣль возможность при-
нять отвѣтственность за судьбу Болгаріи лично на
себя—предъ цѣлымъ свѣтомъ: предъ Европой, предъ
враждебной Россіей... и страна дозволила это. Рис-
кнуть ли на то гг. Стоиловъ, Радославовъ и ихъ
партизаны? Нѣтъ, у нихъ нѣтъ авторитета и силы.
Пять мѣсяцевъ—вотъ сколько срока даю я для ихъ
существованія. Въ вопросѣ о вѣроисповѣданіи пре-
столонаслѣдника все было противъ меня: страна,
духовенство, печать, моя собственная партія... Я
былъ одинъ. Но я заставилъ вычеркнуть 38-й
пунктъ. Чѣмъ? Моимъ личнымъ авторитетомъ, об-
щественнымъ сознаніемъ моей необходимости. Я
взялъ портфель подъ мышку:—Если 38-й пунктъ бу-
детъ существовать,—я не ручаюсь, что князь най-
детъ невѣstu и оснуетъ династію; не ручаясь за это,
я не могу оставаться у власти, я уйду... Миѣ поко-

рились. Пропасть между Россіей и Болгаріей расширилась на много саженей. Я далъ Болгаріи династію и честно служилъ ей. Пятнадцать разъ просилъ я князя объ отставкѣ... пятнадцать разъ! и пятнадцать разъ онъ молилъ меня удержать портфель. Теперь—совершенно неожиданно—ему угодно было принять мою отставку... что-жъ? государи не всегда бываютъ благодарны и благоразумны. Но неблагодарность и неблагоразуміе не проходятъ людямъ даромъ. Я сохранилъ бы престолъ князю, а его новые друзья продадутъ его при первомъ выгодномъ случаѣ. Потерявъ меня, онъ потерялъ престижъ. Онъ отдалъ себя въ руки предателей. Я не далъ ему въ руки много власти, но со мною онъ процарствовалъ бы до конца своей жизни. Теперь же онъ не сегодня-завтра будетъ скитаться по Европѣ, какъ Александръ Баттенбергъ. Когда этимъ господамъ—Стоиловымъ и К°—придется тугу, они не задумаются выкупать свои головы его головою. Ему не слѣдовало принимать моей отставки...

Вотъ когда Стамбуловъ, дѣйствительно, много бралъ на себя. Онъ такъ привыкъ самъ къ неограниченной власти, что никакъ не могъ представить себѣ, чтобы и другіе становились къ кормилу правленія просто для правленія, безъ мечтаній о всевластной диктатурѣ. Онъ,—быть можетъ, самый антиконституционный политический дѣятель конца XIX вѣка,—забывалъ одно: что смѣнившій его Стоиловъ, въ противность ему, рѣдкій представитель строгаго консти-

туционализма, върненоподданный „короля-народа“, готовый исполнить волю своего многомиллионного повелителя, хотя бы воля эта шла въ разрѣзъ съ его личными взглядами и симпатіями. Народъ звалъ правительство къ Россіи. Князь Фердинандъ внялъ зову и пошелъ. Пошелъ за нимъ,—можетъ быть, на первыхъ порахъ скрѣпя сердце, но съ обычною корректностью,—западникъ и бывшій австрофиль Стоиловъ. Въ результатѣ, на зло пророчествамъ Стамбулова, колебавшійся тронъ князя Фердинанда стоитъ теперь прочно — не шелохнется, а Стоиловъ премьерствовалъ цѣлое пятилѣтіе безсмѣшно — для Болгаріи чудо чудное, диво дивное!

Любопытно, что, подтвердивъ мнѣ неожиданность своей отставки, Стамбуловъ, спустя нѣсколько недѣль послѣ нашего разговора, заявилъ корреспонденту газеты „*Berliner Tageblatt*“ совершенно обратное, выставляя въ доказательство справедливости своихъ словъ именно какъ разъ тѣ же факты: что, во-первыхъ, онъ „пятнадцать разъ подавалъ въ отставку“ (въ разговорѣ со мною это, какъ читатель видѣлъ, служило доказательствомъ для совсѣмъ противнаго); во-вторыхъ, что предъ отставкою онъ демонстративно отсутствовалъ на встречѣ князя съ молодой княгиней, когда они вернулись въ Софию изъ Эбенталя. Совершенно вѣрно: и подавалъ, и отсутствовалъ. Но какое же это возраженіе? Въ отставку Стамбуловъ просился—всякій разъ, зная навѣрняка, что князь ее не приметь,

что князь считаетъ его крестомъ своимъ, но безусловною необходимостью для себя. Да и выбиралъ онъ для просьбъ такие трудные моменты, когда, пожалуй, и впрямь былъ необходимъ. Отсутствовалъ на встречѣ Стамбуловъ по болѣзни, приславъ князю, вместо себя, въ высшей степени умилъное посланіе. Да и не было ли это демонстративное отсутствіе, вместѣ съ тѣмъ, и мѣрою пугнуть князя? Вѣдь было время, когда Фердинанду было втолковано, что Стамбуловъ—все, что онъ только и держится Стамбуловымъ, что за Стамбулова—народъ, что вражда со Стамбуловымъ—погибель для династіи. Князь чувствовалъ себя княземъ не „Божіей милостью и волею народною“, а прихотью Стамбулова. И вотъ этотъ всемогущій Стамбуловъ демонстративно протестуетъ противъ княжеской четы, не желаетъ ее встрѣтить... Ахъ, какой ужасъ! Надо скорѣе умилостивить Стамбулова, согласиться на всѣ его возможныя и невозможныя требованія, принести ему извиненія. Мы видѣли, какъ выразился бухарестскій дипломатъ обѣ отношеніяхъ князя и Стамбулова—именно по поводу отсутствія его при встречѣ: политические люди приняли это извѣстіе за знакъ, что плохо-то приходится не Стамбулову, а князю Фердинанду, и были не мало удивлены экстреннымъ паденіемъ первого.

Окончательно ослѣпилъ Стамбулова отказъ князя принять его отставку послѣ скандальной савовской исторіи, въ корень погубившой первого ми-

нистра въ глазахъ княгини Маріи-Луизы,—женщины честнѣйшихъ убѣжденій и высоко-иправственного образа мыслей. Она, какъ уже указано, никогда не симпатизировала Стамбулову—вразрѣзъ съ свекровью своею, знаменитою принцессою Клементиною, которая его поддерживала и видѣла въ немъ единую опору Фердинандова трона. Но, послѣ савовской исторіи, Маріи-Луиза прямо уже возненавидѣла первого ministra. Она выходила изъ дворца всякой разъ, какъ пріѣзжалъ къ князю Стамбулову, не желая оставаться подъ одной кровлею съ человѣкомъ котораго считала врагомъ страны, династіи, воплощеніемъ всяческихъ насилий и разврата. Однако, на практикѣ это принципіальное отвращеніе сперва ничѣмъ не сказалось. Жена военного ministра Савова, опозоренная Стамбуловымъ и его шайкой, хотя и потерпѣвшая, была вычеркнута изъ списковъ порядочного общества. Савовъ вызывалъ Стамбулова на дуэль,—Стамбуловъ отъ дуэли отказался, а Савовъ былъ ославленъ сумасшедшими и потерялъ ministerскій портфель, переданный Стамбуловымъ, на горе свое, энергичному и честолюбивому полковнику Петрову.

Стамбуловъ—тоже для вида—подавалъ въ отставку, но тогда-то онъ ужъ навѣрное зналъ, что ея не примутъ: была эпоха, когда ему въ послѣдній разъ улыбнулось счастіе, и онъ даже едва-едва не поправилъ своей утраченной репутаціи борца за национальную идею—побѣдою надъ греками въ во-

просъ о болгарскихъ епископахъ въ Македоніи. Словомъ, былъ одинъ изъ моментовъ, когда Фердинандъ чувствовалъ сильнѣе, чѣмъ когда либо: этотъ разбойникъ позорить меня, но онъ геній и необходимъ. И, хотя скандализованный (извѣстна его рѣзкая телеграмма Стамбулову изъ Эбенталя), онъ взглянулъ на Савовскую исторію сквозь пальцы. Тогда Стамбуловъ рѣшилъ:

— Если я даже эту передѣлку пережилъ, значитъ, я непоколебимъ.

Но... есть анекдотъ о шулерѣ, который, благополучно передернувъ короля червей, даму пикъ и шестерку трефъ, вдругъ совершенно неожиданно былъ выброшенъ въ окно за бубновую девятку. Нѣчто подобное произошло и со Стамбуловымъ.

Бубновою девяткою Стамбурова оказались роковыя настоянія его на военномъ положеніи. Онъ споткнулся на камнѣ, о который издавна запинались ноги весьма многихъ политическихъ Васекъ Буслаевыхъ—диктаторовъ воинственныхъ, но не военныхъ: на армii.

Романъ съ тѣхъ Савовою оказался для Стамбулова фатальнымъ не скандалною огласкою своею, но тѣмъ косвеннымъ послѣдствиемъ, что на мѣсто удалившагося Савова военнымъ министромъ былъ назначенъ полковникъ Рачо Петровъ, пресловутый „рущукскій убійца“, подписавшій смертный приговоръ друзьямъ своимъ и однокашникамъ Узунову и Панову за руссофильскій заговоръ. Креатура

Стамбулова, Петровъ быль слѣпымъ исполнителемъ его воли, пока не сѣлъ въ министерскія кресла, но тутъ показалъ свои когти. Молодой, талантливый, страшно честолюбивый, съ характеромъ жестокимъ и холоднымъ, съ желѣзною силою воли, съ кошачею гибкостью натуры, новый министръ сразу овладѣлъ довѣріемъ князя и арміи и почувствовалъ себя во главѣ силы, рѣшающей судьбы государства. Стихійная мощь Стамбулова стала встрѣчать вѣжливый, но систематической отпоръ въ правильной военной организації, руководимой Петровымъ. Стамбуловъ понялъ свою ошибку, спохватился, но было уже поздно.

Былой одесскій семинаристъ, Степанъ Николаевичъ Стамбуловъ, хотя и неоднократно проявлялъ въ дѣятельности своей признаки воинственного азарта, но арміи не зналъ, корпоративному духу ея былъ чуждъ, да, я полагаю, и не любилъ ея. Армія, съ своей стороны, не любила диктатора. Когда Стамбуловъ палъ, ни въ Софіи, ни въ провинціи—даже въ такихъ городахъ, какъ Рущукъ, гдѣ комендантомъ быль архи-стамбулистъ Дандеревскій—войско не шевельнулось въ защиту „льва Болгаріи“. Напротивъ, въ беспорядкахъ 18 мая софійской гарнизонъ сыгралъ, хотя нейтральную, но важную роль, весьма прозрачно покровительствуя антистамбуловскому движенію. Объ этомъ я разскажу нѣсколько ниже, теперь же—два слова объ отношеніяхъ между Стамбуловымъ и военнымъ міромъ.

Диктаторъ любилъ хвалиться, будто онъ сдѣлалъ армію народною.

— Самостоятельная национальная обособленность Болгаріи, полное отчужденіе отъ Россіи, национализація арміи, посильное сближеніе съ Турціей.— вотъ задачи, которыхъ я достигалъ и достигнулъ,— говорилъ онъ мнѣ и смѣялся при этомъ:—ха-ха-ха! могъ ли я, борецъ первыхъ освободительныхъ восстаній, членъ бухарестскаго комитета, предполагать, что современемъ долженъ буду тянуть Болгарію къ союзу съ турками?

Но, национализируя армію, онъ въ то же время находилъ удобнымъ дурачить обѣщаніями за ея счетъ австрійскихъ дипломатовъ и дѣлалъ это съ такою самоувѣренностью, что даже личный другъ Стамбулова, участникъ его политическихъ и финансовыхъ операций, австрійскій агентъ Бурьеъ считалъ возможнымъ поддерживать предъ своимъ правительствомъ Стамбулова въ его заносчивыхъ послухахъ—въ родѣ указанного уже, объ инструкторахъ. Это трактованіе арміи, какъ вещи, которою или, по крайней мѣрѣ, именемъ которой можно распоряжаться по произволу, отзывалось въ военныхъ кругахъ серьезнымъ неудовольствіемъ. Я живо помню рѣзкій отзывъ Петрова о Стамбуловѣ по этому поводу.

— Это басня!—горячился онъ,—безосновательная, нелѣпая басня. Я даже не вѣрю, чтобы она исходила отъ Стамбулова. Онъ слишкомъ уменъ и слишкомъ знаетъ Болгарію для подобнаго замысла. Онъ

долженъ понимать, что, если бы даже и затѣяль что либо подобное, то не смогъ бы выполнить свой планъ. Какой военный министръ согласится быть проводникомъ мѣры, и до безмыслицы ненужной и до бѣшенства оскорбительной и для него, и для арміи, и для страны? Болгарская армія считаетъ пятнадцать лѣтъ существованія. Она прошла русскую школу, вполнѣ достаточную, чтобы охранять виѣшнее спокойствіе страны. Мы имѣемъ много офицеровъ, заявившихъ себя опытными, храбрыми и толковыми служаками. Дисциплина войскъ безупречна. Зачѣмъ намъ при всѣхъ этихъ условіяхъ иностранные инструкторы, да еще австрійскіе? Неужели наши офицеры хуже австрійскихъ? Австрійцевъ не было съ нами, когда мы били сербовъ при Сливницѣ! Мы разбили ихъ сами, съ помощью недавней русской школы: вѣдь наши учителя только что были отозваны отъ насъ. И, какъ же мы плакали, ихъ провожая! Нѣть, ученыхъ учить—только портить. Сажать на шею нашимъ офицерамъ иноземцевъ—и нелѣпость, и несправедливость. Армія никогда не снесла бы такой пощечины. Я первый подалъ бы въ отставку, если бы зашла рѣчь о подобной мѣрѣ..

Кое-что Стамбуловъ сдѣлалъ для арміи хорошаго и, надо отдать ему полную справедливость, сдѣлалъ сознательно, хотя, какъ оказалось потомъ, и на свою голову. Напуганный политическимъ вліяніемъ поборниковъ, памятую военную революцію противъ Баттенберга, смущаемый армейскими заговорами

Паницы, Узунова и т. п., въ постоянномъ опасеніи офицерскаго авантюризма, онъ, чрезъ своихъ ставленниковъ-министровъ, принялся очень ловко и послѣдовательно отучать армію отъ политики и добился въ этомъ отношеніи блестящихъ результатовъ,—для себя самого, повторяю, черезчуръ блестящихъ... до неожиданности! Армія настолько выучилась видѣть въ себѣ орудіе исключительно внѣшней національной защиты, а не хозяйству внутренняго распорядка страны, что очутилась совершенно въ сферѣ партійной борьбы. И, когда Стамбулову самому понадобилось позвать ее въ партію, онъ встрѣтилъ въ военныхъ кругахъ гдѣ холодное недоумѣніе, а гдѣ—и явное негодованіе: какое моль намъ до васъ дѣло? Мы—специально военная корпорація, со своимъ специальнымъ управлениемъ, и знать не хотимъ ни иныхъ государственныхъ функций, кроме тѣхъ, вершить которыхъ мы специально призваны, ни иного командирства, кроме того, которому мы специально подчинены.

Новый министръ, выдвинутый къ этому посту Стамбуловымъ—съ цѣлью поправить „ошибки“ восемилѣтняго воспитанія арміи въ столь безупречно конституціонномъ направлениі,—совершенно обманулъ надежды диктатора. Уличная софійская кличка зоветъ Петрова „кошечкой“—„котка“. Кошечка не захотѣла таскать изъ огня каштаны для первого ministra, обжигая при этомъ свои собственныя лапы. Петровъ подумалъ:

— Зачѣмъ арміи быть частью стамбуловской партіи, когда она, сама по себѣ, партія—и самая завидная, самая грозная изъ всѣхъ? Зачѣмъ я позволю г. Стамбулову распоряжаться своими судьбами, когда онъ самъ вложилъ въ мои руки власть распоряжаться его судьбою?

И, главное, теперь это ему ровно ничего не стоило. Надо было лишь исполнить долгъ истинно военного человека и истинно конституціонного гражданина, то-есть: держать армію, подчиненную Петрову, въ столь же строгомъ удаленіи отъ государственныхъ бурь, какъ завелось это до Петрова; не допускать къ распорядительству арміи никого, кромѣ себя, на то и поставленного княжескою волею, и спасти болгарскую боевую силу отъ превращенія въ легіоны преторіанцевъ, послушныхъ личной волѣ Стамбулова, исполнителей его личныхъ цѣлей, частныхъ задачъ. Роль эффектная, а сыграть ее—и благородно, и просто, и выгодно.

Замѣтивъ свою ошибку въ Петровѣ, Стамбуловъ сдѣлалъ одинъ изъ тѣхъ рискованныхъ политическихъ прыжковъ наудалую, какими онъ часто, въ минуты крайней опасности, бралъ верхъ надъ противниками, заставляя ихъ теряться предъ сюрипризами совершенно исключительной наглости. По болгарской конституціи, первый министръ, въ отсутствіе князя изъ страны, замѣняетъ его особу съ подчиненiemъ себѣ всѣхъ министерствъ, кромѣ военного. Стамбуловъ потребовалъ распространенія

этого параграфа и на военное министерство. Для князя Фердинанда это значило — либо безвыездно приковаться къ Софії, отказавшись отъ всякихъ экскурсій въ Европу, что, по трудному его тогдашнему положенію, было совершенно немыслимо; либо, уѣзжая, каждый разъ сознавать, скрѣпля сердце, что онъ оставилъ свое государство всецѣло во власти Степана Николаевича, въ безконтрольномъ его распоряженіи, съ руками, развязанными для какой угодно узурпациі. Богъ знаетъ, на что рѣшился бы Фердинандъ, сиди на мѣстѣ Петрова другой военный министръ. Но теперь Стамбуловъ промахнулся. Увѣренный въ поддержкѣ Петрова, убѣждаемый принцессою Маріею-Луизою, подстрекаемый волненіемъ народа, до которого уже дошли отголоски дворцоваго конфликта, Фердинандъ отвергъ притязанія директора и предпочелъ принять отставку Стамбулова. Бубновая девятка была бита, шуллеръ полетѣлъ за окно.

Уличныя сцены переворота 18 мая были грозны, но, безъ косвенного участія въ революціи полковника Петрова, стамбуловской полиціи удалось бы задавить демонстраціонное движение горожанъ и студентовъ Великой Школы. Петровъ предписалъ войскамъ весьма двусмысленный вооруженный нейтралитетъ: способствуйте, моль, прекращенію беспорядковъ, обуздывая разыгравшіяся страсти обѣихъ враждующихъ сторонъ въ равной мѣрѣ. Намъ де все равно, кто и за кого дерется. Мы — виновная

оборона, а это дѣла внутреннія. Такъ оно исталось... на словахъ и бумагѣ. На дѣлѣ же войска, страннымъ образомъ, опаздывали становиться между народомъ и агентами Стамбулова всюду, гдѣ народъ одолѣвалъ полицію, и моментально появлялись тамъ, гдѣ полиція одолѣвала народъ. Кучка мальчугановъ срывала вывѣски съ именемъ Стамбулова на улицѣ, виослѣдствіи переименованной, вместо Стамбуловской, въ „Улицу 18-го мая“. Полиція схватила шалуновъ и заключила плѣнниковъ въ страшной памяти пятый участокъ. Толпа хлынула ихъ освобождать. Участокъ осадили. Жандармы дали залпъ. Толпа отвѣчала градомъ камней. Явились войска; солдаты раздѣли осажденныхъ и осаждающихъ тѣсною стѣною. Жандармы потеряли возможность стрѣлять по толпѣ, а революціонеры продолжали швырять камни черезъ головы солдатъ, которые отъ души смеялись этому нелѣпому бою—междоусобію съ дозвolenіемъ начальства. Потерявъ терпѣніе, жандармы ринулись было, сквозь солдатскіе ряды, на вылазку. Войска не препятствовали до первого револьвернаго выстрѣла. Чуть Стамбуловскіе агенты взялись за привычные имъ револьверы, солдаты загородили народъ грудью и, пустивъ въ ходъ приклады, загнали стамбуловцевъ обратно въ участокъ.

Тѣмъ временемъ, какъ на Софійскихъ улицахъ разыгрывались подобныя сцены, во дворцѣ все было полно и надеждъ, и сомнѣній. Князь, въ нерѣшительности, сидѣлъ за письменнымъ столомъ. Предъ

нимъ лежала стамбуловская просьба объ отставкѣ. На дворцовой площади гудѣла многотысячная толпа: „долу тиранина, долу блудника, долу Стамбулова“! Кто-то изъ свиты почтительно указалъ князю на народное нетерпѣніе знать, какъ рѣшится роковой вопросъ, быть или не быть министерству Стамбулова? Князь возразилъ:

— Я не могу согласиться на требованія господина Стамбулова, но не могу также уволить министерства, не зная, какъ составить новое.

Ему замѣтили:

— Ваше высочество, обыкновенно, новыя назначенія совершаются лишь послѣ того, какъ уничтожены старыя.

Князь промолчалъ. Тогда Грековъ — стамбуловецъ болѣе, чѣмъ самъ Стамбуловъ, и теперь, по смерти самого экс-диктатора, шефъ стамбуловской партіи,—будучи увѣренъ, что колебанія князя искренни, и никакъ не предполагая, что отставка Стамбулова можетъ быть принята, позволилъ себѣ сказать, повысивъ голосъ и съ запосчию горячностью:

— Ваше высочество, рѣшайте такъ или иначе! Въ Софії безпорядки... при такомъ положеніи дѣлъ, мы не хотимъ удерживать наши портфели.

Нахальство Грекова переполнило чашу, давно полную съ краями.

Князь поблѣдиѣль, смѣрилъ Грекова долгимъ взглѣдомъ, молча взялъ перо и подписьъ от-

ставку. Грековъ былъ такъ пораженъ, что присѣлъ на мѣстѣ...

Министерство еще не было составлено. Стоиловцы торговались съ каравелистами и никакъ не могли сторговаться... всѣ партіи боялись другъ друга, правительство шаталось. Тогда-то именно Рачо Петровъ и прислалъ къ Стоилову своего адъютанта съ наставлениемъ, что нельзя испытывать народное терпѣніе и оставлять страну безъ правительства, и въ предупрежденіе, что, если въ теченіе двухъ часовъ онъ, Петровъ, не получить списокъ нового кабинета, то вынужденъ будетъ къ *pronunciamento* и объявить военную диктатуру. Эта энергическая мѣра прекратила споры. Получить на свою шею нового Стамбулова, горше прежняго, да еще вооруженного грозною силою сливницкихъ штыковъ, никто не желалъ. Хоть плохо, да сговорились на скорую руку. Создалась, изъ обрывокъ разныхъ партій, лыкомъ шитая, на живую нитку сметанная, „народная партія“, надъ которой такъ зло издѣвался потомъ Стамбуловъ. Объявлено было народу выдѣленное ею министерство Стоилова. Народъ принялъ его съ восторгомъ. Ему было все равно, кто,—только бы не Стамбуловъ.

Когда Стамбуловъ, послѣ прощальной аудіенціи у князя, возвратился домой, проѣхавъ сквозь строй народнаго волненія, подъ крики, насмѣшки, брань, угрозы толпы, между нимъ и княземъ произошелъ слѣдующій разговоръ по телефону:

— Ваше высочество, бунтовщики, подученные моими врагами—вашимъ новымъ министерствомъ, угрожаютъ мнъ смертью, хотятъ разграбить мой домъ.

Князь отвѣчалъ горько и язвительно:

— Успокойтесь, Степанъ Николаевичъ, я уже просилъ гг. Стоилова, Радославова и Начевича принять мѣры къ охраненію васъ отъ вашего народа.

Въ поясненіе этой фразы, надо напомнить вновь, что сильнѣйшимъ козыремъ въ игрѣ Стамбулова съ княземъ была его фальшивая манера держать Фердинанда въ увѣренности, будто Степанъ Николаевичъ необычайно популяренъ въ болгарскомъ народѣ: вся де нація за него, а противъ него лишь ничтожная кучка честолюбивыхъ крикуновъ, реакціонеровъ-руссофиловъ и неблагонадежныхъ антидинастическихъ партизановъ. Для этого стамбуловская полиція выбивала изъ населенія благодарственные адресы диктатору, организовала искусственные митинги, разсыпала телеграфическія привѣтствія, хвалы и одобренія, сфабрикованныя по участкамъ. Въ „Софійскомъ житьѣ-бытьѣ“ разсказано, какую важную роль сыграла измѣна диктатору государственного телографа, въ роковой день 18 мая.

Отвѣтъ князя поразилъ Стамбулова. Онъ растяялся и, вопреки обычной своей находчивости, не сумѣлъ ничего отвѣтить, кромѣ:

— Хорошо, ваше высочество, очень хорошо... Благодарю, ваше высочество, очень благодарю.

Впослѣдствіи, Стамбуловъ увѣрялъ, что благодарность его была ироническою.—Врядъ ли: ему приходилось въ это время туго—недо ироніи. Вообще, опамятившись отъ первого погрома, онъ усиленно старался доказать, что въ дни переворота ни чуть не струсиль. Но сотни очевидцевъ единогласно свидѣтельствовали мнѣ, что онъ совершенно потерялъ голову. Да и трудно было не потерять. Стамбуловъ зналъ, что у него врагамъ счета нѣть, но все же, кажется, самъ не подозрѣвалъ всей силы народной ненависти, какую воспиталъ онъ въ стра-
нѣ, и оцѣнилъ грозную полноту ея, лишь когда полетѣлъ въ пропасть и не нашелъ ни соломинки, за которую бы ухватиться, погибая. Струсить въ такой моментъ не стыдно. Не всѣмъ же дано быть эпическихими римлянами.

Первые годы бытія самостоятельной Болгаріи—богатый матеріалъ для историческихъ романистовъ будущаго, а Стамбуловъ и князь Фердинандъ—безспорно, интереснѣйшіе изъ всѣхъ героевъ болгарскихъ драмъ. Отношенія ихъ между собою—любопытнѣйшее и общественно-политическое, и психологическое явленіе. Разъ мы стоимъ у момента, когда Фердинандъ и Стамбуловъ явились въ особенно обостренномъ противопоставленіи одинъ другому, остановимся нѣсколько на этихъ отношеніяхъ, одинаково характерныхъ и для болгарского государя, и для его ministra.

Европейскій дипломатъ, котораго я въ этомъ

очеркъ уже неоднократно цитировалъ, рисовалъ мнѣ, въ объясненіе долгой пассивности князя подъ стамбуловскимъ гнетомъ, такую картину.

— Принцъ — европеецъ, а Болгарія — изрядная Азія. Она еще не успѣла отвыкнуть отъ турецкаго наслѣдія, авторитета кулака и палки. У Фердинанда ни воли, ни власти бить кулакомъ и палкой не было, а, чтобы утвердиться, кулакъ и палка были ему необходимы. Вотъ вамъ и вся тайна его покорности Стамбулову. Стамбуловъ, который, случись ему стать ренегатомъ, могъ бы сдѣлаться первымъ человѣкомъ въ исламѣ — онъ рожденъ для власти на восточный манеръ, — оборудовалъ для принца огромное дѣло: онъ вколотилъ Кобурга въ Болгарію, какъ гвоздь въ стѣну. Процессъ былъ острый, не могъ не возбудить ненависти, но, какъ показали теперь послѣдствія, — не противъ вколоченного гвоздя, а противъ мастера, который его вколачивалъ. Пока князь чувствовалъ себя слабымъ, онъ терпѣлъ, если Стамбуловъ въ своемъ азартѣ, — онъ весь сотканъ изъ азарта, — задѣвалъ и его. Окрѣпъ, кулакъ и палка стали ненужны — вонъ ихъ! Старая хлѣбъ-соль забывается. Стамбуловъ мишилъ себя чуть ли не державцемъ, а на дѣлѣ былъ просто игрушкою политического Witz'a. Надобило очень надѣяться на себя — вотъ именно, какъ самонадѣянъ Стамбуловъ, — чтобы этого не замѣтить. Онъ считалъ князя ничтожествомъ, а ничтожество, какъ Сикстъ V, въ одинъ прекрасный день, выпрямилось и заговорило.

барскимъ тономъ:—Ты мой слуга, я тобою недоволенъ, пошелъ вонъ!

Что князь Фердинандъ, въ душѣ, убѣжденный абсолютистъ,—старинное обвиненіе его враговъ. А Стамбулова иные удачно характеризовали, какъ анархиста, ставшаго тираномъ. Стремленіе къ неограниченной власти было сильно у обоихъ—у Фердинанда, умѣренное воспитаніемъ европейскаго принца, тактомъ, званіемъ конституціоннаго государя; у Стамбулова — разнuzданное до истинно-семинарскаго бѣснованія. Одесская бурса успѣла таки порожить свое „помяловское“ клеймо — печать Городблагодатскихъ, Аксютокъ, Бенелявдовыхъ,—на полуидикаря, котораго капризъ судьбы сдѣлалъ впослѣдствіи полудержавнымъ властелиномъ цѣлаго славянскаго народа.

Помимо долгой взаимной необходимости, Стамбулова могла соединять съ Фердинандомъ и нѣкоторая фантастичность, свойственная натурамъ обоихъ. Авантуристъ, ставшій первымъ министромъ, и молодой государь, брошенныій имъ на путь политического авантюризма,—щадимые Европою, оставленные безъ вниманія, на произволъ судьбы русскимъ царемъ,—въ упоеніи властью, наперерывъ строили воздушные замки—широкіе планы, огромные замыслы. Болгарія имъ была тѣсна, хотѣлось ее расширить. Для князя Фердинанда то былъ періодъ *Sturm und Drang*а, необходимый въ каждой веснѣ—какъ житейской, такъ и политической.

Стамбуловъ, по присоединеніи Румеліи, тотчасъ же принялъся за интриги въ Македоніи. А при свиданіи со мною, онъ высказалъ не маленьку мысль, что—разъ всѣ и каждый въ Европѣ добиваются Константинополя, отчего же не попробовать въ этомъ направленіи счастья и болгарамъ? Причемъ даже прямо указалъ на Кобурга, какъ на человѣка съ честолюбіемъ, способнымъ посягнуть на такую огромную цѣль. Высказалъ онъ это въ весьма громкихъ словахъ:

— Меня утѣшаетъ одно сознаніе: я сдѣлалъ, что могъ. Я всегда работалъ для одной Болгаріи. Ни одна иностранная держава, не только Россія, не можетъ указать, чтобы я поступилъ для нея хоть шагомъ въ области болгарскихъ интересовъ. Я отвѣчалъ Трикупису—первому министру греческаго королевства — на его предложеніе тройственнаго раздѣла Македоніи: если вы думаете, что болгарскій элементъ въ Македоніи—посторонній, попробуйте владѣть ею безъ раздѣла; если же болгарскій элементъ тамъ свой—Македонія должна быть нашей. Я готовъ разорваться за каждую пядь земли, тронутую болгарскою пятою. Вы, русскіе, видите въ Болгаріи ключъ къ Константинополю. Кто будетъ владѣть Константинополемъ, тотъ станетъ и повелителемъ великаго балканскаго государства, которое должно будетъ тогда создаться самою силою вещей. Я не имѣю ни малѣйшаго желанія, чтобы эта сила попала въ русскія руки. Наше государство молодо, не-

велико, но... есть же и у него какое-нибудь счастье! Почемъ знать? Можетъ быть, именно намъ и суждено пробиться къ Босфору и сыграть тамъ историческую роль... Это загадка будущаго.

Все это, конечно, очень похоже на старинную пѣсенку:

Malbrough s'en va-t-en guerre,
Dieu sait, quand reviendra.

Полковникъ Петровъ расхохотался, когда я сообщилъ ему замыслы Стамбулова повторить подвиги царя Симеона.

— Добираться до Константинополя? намъ? съ какими же силами? Господинъ Стамбуловъ каждому говорить что-нибудь такое, что должно произвести эфектное или странное впечатлѣніе, удивить, озадачить, заставить задуматься надъ новостью идеи.. Какъ будто все дѣло въ томъ, чтобы дойти до Константинополя и занять его! Константинополь взять не трудно, но—кто въ состояніи его удержать? И такія предположенія строятся для Болгаріи, не имѣющей ни флота, ни средствъ его построить!

Здѣсь будетъ умѣстно привести личное мнѣніе князя Фердинанда о Стамбуловѣ, высказанное мнѣ послѣ 18 мая, опредѣляющее въ то же время, какое участіе принималъ въ событіи самъ князь.

— Я ничуть не перемѣнился къ Стамбулову послѣ его паденія, какъ думаютъ нѣкоторые,—говорилъ князь. — Воображаютъ, будто я былъ съ

нимъ очень близокъ. Нѣть, между нами давно уже были только официальная встречи. Но, такъ какъ онъ былъ первымъ министромъ, то, естественно, встречи эти были чаще, чѣмъ съ кѣмъ-нибудь другимъ. Да, я относился къ нему всегда такъ, какъ отношусь теперь. На мой взглядъ, его энергія и упрямство принесли, въ разное время, много добра Болгаріи. Онъ, несомнѣнно, способствовалъ развитію въ болгарахъ національного самосознанія и націоналистической политики. Онъ очень уменъ, очень талантливъ, хотя и слишкомъ крутъ и жестокъ. Въ свое время онъ былъ не только полезенъ—былъ необходимъ. Но Стамбулова испортило сознаніе своихъ заслугъ и своей силы. Онъ сдѣлался капризенъ, какъ женщина, онъ не выносилъ противорѣчій и много разъ подавалъ въ отставку. Я не считалъ возможнымъ ее принять, пока видѣлъ въ Стамбуловѣ человѣка послѣдовательнаго. Но этого не было въ послѣдніе годы, и особенно въ 1893—1894 гг. Наоборотъ, онъ дѣйствовалъ какъ-то внезапно, точно подъ вліяніемъ минутныхъ вдохновеній. Минутнымъ вдохновеніямъ нельзя ввѣрять судьбы страны молодой и неустановившейся. И потомъ, онъ вѣчно хотѣлъ срывать игру угрозами своей отставки... Я предупреждалъ Стамбулова: смотрите, г. Стамбуловъ, можетъ выйти такое совпаденіе обстоятельствъ, что вы опять должны будете подать въ отставку, а я—ее принять... Онъ не слушалъ. И вотъ такое совпаденіе нашло себѣ мѣсто

— Предполагалъ ли Стамбуловъ, что ваше вы-
сочество примете отставку? — спросилъ я.

— Нѣтъ, не предполагалъ, — рѣшительно заявилъ князь. — Онъ былъ очень изумленъ, и плодъ этого изумленія — софійскіе безпорядки 18 мая. Господинъ Стамбуловъ, — сказалъ князь не безъ горечи, — могъ бы уйти съ политической арены тихо, съ достоин-
ствомъ, но, вѣря въ свое обаяніе въ народѣ, онъ предпочелъ уйти съ шумомъ. Какъ видите, онъ на-
казанъ за самообольщеніе: скандалъ демонстраціи упалъ на его голову...

Что князь Фердинандъ, хотя и горько разочаро-
ванный въ Стамбуловѣ, былъ крайне недоволенъ.
скандаломъ, сопровождавшимъ его паденіе, можно
вѣрить. Ни одному монарху не доставляло наслажденія убѣждаться воочію въ революціонныхъ спо-
собностяхъ своего народа, да еще такихъ блестя-
щихъ, какъ проявили софійцы. Притомъ же, хоть
за отставку Стамбулова князь Фердинандъ и былъ
прославленъ „вторымъ освободителемъ Болгаріи“,
но, — такъ какъ послѣдняя управлялась восемь лѣтъ
Стамбуловымъ не отъ своего, а отъ князя Ферди-
нанда имени, — то вышло по видимости, какъ будто
князь освободилъ ее отъ самого себя въ прошломъ,
давая какія-то покаянныя программы на будущее.
И народъ волненіемъ противъ Стамбулова выразилъ
князю рѣзкое порицаніе за прошлое, снисходитель-
но принявъ будущую программу, — такъ сказать, выражаясь парламентскимъ языкомъ, выразилъ до-

въріе правительству, хотя и сильно скомпрометированному.

Что дворъ князя Фердинанда желалъ сбыть павшаго Стамбулова за границу, тоже весьма вѣроятно. Потерявъ власть, Стамбуловъ сталъ ужасно лишнимъ въ Софії. Точно какое-то пугало — не то, что страшное, а неприличное — стѣснительное и надодѣдливое. Завѣдомый врагъ, котораго надо мало, что терпѣть, — еще сторожить и оберегать: того гляди, станется съ нимъ что-нибудь неладное... и что тогда скажетъ Европа? Его оскорбятъ, — за него отишись! Его убьютъ — за него отвѣчай! Мы его береги, а онъ себѣ, припѣваючи, будетъ сидѣть у моря да ждать погоды, строя козни, заговоры, фабрикуя поющую революцію... Тѣмъ не менѣе, я не думаю, чтобы Стамбуловъ говорилъ искренно, когда передавалъ мнѣ, будто съ презрѣніемъ отклонилъ предложеніе тайного бѣгства въ чужie края. Онъ и радъ бы имъ воспользоваться, какъ правительство радо бы сбыть его съ рукъ, да нельзѧ было: желанія двора разошлись съ желаніями министерства, которое, сгоряча, рѣшилось было исполнить требованіе народной Немезиды — судить отставленаго диктатора. Кромѣ государственного суда, на голову Стамбулова обрушились десятки частныхъ обвиненій въ разныхъ уголовныхъ дѣлахъ и дѣлишкахъ; онъ очутился на положеніи подследственнаго преступника, не посаженнаго въ предварительное заключеніе лишь по трусости властей. За нимъ былъ учреж-

день негласный полицейской надзоръ. Въ провинцію его, правда, отпустили бы, но мы видѣли, что значило для Стамбулова отправиться въ провинцію. Стамбуловъ очутился въ глупѣйшемъ положеніи. Внутрь страны ъхать нельзя—убыютъ, вонъ изъ страны—не позволяютъ. Оставалось сидѣть въ Софіи и faire bonne mine au mauvais jeu, притворяясь, что сидитъ онъ по собственной своей доброй волѣ, въ защиту друзьямъ и на страхъ правительству. Выходило—въ родѣ известной побасенки:

- Медвѣди поймаль!
- Веди его сюда!
- Да онъ меня не пускаеть!

Изъ всѣхъ корреспондентовъ, говорившихъ въ то время съ Стамбуловымъ, я имѣлъ то случайное преимущество, что, явившись первымъ, засталъ эксѣ-диктатора въ искреннемъ раздраженіи недавною катастрофою, которая вызывала его къ большей обычнаго откровенности. Предо мною онъ не скрывалъ, что поймаль медвѣдя, который его не пускаеть. Онъ прозрачно намекалъ, что—съ судомъ или безъ суда—онъ, на болгарской территории, человѣкъ погибшій. Онъ собирался бѣжать; говорять, бѣжалъ даже, переодѣтый въ старушечье платье, но былъ узнанъ и водворенъ восвойси.

— Объ одномъ жалѣю, что его, негодяя, не фотографировали тогда!—злорадствовалъ политиканъ, сообщавшій мнѣ эту легенду.

Задержавъ Стамбулова въ Софіи, правительство,

когда остали первые восторги побѣды, весьма скоро поняло однако, что и оно по отношенію къ Стамбулову поставлено не лучше, чѣмъ Стамбуловъ къ нему: оно тоже поймало медвѣдя, котораго никуда не поведешь, ибо онъ не пускаетъ. Судить Стамбулова, какъ выяснялось со дня на день все ярче и ярче, было немыслимо: судъ надъ нимъ, — это онъ говорилъ правду,—явился бы судомъ и надъ всѣмъ правительствомъ князя Фердинанда до самого князя включительно. Съ другой стороны, обѣщанный сгоряча судъ сдѣлялся уже надеждою народа: его ждали, его требовали,—замять его, замолчать было невозможно. Нельзя судить, а надо судить! Толпа видѣла затрудненія власти и относилась къ нимъ съ непріязненою подозрительностью. Выпустить Стамбулова за границу стало совсѣмъ невозможно; за нимъ слѣдила во всѣ глаза ненависть оскорбленной и ограбленной націи. Итакъ, сидѣли они, волею или неволею прикованные на одну и ту же цѣпуру, и смотрѣли другъ на друга ненавистными глазами—Стамбуловъ, смущенный невѣдѣніемъ, что съ нимъ сдѣлаютъ, а правительство, смущенное невѣдѣніемъ, что съ нимъ сдѣлать. И обѣ стороны храбрились.

Выходъ изъ затрудненія представлялся одинъ: могила.

Уѣзжая въ 1894 году изъ Болгаріи, я предсказывалъ печатно, что, не зная, какъ отдѣлаться отъ „стамбуловскаго вопроса“, бывшаго диктатора, вѣро-

ятно, отправять ad patres путемъ таинственного покушенія. Пророчество оправдалось, къ сожалѣнію, какъ по писанному: ровно черезъ годъ, 3/15 июля 1895 г. Стамбуловъ былъ изрубленъ, въ двухъ шагахъ отъ Union-Club, тремя неизвѣстными лицами—засвѣтло, только что не средь бѣла дня, почти на глазахъ полиціи, не ударившей палецъ о палецъ, чтобы помочь своему бывшему шефу. Три дня спустя, тиранъ скончался въ страшныхъ мученіяхъ. Онъ самъ задолго предчувствовалъ свою участъ.

— Меня убьютъ!—вырвалось у него среди разговора со мною. Онъ понималъ, что больше съ нимъ нечего дѣлать его политическимъ побѣдителямъ.

Убійцы Стамбулова,—собственно говоря, всѣмъ знакомые незнакомцы,—остались фактически безнаказанными, да, пожалуй, даже и не уличенными. Иначе и быть не могло, ибо ни правительству, ни народу не было рѣшительно никакой нужды въ наказаніи людей, разрубившихъ своимъ преступлениемъ Гордіевъузель болгарской политики. Всякий понималъ, что смерть Стамбулова, единовременно, и частное, и политическое убійство: и личная месть, и судъ Линча, казнь самосуда народнаго. Убить стоило,—и убили, и скрыли убійцъ, не справляясь о правахъ, о законѣ, какъ у насъ въ деревняхъ пришибаютъ конокрадовъ и за грѣхъ того не считаютъ. Какъ трудно было провести даже формальное следствіе по стамбуловскому процессу, разсказано въ „Софійскомъ житьѣ-бытьѣ“. Въ Черной Джаміи я

видѣлъ одного изъ убійцъ Стамбулова—Боно Г'еоргіева. Впослѣдствіи онъ, хотя и осужденный, очутился, милостью властей, на свободѣ и оказался однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ эмиссаровъ болгарскаго революціоннаго комитета въ Македоніи.

Смерть Стамбулова и, послѣдовавшія за похоронами его, бурныя демонстраціи взволновали умы во всей Европѣ. Кто убилъ? обсуждалось съ горячностью всею европейскою прессою мѣсяца два, если не болѣе. Въ государствахъ тройственного союза и въ Англіи Стамбуловъ, въ качествѣ заклятаго руссофоба, былъ весьма популярренъ. Такъ какъ въ это время уже назрѣвало болгаро-русское примиреніе, и въ Петербургѣ гостила депутація, отправленная болгарскимъ народомъ на поклонъ государю императору, вѣнская печать, а вслѣдъ за нею и Берлинъ зашумѣли было, что убійство Стамбулова—дѣло рукъ руссофильской партіи: Болгарія де поклонилась Россіи головою Стамбулова. Авторитетное слово князя Бисмарка разбило эту глупую клевету. Тогда тяжесть обвиненія перевалили на плечи князя Фердинанда. Вопреки крикамъ о томъ стамбулистовъ и въ особенности вдовы Стамбулова, можно съ увѣренностью утверждать, что —изъ всего болгарскаго правительства,—князь менѣе всѣхъ могъ быть причастенъ къ смерти своего отставнаго министра.

Въ преступленіяхъ, не лишенныхъ политической окраски, роковой уголовный вопросъ—*cui prodest*,—играетъ особо важное значеніе. И въ этомъ —прямое

противопоказаніе клеветъ на князя Фердинанда. Зачѣмъ было ему убивать Стамбулова, обезвреженнаго, подъ судомъ, безъ частной полиціи своей — одного противъ цѣлаго народа-антистамбулиста, противъ цѣлой арміи, слѣпо повинующейся полковнику Рачо Петрову, вопросъ о подчиненіи котораго стамбуловской диктатурѣ и вызвалъ переворотъ 18-го мая? Что касается до угрозъ письмами, яко бы компрометирующими принца Фердинанда, пущенныхъ одно время въ ходъ Стамбуловымъ, теперь хорошо извѣстно, каковы были эти письма. На первыхъ порахъ по прибытіи въ Болгарію, князь не сразу стряхнулъ съ себя „австрійскаго поручика“ и не только пожурировалъ нѣсколько болѣе, чѣмъ слѣдуетъ государю страны, но и писалъ шуточныя записки объ этихъ похожденіяхъ участнику своего жуирства, Стенану Стамбулову, предполагая, что, какъ водится между порядочными людьми, записки уничижаются и, во всякомъ случаѣ, не увидятъ свѣта. А Стамбуловъ пряталъ „документы“ въ шкатулку на всякий случай... Компрометировать князя письмами этими политически Стамбуловъ, конечно, не могъ, но Болгарія—страна пуританская, на кутежъ и донъ-жуанство смотрить косо, и устроить легонькій скандалъчикъ князю онъ быль бы въ состояніи. Что касается „политическихъ документовъ“, одинъ изъ приближенныхъ къ Фердинанду, пользующихся его довѣріемъ, придворныхъ увѣрялъ меня:

— Такихъ у Стамбулова не было и не могло быть. Князь не вѣрилъ Стамбулову, боялся его и не могъ дать ему въ руки оружія противъ себя. И если стамбуловская партія когда-либо огласить какіенибудь политические документы отъ имени князя, первою мою мыслью будетъ: „это подлогъ!“—подлогъ въ родѣ пресловутыхъ русскихъ бумагъ Якобсона и, можетъ быть, именно его же рукъ мастерство.

Стамбуловъ долженъ былъ скоро умереть—и непремѣнно насильственной смертью, и зналъ это самъ. Онъ наобидѣлъ слишкомъ много людей, убилъ и намучилъ слишкомъ много невинныхъ. А его насильническіе грѣхи по бабьей части? А обманутые имъ македонцы? Заnimъ всегда слѣдили мстители. Бено Георгіевъ когда-то на могилѣ Паницы, котораго онъ былъ личнымъ секретаремъ, далъ, колѣнопреклоненный, клятву зарѣзать Стамбулова. Стоило зазѣваться полиціи, чтобы эксъ-диктаторъ погибъ. Но вотъ вопросъ: какъ она зазѣвалась—нечаянно или съ расчетомъ? стерегла и не устерьгла или не стерегла вовсе? Быть выданъ Стамбуловъ своимъ мстителямъ, или они взяли его сами? На эти вопросы, я думаю, могли бы отвѣтить только тогдашній префектъ полиціи. да, можетъ быть, г. Тюфекчіевъ... оправданный судомъ „не убійца“ Стамбулова.

— Раздѣлаться съ Стамбуловымъ?—говорилъ мнѣ въ 1894 году одинъ каравеловецъ,—да ничего нѣтъ

проще! Когда правительству надо есть это бѣльмо на глазу, оно сниметъ полицейскій надзоръ и уведеть роту солдатъ, слѣдящую за домомъ Стамбулова, во избѣжаніе народныхъ беспорядковъ. Словомъ, оставить Стамбулова одного, лицомъ къ лицу съ обиженными имъ людьми. А затѣмъ—за голову Стамбулова я не поставлю ни одного лева.

Въ самомъ дѣлѣ, подумать только, что, едва паль Стамбуловъ, какъ на него было заявлено болѣе семидесяти жалобъ лишь за насильственные дѣйствія надъ женщинами, не считая насилій имущественныхъ!.. Были люди, которые боялись его—и падшаго—вѣроятно, по правилу, что

Змѣя израненая злѣе,
Чѣмъ певредимая амѣя.

— Что тамъ еще судить его?—выражали мнѣніе даже вполнѣ интеллигентные люди, съ европейскимъ образованіемъ,—онъ ловокъ, вывернется, пожалуй. Его низверженіе—полумѣра. Надо было его убить.

— Какъ? Вы говорите—убить? Не выслушавъ, не давъ оправдаться?

— Эхъ! Говорилъ же Стамбуловъ народному собранию, что будетъ управлять Болгаріей по внутреннему убѣждению... ну, и спровадить его можно по внутреннему убѣждению!

При подобномъ настроеніи народномъ, понятно, что похороны Стамбулова превратились въ неописуемый скандалъ. Полиціи и войскамъ пришлось вооруженою силою отражать толпу, ринувшуюся въ

аттаку на погребальную процессію. Хотѣли разбить гробъ и выбросить покойника въ болотистый ровъ. Перепуганное духовенство чуть не бѣгомъ бѣжало до кладбища, гдѣ закипѣла отчаянная свалка, сопровождаемая яростными демонстраціями противъ представителей державъ, дружелюбныхъ Стамбулову. Пострадали и безъ вины виноватые: сербскаго и румынского агентовъ сбили съ ногъ и ходили по нимъ, какъ по паркету. Князь Фердинандъ былъ въ это время въ Карлсбадѣ. Его адъютантъ явился въ домъ Стамбулова съ выраженіемъ высочайшаго соболѣзвнованія,—адъютанта не приняли. Тогда князь прислалъ вдовѣ Стамбуловой сочувственную телеграмму,—она отвѣчала градомъ дерзостей, открыто обвиняя правительство въ убийствѣ мужа. Что за человѣкъ жена Стамбулова, трудно опредѣлить съ точностью. При жизни мужа, она совершенно исчезала за его—колossalною для Болгаріи—фигурою. О ней какъ-то совсѣмъ не говорили. Къ его безобразнымъ любовнымъ похожденіямъ она относилась съ равнодушіемъ истинно восточной гаремной женщины, для приличія дѣлая видъ, что не вѣрить слухамъ. Даже савовская исторія не вывела ее изъ этого искусственнаго безразличія. Въ Софії говорятъ о ней скорѣе хорошо, чѣмъ дурно. Любила она Стамбулова, кажется, до безумія и, по убийствѣ его, превратилась въ яростную тигрицу, жаждущую мести и крови охотниковъ, умертвившихъ ея самца... Въ процессіи убийцъ Стамбулова

она вела себя геройски. Когда я пріѣхалъ на февральскія торжества, мнѣ бросился въ глаза траурный флагъ на одномъ домѣ: оказывается, подняла его--демонстративно противъ примиренія съ Россіей--вдова Стамбулова. Софійцы пожимали плечами и говорили:

— Взбалмошная баба!

Что убило Стамбулова болгарское правительство, она кричитъ до сихъ поръ.

Болѣе умѣренные стамбулисты говорили о попустительствѣ. Самъ Стамбуловъ, умирая, указывалъ, что его убили „князь, Тюфекчіевъ, Халіу и Бельчевъ“, намекая этимъ послѣднимъ именемъ на мстителей за повѣщенныхъ имъ, мнимыхъ убійцъ министра Бельчева—по извѣстному миларовскому процессу... Фердинандъ, наконецъ, потерялъ терпѣніе. Въ официальномъ органѣ появилась телеграмма изъ Эбенталя, холодно и рѣзко заявившая: „Въ виду непріязненнаго отношенія родственниковъ Стамбулова къ благоговѣйному и сердечному почину князя, онъ считаетъ неумѣстнымъ подвергать своихъ вѣрныхъ слугъ дальнѣйшимъ оскорблениямъ и признаетъ необходимымъ запретить гражданскимъ и военнымъ чинамъ участвовать въ погребеніи Стамбулова“. Престарѣлая мать Миларова прислала вдовѣ Стамбулова телеграмму, столь ужасную въ дикомъ трагизмѣ своемъ, что развѣ у героевъ Эсхила да въ эпосѣ Нibelунговъ можно найти подобную энергию ненависти!

„Плачъте,—писала старуха,—плачъте о кровопійцѣ и убійцѣ, который, веселясь въ Бургасскомъ монастырѣ, при пѣсняхъ и танцахъ цыганъ, подпісалъ смертный приговоръ моему незабвенному сыну Святославу. Богъ далъ мнѣ силы дождаться того времени, когда я увидѣла убійцу плавающимъ въ своей собственной крови! Утѣшенная, посылаю свое презрѣніе его разлагающемуся трупу“. Выразить „послѣднее презрѣніе“ трупу Стамбулова приглашали и расклеенныя повсемѣстно въ Софіи афиши. Спустя полгода по смерти Стамбулова, кладбищенскіе сторожа жаловались намъ, русскимъ, что могила диктатора—истинное ихъ наказаніе: чуть не присмотри,—и навалять на нее всякой гадости... Не прощенъ даже за гробомъ! Признаюсь, эта каннибалъская ненависть братушекъ къ человѣку, предъ которымъ они, заживо, рабски трепетали, показалась мнѣ весьма противною. Онъ стоилъ болгарского политикующаго общества, а общество стоило его. Какъ говорять поляки—wart Pac palaca, a palac Pasa.

Такъ погибъ, въполномъ цвѣтѣ лѣтъ и силъ, одинъ изъ самыхъ антипатичныхъ, но, безспорно, и самыхъ замѣчательныхъ людей новѣйшей европейской исторіи. Ворвался онъ въ нее грубо и неожиданно,—грубо же и былъ ею извергнутъ. „Анархистъ у власти“—Степанъ Николаевичъ Стамбуловъ—явленіе глубоко поучительное; даже теряешься, соображая, какъ могла въ концѣ XIX вѣка, вѣка парламентаризма и правового порядка, возникнуть

на горизонтъ политическомъ такая дикая насмѣшка именно надъ парламентаризмомъ и правомъ, словно посланная въ міръ лукавымъ Асмодеемъ, чтобы убить всякое къ немъ довѣріе?

Что оставилъ по себѣ Стамбуловъ потомству? Ровно ничего. Грубый авантюристъ въ политикѣ, онъ старался пріобрѣсти славу националиста, что и удалось ему въ глазахъ людей близорукихъ или заинтересованныхъ въ успѣахъ его лже-националистического режима. Невѣжественный и жестокій, онъ, если даже исключить эгоистической цѣли, вѣчно преслѣдуемыя имъ въ своей политикѣ, превратилъ послѣднюю въ самодурство. Съ народною волею онъ не считался, народнаго духа знать не хотѣлъ. Подобно Угрюмъ-Бурчееву, который хотѣлъ заставить рѣку течь вспять, онъ насиливалъ культуру управляемаго имъ болгарскаго народа къ эволюціи, совершенно ему не свойственной, отрывая его отъ единства съ Россіею, великимъ корнемъ славянства, и искусственно прививая къ нему швабовъ и швабство. Но, хотя рѣки иной разъ и мѣняютъ русла, а вспять еще ни одна изъ нихъ не пошла. И болгарскій ручей, побурливъ малость въ стамбуловской запрудѣ, все-таки, въ концѣ концовъ, приняль свое естественное теченіе,—бросилъся въ руское море, смывъ съ лица земли всѣ сооруженія диктатора и потопивъ своимъ разливомъ его самого. Напрасное зданіе, кичливо выстроенное на пескѣ, рухнуло. „И ногибѣ память его съ шумомъ“.

СОФІЙСКОЕ ЖИТЬЕ-БЫТЬЕ.

(Болгарские типы и картинки).

1894—1896.

Д ВАЖЛЫ посѣтилъ я Софію и дважды испыталъ странное чувство—вѣроятно, знакомое большинству читателей: иногда встрѣчаешь человѣка или видишь мѣстность въ первый разъ, а между тѣмъ кажется, будто гдѣ-то этого человѣка уже встрѣчалъ и въ мѣстности этой бывалъ. Помните, какъ у Алексея Толстого:

Миѣ кажется все такъ знакомо.
Хоть не былъ я здѣсь никогда:
И крыша далекаго дома,
И мальчикъ, и лѣсъ, и вода...
И такъ же шелъ жидъ бородатый.
И такъ же шумѣла вода—
Все это ужъ было когда-то.
Но только не помню, когда.

Матеріалисты объясняютъ эту странность комбинационными способностями нашей памяти, воскрепшающей въ насъ, когда мы видимъ новое явленіе, всѣ, болѣе или менѣе подходящія къ нему, впечатлѣнія нашего прошлаго, доводя насъ тѣмъ до иллюзіи видѣть въ новомъ старое. Мори въ своемъ классическомъ трудѣ „Сонъ и сновидѣнія“ приводить нѣсколько случаевъ этого рода, объясняя ихъ по только что изложенной теоріи. Спиритуалисты допускаютъ болѣе поэтическое толкованіе, предполагая, что мы, дѣйствительно, этихъ людей и эти мѣстности видѣли,—только не въ настоящей, а въ одной изъ предыдущихъ нашихъ жизней. Дорогой старый другъ мой Василій Ивановичъ Немировичъ-Данченко—писатель, весьма охочій до сверхъестественныхъ ситуаций и настроеній — рассказывалъ мнѣ, что онъ не можетъ безъ тайного ужаса проходить по одному обрыву на островѣ Капри, ибо очень хорошо помнить, какъ Тиверій приказалъ бросить его съ этого обрыва въ море.

У меня не такая хорошая память, и, жилъ ли я при царѣ Симеонѣ или Крумѣ Великомъ въ Болгаріи, выкальвалъ ли мнѣ глаза какой-нибудь Василій Болгаробойца,—рѣшительно не знаю. Однако, впервые подъѣзжая къ Софіи по Ломъ-Паланскому шоссе, я былъ почти смущенъ знакомостью ея унылого пейзажа, придавленнаго длиннымъ, приземистымъ хребтомъ Витуша.

— Да вѣдь это Тифлисъ!—озарило меня, нако-

нецъ, воспоминаніе,—ну, да! конечно. Тифлісъ съ печальною равниною, ведущею къ нему отъ Мцхета. А Витушъ—вылитый св. Давидъ... Не хватаетъ только Куры, съ ея широкими мутными водами, порывисто бѣгущими между каменныхъ береговъ.

Сходство съ Тифлісомъ продолжается и внутри болгарской столицы; только все въ ней, сравнительно съ поэтическою столицею Закавказья, надо представлять въ видѣ уменьшенному, суженному и омѣщенному. Софія—это Тифлісъ филистеровъ. Та же двойственность города: одна часть—показная,—европейская, даже слишкомъ, до опошленія; другая—дикая, азіатская—наслѣдіе турокъ: съ минаретами, полу-развалинами мечетей, превращенныхъ въ бани. Она—не безъ поэзіи, хотя и очень грустной поэзіи разрушенія и упадка. Азія въ Софіи вымираетъ и сокращается гораздо быстрѣе, чѣмъ въ Закавказье; въ ней уже нѣтъ такихъ оригиналъныхъ уголковъ, какъ тифлісскій Авлабаръ, съ его пестрою, разнородною толпою, открытыми лавками, мастерскими, коврами, оружіемъ, верблюдами, ишаками. Тифлісскій базаръ, пожалуй, любопытнѣе даже константинопольскаго,—тѣмъ болѣе, что послѣдній, разрушенный на моихъ глазахъ страшнымъ землетрясеніемъ 1894 года (вотъ еще удовольствіе-то пришлось пережить!), врядъ ли воскреснетъ въ прежнемъ своемъ архи-азіатскомъ видѣ. Стамбульскій базаръ подъ открытымъ небомъ теперь пестрѣе и занимателнѣе крытаго базара. Прежде было наоборотъ

Софію мнѣ показывали усердно и подробно, но ярко, типически оригинального я въ ней ничего не видѣлъ.

— Американскій городъ!—характеризовала мнѣ Софію одна мѣстная жительница, оболгарившаяся русская и, по русской крови своей, далеко не лишенная эстетическихъ наклонностей,—увы! совершенно чуждыхъ болгарскимъ дамамъ.—Ростеть съ часа на часъ, какъ грибъ, и такъ же некрасиво, какъ грибъ...

Развалины сносятся безцеремонно: молодому городу нужно мѣсто,—не до сохраненія древностей!

— Видите эти стѣны? — указала мнѣ та же дама.—Это—остатки древняго генуэзскаго базара. Старую генуэзскую стройку безжалостию растоптали, чтобы нагородить на ея могилѣ карточныхъ домиковъ... Хоть бы строили-то со вкусомъ! А то—Богъ знасть что: казарма не казарма, пакгаузъ не пакгаузъ. Все—какъ-нибудь, все - на спѣхъ, обѣ удобствѣ, о комфортѣ, обѣ изяществѣ жилья—никакихъ заботъ... Этотъ народъ весь свой вѣкъ точно торопится на поѣздъ, и, за скорымъ отъѣздомъ, ему рѣшительно все равно, въ какой обстановкѣ проведетъ онъ послѣднія двадцать-тридцать минутъ.

Въ настоящее время, подъ развалинами старыхъ генуэзскихъ магазиновъ, въ грязномъ, смердящемъ, но не лишенномъ своеобразной живописности—„красоты свинства“, такъ сказать,—уголкѣ,—ютятся лавчонки полудикихъ мѣстныхъ „злато-

кузнецовъ", то есть ювелировъ. Первобытными оружиеми—долотомъ и молоточкомъ, они извлекаютъ изъ серебра удивительно тонкія филигравные вещицы. Кто бывалъ на Кавказѣ, вѣроятно, знаетъ такъ называемыя ахалцихскія работы. Софійскія въ томъ же родѣ. Произведенія уличныхъ ювелировъ вовсе не дешевы, а доходы они получаютъ, надо полагать, не малые, такъ какъ болгарскій народъ, не оставивъ еще своего національнаго костюма, любить дѣлать его наряднымъ и богатымъ. Женщины рады голодать по мѣсяцамъ, чтобы съэкономить денегъ на пряжки къ поясу—огромныя, тяжеловѣсныя цапки изъ серебра грубой и крупной чеканки, весьма безобразныя на европейскій вкусъ. Однако, отъ нихъ - главный доходъ уличныхъ ювелировъ. Не имѣть такой штуки болгарская крестьянка почтаетъ чуть не за позоръ. Можно, поэому, представить себѣ, сколько ихъ расходится—особенно въ базарные (по пятницамъ) и ярмарочные дни. Между тѣмъ стоимость ихъ довольно высока: дешевле 60—70 левовъ (23—27 рублей) нельзя купить порядочныхъ пряжекъ, а за хорошія надо заплатить 120—150—и такъ далѣе, до 400 и выше левовъ, глядя по вѣсу металла и по работѣ. Правда, что, покупая такую вещь, крестьянка покупаетъ ее уже на всю жизнь: ей износа нѣтъ,—однако, не мало приходится болгаркѣ претерпѣть лишений и труда прежде, чѣмъ скопить она денегъ на покупку.

Показные улицы Софіи—Левская, бульварная

линія, площадь предъ княжескимъ дворцомъ—недуры: уголокъ Вѣны. Но уже прилегающіе къ нимъ переулки напоминаютъ запутанный городъ средней полосы Россіи. Домики-особняки съ усадебками, улицы—въ рыхлинахъ, съ допотопной мостовой, замѣняющей асфальтъ и макадамъ центра. Впрочемъ, и въ центрѣ соборная площадь замощена жестоко острыми камнями; переходить ее—истинное наказаніе. Многія же улицы окраинъ вовсе не замощены. Вообще, попавъ на окраину Софіи, самъ не замѣчаешь, какъ уже очутился въ деревнѣ: поля, околица, точно сто верстъ отъѣхалъ отъ столицы, которая между тѣмъ неугомонно шумитъ за твою спиной. По миниатюрности „болгарского Петербурга“, одинъ изъ нашихъ корреспондентовъ на празднествахъ 2-го февраля 1896 г. попалъ въ трагикомическую исторію. Отправляясь домой послѣ ужина, даннаго русскимъ журналистамъ Славянскою Бѣльдою, онъ скомандовалъ извозчику: „прямо!“—а самъ „задумался“...

— Сознайтесь, Л.: просто заснули?—дразнили мы товарища, но онъ защищалъ свое бодрственное состояніе съ энергіей, которая неопровержимо доказывала намъ, что Л. спалъ мертвымъ сномъ. Извѣстно, что человѣкъ гораздо легче сознается даже въ уголовномъ преступлении, чѣмъ — будто онъ спалъ въ неподложенное время и въ непоказанномъ мѣстѣ.

Фаэтонщикъ проѣхалъ „прямо“ два квартала и

Е. Ц. В. кн. Фердинандъ Болгарскій.
Съ портрѣта, подареннаго автору кн. Фердинандомъ.

очутился за городомъ. Предполагая, что съдокъ желаетъ кататься, онъ ѿдетъ, да ѿдетъ впередъ, а корреспондентъ все „думаетъ“, да „думаетъ“. Наконецъ открылъ глаза: ночь, звѣзды, поле... что за чортъ? Вообразивъ, что извозчикъ завезъ его за городъ съ цѣлью ограбить, корреспондентъ, недолго размышиля, схватилъ возницу за шиворотъ и закричалъ „караулъ“. Фаэтонщикъ, въ свою очередь, перенугался на смерть, предположивъ по неожиданному нападенію, что съдокъ его—грабитель-коно-крадъ... Дѣло выяснилось только въ участкѣ.

— Счастливъ Богъ этого дурака,—говорилъ Л.,— что я забылъ о револьверѣ въ моемъ карманѣ. Вѣдь на мѣстѣ могъ бы уложить анаему!

Зелени въ Софіи очень мало. Бульваръ, вѣчно полный народомъ, загородный садъ, которымъ софійцы очень гордятся, хотя въ немъ нѣть ровно ничего хорошаго, и самый плохой изъ подмосковныхъ парковъ—роскошь въ сравненіи съnimъ, а ужъ о петербургскихъ и говорить нечего!—вотъ и все. Загородный садъ отдѣленъ отъ города довольно зловонною канавой или рѣченкой съ запрудою; черезъ рѣченку переброшенъ, украшенный орлами, мостъ. Съ другой, съверной стороны, Софію сторожатъ на такомъ же мосту, переброшенномъ черезъ такую же зловонную канаву, свирѣпые бѣлые львы. — Это Стамбуловъ ихъ посадилъ, отпугивать русскихъ,—смѣются болгары. Львы эти, когда ѿдешь въ Софію съ Ломъ-Наланскаго шоссе, или съ вок-

зала желѣзной дороги,—первая встрѣча, по которой вы догадываетесь, что вы уже въ столицѣ, а не въ деревнѣ, какою представляются взгляду новаго человѣка софійскія предмѣстія. По воскреснымъ днямъ загородный садъ кишитъ гуляющими. Полянки загорожены столиками, болгаре сидятъ, пьютъ мутное пиво и кислое вино, слушаютъ ужасный оркестръ, играющій ужасные вальсы, и довольны. Даже спрашиваютъ:—Не нѣправда ли, совершиенный Пратеръ? Этотъ вопросъ, въ первую мою поѣздку, такъ же удручалъ меня, какъ во вторую—доводилъ до бѣшенства моихъ компаньоновъ-корреспондентовъ обязательный допросъ каждого новаго знакомаго: „а какъ вамъ нравится Софія“? Мы слышали его разъ по сту на день...

Бульваръ не только гулянье, но и политической клубъ софійцевъ. Такой клубъ подъ открытымъ небомъ я видѣлъ, раньше только въ Кутансѣ, когда лѣтъ десять тому назадъ попалъ туда на банковскіе выборы, дошедшіе до книжаловъ. Софійцы сходятся на бульваръ въ твердої увѣренности, что встрѣтять здѣсь всѣхъ мѣстныхъ дѣятелей; здѣсь сговариваются партіи; отсюда, когда, послѣ рокового 18-го мая, Стамбуловъ проѣхалъ къ принцу Фердинанду на прощальное свиданье, толпа бросилась бить павшаго ministra. Не очень далеко отъ бульвара и перекрестокъ, гдѣ зарѣзали экс-диктатора. Здѣсь зачатокъ импровизированныхъ митинговъ и манифестацій, какими такъ богата софій-

ская жизнь. Много я ихъ насмотрѣлся. Является на бульваръ какой нибудь популярный антистамбулистъ. Кто нибудь крикнетъ:

— Да живее НН!

И сейчасъ же вокругъ нечаяннаго героя минуты выростаетъ шумная толпа. Ему говорять рѣчи, онъ отвѣчаетъ... Только и слышишь, что „да живее“, да „на погибель“, „на погибель“, да „да живее“... Бываетъ, что изъ подобныхъ уличныхъ вспышекъ разгорается мало-по-малу колоссальная демонстрація, въ родѣ той, напримѣръ, что случилась 1-го февраля 1896 г., въ вечеръ прїѣзда царскаго посла, графа Голенищева-Кутузова. Его привѣтствовали факельщугомъ, рѣчами, овациями болѣе десяти тысячъ человѣкъ. Толпа эта выросла безъ всякой предварительной подготовки и организаціи,— просто слѣпилась человѣкъ по человѣку, какъ слѣпляется снѣжный комъ, катящійся съ горы. То же самое повторилось передъ зданіемъ русскаго дипломатическаго агентства, когда надъ нимъ взвился, десять лѣтъ не виданный болгарами, русскій флагъ. Не знаю, всегда ли таковы софійскіе порядки. Я былъ въ Софіи оба раза въ слишкомъ высокоторжественные дни— то въ медовый мѣсяцъ освобожденія отъ стамбуловскаго гнета, то въ медовый мѣсяцъ возстановленія дружества съ Россіею, когда принципомъ правительства было никого ни въ чемъ не стѣснять, и народнымъ манифестаціямъ не только не мѣшали,

но еще покровительствовали. „Что же молъ вы, ребята, плохо ликуете? Кричи во всю! Пусть русские знаютъ нашу свободу и наши симпатии!“ И народъ упивался счастьемъ свободнаго слова и свободнаго миѣнія, съ почти дѣтскимъ увлечениемъ и радостью...

Послѣ 18-го мая въ Софіи считалось шикомъ говорить по-русски. И потому, что этимъ высказывались симпатии къ Россіи, и потому, что этимъ выражался протестъ противъ ненавистнаго Стамбулова, рьянаго гонителя русскаго языка, необходимость котораго для себя болгаринъ слишкомъ хорошо понимаетъ. Когда Стамбуловъ изгналъ русскій языкъ изъ школы, болгаринъ сталъ учиться ему дома. Стамбуловъ изгналъ изъ Болгаріи русскую газету. Болгарія стала выписывать русскій журналъ. Въ великолѣпной публичной читальнѣ города Рущука я встрѣтилъ всѣ русскіе журналы общей и исторической печати въ двойныхъ экземплярахъ. Какъ только была снята цензура съ русскихъ газетъ, „Новое Время“ въ одну недѣлю пріобрѣло въ Софіи свыше пятидесяти подписчиковъ. „Новое Время“, „Свѣтъ“, „Новости“ попадались мнѣ и въ клубахъ, и въ ресторанахъ. Не говорю уже о томъ, что стоять русской газетѣ, хотя бы и провинциальной, напечатать статейку о Болгаріи, какъ болгарскіе эмигранты немедленно пересылаютъ интересный номерокъ на родину въ десяткахъ экземпляровъ. Такъ, довольно мало распространенный въ

самої Одессѣ, нынѣ уже покойный „Новороссійскій Телеграфъ“—былъ далеко не рѣдкостю въ Софіи, съ тѣхъ поръ, какъ завель тамъ постояннаго корреспондента. Изъ нашихъ ежемѣсячниковъ наиболѣе уважаемый и читаемый болгарами—„Вѣстникъ Европы“. Изъ еженедѣльныхъ больше другихъ распространена, разумѣется, „Нива“: въ 1894 году въ Рущукѣ ея выписывалось 200 экземпляровъ, а въ Софіи—450; встрѣчались тогда „Недѣля“, „Всемірная Иллюстрація“, „Сѣверъ“. Если бы наши русскіе книгопродавцы были одарены духомъ торговой иниціативы, они могли бы имѣть съ Болгаріей большія дѣла, а русская книга нашла бы богатый и благодарный рынокъ. Не одинъ болгаринъ обращался къ миѣ съ просьбою о посредничествѣ съ какою либо крупиою русскою книгопродавческой фирмой на счетъ устройства філіального магазина, указывая, какъ мало затратъ требуетъ и какъ много выгоды можетъ дать въ Болгаріи торговля русскими книгами: торговля безъ комиссіонеровъ, изъ первого источника, по цѣнамъ русскихъ магазиновъ или съ надбавкою маленькаго %, что и въ Россіи бываетъ; я, напримѣръ, самъ покупалъ въ Кіевѣ иѣкоторыя изданія А. С. Суворина по значительно высшей цѣнѣ, чѣмъ въ Одессѣ, Харьковѣ, Саратовѣ, гдѣ есть отдѣленія нововременскихъ магазиновъ. А болгары—народъ практическій и до невѣрныхъ затѣй не охотники. Когда дѣло касается денежнаго предпріятія, болгаринъ семь разъ примѣряетъ, а одинъ

разъ отрѣжетъ. Значить, совѣтъ ихъ не на удачу, а вѣрный коммерческій совѣтъ. Сейчасъ выписка русской книги для болгарина—мука; надо очень нуждаться въ русскомъ чтеніи, чтобы подвергать себя пересылочнымъ неудобствамъ: пошли письмо въ магазинъ, внеси деньги въ Credit Lyonnais, а Credit Lyonnais внесеть деньги въ магазинъ, а магазинъ еще когда-то собирается отправить заказъ... И дорого, и долго, и неудобно, и книги часто пропадаютъ въ дорогѣ, вызывая нареканія на добросовѣстность отправителей. Быть еще путь—черезъ русскаго эмигранта г. Златоустова. Жительствуя въ Бургасѣ, онъ добывалъ свой хлѣбъ—и, кажется, недурной,—комиссіонерствомъ по книжной части. Затѣмъ магазинъ Златоустова погибъ при какихъ то беспорядкахъ, и самого Златоустова недавно застрѣлили на улицѣ въ Софіи одинъ отставной офицеръ, его политической недоброжелатель. Но и при комиссіонерствѣ не уменьшается то же бѣдствіе: полная неупорядоченность сношеній съ Россіей—и почтовыхъ, и путевыхъ. По три, по четыре недѣли ждутъ иной разъ болгарскіе покупатели своихъ заказовъ отъ нашихъ книгопродавцевъ — даже изъ Одессы, хотя отъ нея до Софіи, чрезъ Константинополь, всего 60 часовъ Ѣзды. Теперь, вмѣстѣ съ „примиреніемъ“, надо надѣяться, что это устроится болѣе благопріятно для русской книги и болгарскаго читателя. Русское общество пароходства и торговли завело съ 1-го апрѣля 1896 года иправилъ-

ные рейсы между Одессою, Варною и Бургасомъ, и такимъ образомъ скорый и правильный обмѣнъ книжныхъ заказовъ и полученій становится возможнымъ дважды въ недѣлю. Повторяю: если русскіе книгоиздатели не воспользуются широко открытымъ для нихъ и въ высшей степени прибыльнымъ новымъ рынкомъ,—значить, косности и глупости русскаго капитала нѣтъ предѣловъ, и русскій книгопродавецъ—лѣнтий, не хуже того Андерсеновскаго царевича, что голодалъ, какъ волкъ, но не хотѣлъ протянуть руку за лежащею подлѣ него ковригою хлѣба. Начальникъ „телеграфо-пощенскаго отдѣла города Софіи“, Иванъ Петровичъ Стояновичъ вообще плакался мнѣ на безпорядочность русско-болгарскихъ почтовыхъ сношеній. Такъ: изъ Болгаріи въ Россію нельзя послать оплаченную посылку: болгарская почта принимаетъ плату только до своей границы. Г. Стояновичемъ приготовленъ обширный проектъ реформъ въ русско-болгарской почтѣ, уже представленный на разсмотрѣніе русскихъ властей. Въ настоящее время можно надѣяться, что проектъ этотъ перейдетъ, наконецъ, въ дѣйствительность—послѣ пятилѣтнихъ стараній и ходатайствъ болгарской стороны.

Возвращаюсь къ вопросу о русскомъ языке и русской книгѣ. Въ Софіи я узналъ многихъ болгаръ, которые отлично говорили порусски, хотя въ Россіи никогда не бывали,—людей мѣстного или западнаго воспитанія. Къ такимъ принадлежитъ и

помянутый мною Иванъ Петровичъ Стояновичъ, владѣющій русскою рѣчью не хуже, чѣмъ болгарскою. Профессоръ Великой школы, историкъ и филологъ д-р Шишмановъ удивилъ меня бойкостью русского разговора и — что особенно рѣдко среди болгарь—русскими интонаціями: между тѣмъ онъ чистый западникъ по образованію (Лейпцигскаго университета) и никогда не бывалъ въ Россіи. Правда, жена его, урожденная Драгоманова,—малороссіянка. Премьеръ—министръ Стоиловъ, въ первый мой пріѣздъ, притворился, будто едва-едва понимаетъ и вовсе не говоритъ порусски; а въ 1896 г. онъ бесѣдовалъ со мною на нашемъ языке (самъ заговорилъ) битыхъ два часа подрядъ, при чемъ добрыя три четверти этого времени говорилъ исключительно онъ—и еще какъ плавно, ярко, выразительно. Съ тѣхъ поръ, какъ князь Фердинандъ и его министерство стали тянуть руссофильскія пѣсни, много объявилось знатоковъ русского языка, которые вчера еще готовы были отвѣтить на каждое русское слово: „не разбираю“ . Стоиловъ, конечно, не въ счетъ,—онъ человѣкъ въ высшей степени порядочный, но между этими новоявленными русскими говорунами попадаются удивительные гуси.

Взять, напримѣръ хоть начальника войскъ рущукскаго военного округа, полковника Дандеревскаго. Чуть не вчера этотъ заклятый руссофобъ проклиналъ имя и изображеніе Александра III, публично топталъ ногами портреты русскихъ

государственныхъ дѣятелей эпохи болгарского освобожденія и сожалѣль во всеуслышаніе, что не можетъ добраться до оригиналовъ: „я бы разстрѣлялъ этихъ господъ, не давъ имъ времени даже для молитвы!“ А теперь этотъ Russenfresser вдругъ припомнилъ и свое русское воспитаніе, и эпоху освобожденія, и „дѣда Ивана“ и въ любезностяхъ къ русскимъ превзошелъ самыхъ ярыхъ руссофиловъ. А г. Марковъ—раскаявшійся стамбулистъ, который, отъ лица болгарского народа, просилъ графа Голенищева-Кутузова передать государю императору, что „князь любить Россію, а Болгарія любить своего князя“?! Все это было бы смѣшино, когда бы не было такъ грустно!

Теперь, послѣ двухъ поѣздокъ я вполнѣ убѣженъ: изъ болгарской интеллигентіи не понимаютъ порусски только тѣ, кто не желаетъ понимать. И, если на улицахъ Софіи вы, обратясь порусски къ прилично одѣтому человѣку, получите въ отвѣтъ сердитое „не разбираю“,—можете быть твердо увѣрены: предъ вами стамбулистъ или, въ крайнемъ случаѣ, радославовецъ... Другое дѣло—получить отвѣтъ порусски: практически владѣютъ нашимъ рѣчью, разумѣется, сравнительно немногіе—20, 30%. За то я знаю много такихъ, что, не будучи въ состояніи говорить порусски,—вѣроятнѣе, опасаясь впасть въ смѣшиныя ошибки произношенія и неправильныхъ оборотовъ рѣчи,—имѣютъ библіотеки русскихъ классиковъ, читаютъ и даже пишутъ порус-

ски съ величайшею легкостью и откровенно провозглашаютъ, что безъ русскаго языка для болгарина доступно лишь полуобразованіе. И это послѣ того, какъ правительство всѣми способами упраздняло и тѣснило русскій языкъ цѣлыхъ восемь лѣтъ, а нѣмецкому покровительствовало открыто. Однако, ни нѣмецкая рѣчь, ни нѣмецкая литература въ Болгаріи не привыклась, а русская—сколько ни задували ея огонекъ—„живъ, курилка“! Если курилка ухитрился выжить даже при такихъ тяжелыхъ испытаніяхъ, значитъ, онъ будетъ жить и впредь. значитъ, онъ на свое мѣсто и необходимо-нуженъ.

Стараніями министра народнаго просвѣщенія, поэта Константина Величкова (тоже западникъ по воспитанію), русскій языкъ возстановленъ въ гимназіяхъ на правахъ обязательнаго предмета. Мѣру эту собирался провести уже послѣ 18 мая 1894 г. тогдашній министръ Радославовъ, какъ известно, вовсе не другъ и не доброжелатель Россіи. Вотъ его мнѣніе относительно роли русскаго языка въ болгарскомъ просвѣщеніи, высказанное мнѣ лично Радославовымъ и подтвержденное его единомышленникомъ, министромъ Тончевымъ.

— Запрещеніе Стамбуловымъ преподаванія русскаго языка въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ—мѣра нелѣпая, выходка мелочной мстительности. Она очень вредно отзывалась на согласіи двухъ народовъ. Но я считаю ее положительно вредною и для самихъ болгаръ. Болгарину можно не говорить,

но нельзя не понимать и не читать порусски. Нашъ языкъ мало выработанъ, онъ рожденъ простымъ патріархальнымъ бытомъ и приоровленъ только къ его потребностямъ. Культура вносить къ намъ запросы новыхъ реченій, и мы ихъ не находимъ у себя. Тогда мы обращаемся къ родственному русскому языку, уже выработавшему ихъ въ своей лабораторіи,—и дѣло сдѣлано. Вы можете слышать кровныхъ болгаръ, не говорящихъ ни одного слова по-русски, однако, употребляющихъ въ разговорѣ „дѣйствительно“, „замѣчательно“ и т. д.—реченія русскія, какихъ въ болгарскомъ языкѣ нѣтъ вовсе. Скажу больше: по моему убѣжденію, очень мудрено перевести на болгарскій языкъ ученый иѣмецкій или французскій трудъ, если онъ раньше не переведенъ порусски. Русскій переводъ является въ данномъ случаѣ какъ бы толковымъ руководителемъ, поставщикомъ выражений и оборотовъ, разъяснителемъ, какъ надо перестроить фразу, чтобы въ ней сохранился точный смыслъ, и чтобы въ то же время отъ нея не отдавало и посторонней. Поэтому ученые труды Запада мы беремъ обыкновенно съ русскихъ переводовъ, или при ихъ посредствѣ.—развѣ что ихъ нѣтъ вовсе... Но это очень рѣдкое исключение.

Относительно болгарского высшаго учебнаго заведенія—Великой школы—Константипъ Величковъ провелъ еще болѣе широкіе руссофильскіе замыслы. Онъ сдѣлалъ предложенія читать въ этомъ болгарскомъ полу-университетѣ бывшимъ профессорамъ

Московского университета — известному социологу М. М. Ковалевскому и, историку Милюкову. М. М. Ковалевский, увлеченный работами въ итальянскихъ архивахъ, не пожелалъ принять приглашения, а г. Милюковъ принялъ и, по смерти знаменитаго Црагоманова, года два управлялъ Великою школою. Сейчасъ г. Милюковъ одинъ изъ лучшихъ нашихъ болгаровѣдовъ, особенно, во всемъ, что касается Македоніи. Предложеніе г. Величкова ставило русскимъ профессорамъ условія: два года они имѣли право читать порусски, а третій курсъ обязывались читать поболгарски. Вознагражденія предлагались весьма щедрыя: г. Милюкову—15,000 франковъ за курсъ, а г. Ковалевскому—до 30,000 франковъ. На нужды просвищенія болгаре не жалѣютъ денегъ.

По годамъ своимъ, я, разумѣется, не могу помнить сознательно и отчетливо русского общества конца шестидесятыхъ годовъ. Но такъ какъ я, съ самаго ранняго возраста (я выучился читать по пятому году), жилъ въ компаніи взрослыхъ больше, чѣмъ въ компаніи ребятишекъ (ужъ не знаю—къ счастію или несчастію для меня); такъ какъ мы не запрещали ничего читать, а читать я былъ великій охотникъ, и моими игрушками были книги, книги же эти были „Современникъ“, „Русское Слово“, „Отечественные Записки“, „Искра“; такъ какъ все мое отрочество прошло подъ шумные дебаты старшихъ, а первая юность—въ смутную пору кон-

ца семидесятыхъ и начала восьмидесятыхъ годовъ:— то я считаю себя вправѣ думать, что память моя рисуетъ мнѣ наши общественные кружки эпохи Александра II не особенно ошибочно. Эти кружки воскресли для меня, когда я вращался въ средѣ софійской интеллигенціи. То же материалистическое направленіе и, словно въ насыщку надъ самымъ принципомъ материализма, надъ индукціей,—апріорное, бездоказательно и безпрѣбѣдно перенятое пѣнье съ чужого голоса, съ первой встрѣчной, ходовой и модной книжки. То же отрицаніе исконныхъ авторитетовъ и работѣпное бутыканье въ ноги передъ авторитетами новыми, „своими“. Тотъ же полемический задоръ: кто новѣе сказалъ слово, поѣе прочиталъ книгу. Прибавить къ этому надо только поголовное политикачество, которое въ кружкахъ русского переходнаго времени было, въ большинствѣ случаевъ, лишь теоретическимъ, почему и размѣнялось оно впослѣдствіи на груши и секты скорѣе этическаго и экономического, чѣмъ государственного разряда: пошли народники, почвенники, нео-марксисты, толстовцы etc. Въ Болгаріи же, по конституціонному ея строю, политикачество отведена обширная практическая область; оно дробится на десятки партій и фракцій, и Софія, какъ центральный фокусъ, собираетъ въ себѣ всѣ его разнообразные лучи. За исключеніемъ этой отличительной черты, болгарская интеллигенція пережевываетъ зады, которые русское общество давно уже отжевало, пере-

варило и—что подходило къ его организму, всосало въ кровь, что не подходило—выбросило. Я живо помню, какъ въ одной софійской компаніи на меня вытаращили глаза, когда я безъ особаго благоговѣнія отзывался о дѣятельности Д. И. Писарева... Этотъ писатель, пользуется въ Софіи и Руцукъ такимъ же почетомъ, какъ въ русской провинціи семидесятыхъ годовъ. Насколько чужда болгарамъ идея чистаго, неприкладнаго художества, безъ утилитарной окраски, достаточно характеризуетъ то обстоятельство, что изъ русскихъ писателей·беллетристовъ въ Болгаріи популярны только тѣ, въ чьемъ творчествѣ слышны публицистической нотки. Чехова, напримѣръ, болгари сравнительно мало цѣнятъ—и очень удивились, когда—на просьбу перечислить выдающихся русскихъ литераторовъ послѣдняго десятилѣтія,—я назвалъ его въ первую голову. Одинъ старый болгарскій эмигрантъ русского воспитанія серьезно доказывалъ мнѣ, что „Анна Каренина“—плохой романъ, потому что:

— Покажите мнѣ его цѣль! въ чемъ его общественное значеніе?

— Ну, а „Война и Миръ“?

— А! это другое дѣло: тамъ—протестъ противъ войны, противъ дипломатіи, противъ всѣхъ этихъ шахматныхъ клѣточекъ государственности...

Толстой, какъ философъ, въ Болгаріи мало популярнъ. Страна, только что вышедшая изъ-подъ турецкаго ига, а потомъ пережившая восемь лѣтъ

стамбуловскихъ мытарствъ, не можетъ сочувствовать теоріи непротивленія злу: слишкомъ много зла принялъ болгарскій народъ на свою собственную шкуру, чтобы злу не противиться. Необычайно любимъ Глѣбъ Успенскій; мало сказать, что его читаютъ.—его знаютъ. И популярностью своею онъ обязанъ вовсе не „Дунайскимъ письмамъ“, такъ лестнымъ для болгаръ: напротивъ, надъ этимъ сочинениемъ болгары подтруниваютъ, видя въ немъ призрачную утопію, созданную фантазіей художника-публициста... А просто по темамъ, по манерѣ письма своего, Успенскій хорошо подошелъ къ жгучимъ вопросамъ и міровоззрѣнію, а, слѣдовательно, и ко вкусамъ молодого и еще формирующагося, но, по самой природѣ своей, практическаго народа болгарскаго,— народа-земледѣльца, скотовода и сельского хозяина, народа „на землѣ“.

Затѣмъ очень уважаютъ г. Засодимскаго. Писатель этотъ, для русской публики хотя и весьма почтенный, но все же затѣненный болѣе крупными беллетристическими дарованіями и оттѣсненный, такъ сказать, во вторую линію читательскихъ симпатій, въ Болгаріи пользуется рѣдкимъ почетомъ. Болгаре очень удивлялись, что я могъ сообщить имъ иѣкоторыя „черты изъ жизни“ Короленка, Чехова, Потапенка, Мамина-Сибиряка, Немировича-Данченка, Дѣдлова, но рѣшительно не былъ въ состояніи удовлетворить ихъ любопытство, что за человѣкъ г. Засодимскій.

Редакторъ сельской газеты, выходящей въ с. Мусинѣ, прислалъ мнѣ изданія мѣстной народной читальни „Новъ Животъ“—иѣчто въ родѣ нашихъ книжекъ покойной издательской для народа фирмы „Посредникъ“. Называется болгарскій „Посредникъ“—„Евтена Библіотека“. Изъ русской литературы вошли въ составъ этого изданія: „Упустишь огонь—не потушишь“ Льва Толстого, „Махмудкыны дѣти“ Вас. Ив. Немировича-Данченка, „Четыре дня на полѣ сраженія“ В. М. Гаршина, „Повѣсть о хлѣбѣ“ и „Ивановъ садъ“ П. В. Засодимскаго. Болгарскіе литературные журналы всегда переполнены переводами съ русскаго. Я не принадлежу къ числу сторонниковъ литературной конвенціи, потому что она гораздо менѣе выгодна русскимъ писателямъ, чѣмъ европейскимъ. Но болгарскіе переводы заставили меня задуматься надъ этимъ вопросомъ: по легкости работы, переводъ русскаго произведенія на болгарскій языкъ—почти перепечатка. Болгаріи, если не спохватятся во время русскіе заправили книжнаго рынка, весьма легко сыграть въ отношеніи русской печати ту же безнаказанно-вредную роль дешеваго конкурента (для всѣхъ странъ Балканскаго полуострова и для Галиціи, гдѣ принять нашъ алфавитъ), какую, въ ущербъ французской печати, играла въ свое время Бельгія. На Востокѣ тоже усердно plagiatируютъ русскихъ авторовъ, особенно беллетристовъ. На какой-то русской станціи я купилъ номеръ „Петербургской Газеты“, съ буль-

варнымъ романомъ „Богатырь Кирило“ въ фельетонѣ. Пріѣхалъ въ Константинополь, пробѣгаю мѣстную греческую газету: „Богатырь Кирило“ тутъ какъ тутъ и безъ всякихъ ссылокъ на первоначальный источникъ.

Въ болгарскомъ театрѣ происходитъ борьба, тоже напоминающая нѣчто изъ исторіи русской сцены въ эпоху „перелома“. Профессиональныхъ артистовъ въ Софіи еще нѣть—они только вырабатываются изъ любителей, которые даютъ спектакли своей хорошо сыгравшейся труппы въ красивой, хотя немножко коробкообразной Славянской Бесѣдѣ. Управляетъ этимъ дѣломъ г. Кинели, воспитанникъ драматическихъ курсовъ въ Петербургѣ. Странна судьба этого талантливаго и симпатичнаго человѣка. Въ восьмидесятыхъ годахъ его выслали изъ Петербурга административнымъ порядкомъ, какъ политически неблагонадежнаго, а въ Софіи онъ состоялъ подъ надзоромъ стамбуловской полиціи, какъ неисправимый руссофильтъ. Началась софійская сцена подъ вліяніемъ не русскихъ, но западныхъ образцовъ. Отвращеніе къ нѣмецкому началу не позволило болгарамъ подпасть подъ вліяніе нѣмецкой сцены; зато болгары, кто умѣетъ, французы не менѣе грибоѣдовской Москвы, и нѣть на ихъ галломанію никакого обличителя-Чацкаго. Примѣръ даетъ дворъ. Извѣстно, что самъ князь Фердинандъ настойчиво разыгрываетъ изъ себя француза, хотя онъ и австрійскій принцъ. Показаться французомъ

для интелигентнаго болгарина—высшее удовольствие. Это франкофильство я, впрочемъ, наблюдалъ во всѣхъ восточныхъ странахъ, не исключая нашихъ Грузіи и Арменіи. Покойный поэтъ Симборскій, хорошо знавшій Закавказье, обмолвился по этому поводу въ одной эпиграммѣ очень мѣткимъ двустишиемъ:

Осеминарепный франпузъ
Есть о francaуженныи мингрелецъ!

Англійское вліяніе можетъ быть сильнѣе французского въ восточной политикѣ, но идеаль цивилизаціи для восточнаго человѣка, все-таки,—у французовъ, а не у англичанъ. Болгары, получившіе воспитаніе въ Парижѣ, въ Ліонѣ, Монпелье, привезли съ собою на родину вкусы къ Сардину, Дюма-сыну. Подъ покровительствомъ генія переводовъ съ французскаго, и начала свое бытіе болгарская сцена. Но о francaуженныхъ любителей театра было, все-таки, слишкомъ мало, чтобы создать публику. А патріархальныи болгаринъ „съ мѣста“ не хотѣлъ знать западнаго репертуара: не по кости, не по предубѣждению, а просто потому, что въ репертуарѣ этомъ ровно ничего не понималъ. Въ самомъ дѣлѣ, возьмите хоть „Даму съ камеліями“. Возможно ли сочувствіе къ Маргаритѣ Готье, возможенъ ли интересъ къ ея судьбамъ, въ обществѣ, почти не знающемъ продажныхъ женщинъ? Рущукскій военный врачъ г. Манойловъ указалъ мнѣ

поразительный и весьма лестный для болгарской женщины фактъ, что при переписи софійскихъ приститутокъ между ними оказалось всего три болгарского происхожденія. Остальной контингентъ—сербки, румынки, француженки, нѣмки, венгерки, польки изъ Австріи и, главнымъ образомъ, еврейки. Сентиментально-адюльтерная драма должна была внушать болгарину отвращеніе, а не симпатію. Такъ и было. Г. Кинели пришла счастливая идея: за неохотою софійцевъ къ западнымъ драматургамъ и за малою плодовитостью немногочисленныхъ драматурговъ отечественныхъ, онъ—съ большими затрудненіями, изъ-подъ Стамбуловскаго запрета,—ввелъ въ Славянскую Бесѣду Островскаго. „Лучъ свѣта въ темномъ царствѣ“ засвѣтилъ и для Болгаріи. Нашъ драматургъ, какъ нельзя лучше, угодилъ не въ бровь, а прямо въ глазъ болгарской буржуазіи, которая, вмѣсть съ безспорными патріархально-семейными добродѣтелями, питаетъ въ нѣдрахъ своихъ домовъ и еще болѣе безспорные и патріархальные пороки. Все, что Островскій писалъ когда-то для просвѣщенія Замоскворѣчья и медвѣжьихъ угловъ вродѣ города Калинова, очень хорошо пригодилось теперь и для Софіи, Тырнова, Рущука... А многое специфически-восточное можно бы и даже слѣдовало бы прибавить къ печальнымъ картикамъ нашего драматурга. „Бѣдность не порокъ“ такъ понравилась, что г. Кинели ставилъ ее семь разъ подрядъ, при неизмѣнно полныхъ сборахъ.

Это уже второй разъ, что я наблюдаю торжество Островского въ иноплеменномъ народѣ, стоящемъ на переходѣ отъ варварства къ культурѣ: совершенно такой же успѣхъ имѣютъ пьесы Островского, созданныя въ первый періодъ его творчества, на армянской и грузинской сценѣ. А армянскіе драматурги идутъ въ своихъ работахъ прямо по слѣдамъ Островского, какъ его убѣжденные ученики и подражатели: таковъ Сундукіанцъ. И это, несмотря на то, что, повторяю, во главѣ армянской и грузинской интеллигентіи, какъ и во главѣ болгарской, стоять

Осемипаренный французъ
И оѣрапуженный магрелецъ...

То-есть—въ литературныхъ и театральныхъ вкусахъ—немножко Репетиловы: „водевиль есть вещь, а прочее все гиль!“, немножко—бояре изъ „Венецийского истукана“: „о, Эуропа, Эуропа!“... И вотъ водевиль изъ Эуроны, какъ у насъ въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ, схватился воевать съ бытовою и обличительной комедіею, и она его снова на голову разбила. Г. Кинели побѣда эта, однако обошлась дешево лишь счастливымъ случаемъ. Занесенный въ списокъ пропагандистовъ руссофильства, онъ уже былъ предназначенъ Стамбуловымъ къ „интернированию“, то-есть, по нашему, къ административной высылкѣ изъ Софиі—„куда Макаръ телять не гонятъ“, и къ водворенію въ какой-нибудь горной деревушкѣ. Но—знать, онъ хорошо молился Богу:

подоспѣло 18-ое мая, и паденіе диктатора спасло горемычнаго иниціатора болгарской національной сцены отъ тяжелаго изгнанія. Теперь дѣло г. Кинели, поддержанное дирекціею императорскихъ петербургскихъ театровъ, разрослось, процвѣло и приняло болѣе устойчивыя и профессіональныя формы.

Такъ какъ мнѣ пришлось въ Софіи вращаться по преимуществу въ политическихъ кружкахъ, то много и близко наблюдать болгарскую семью и женщину мнѣ не случалось. Отдѣльный же десятокъ другой наблюдений не даетъ мнѣ возможности выдавать свои выводы за общіе, хотя они—въ пользу болгарокъ, вопреки даже презрительному мнѣнію о нихъ софійскихъ дамъ-иностраницъ. Послѣднихъ въ Софіи очень много. Частью это—жены и родственницы представителей дипломатического корпуса, частью—болгаръ, поженившихся въ свои учебные годы въ Европѣ или въ Россіи. Русскихъ, замужемъ за болгарами, довольно много; послѣ нихъ, самый высокій процентъ женитьбъ на чужестранкахъ падаетъ на француженокъ и вѣнокъ. Большое диво—болгаринъ, женатый на еврейкѣ, и, кажется, диво не бывалое—болгарка замужемъ за евреемъ. Евреевъ здѣсь не любятъ.

— Отчего вы не женаты до сихъ поръ?—спрашивалъ я болгарина—богатаго, красиваго холостяка, уже лѣть подъ сорокъ, парижанина по воспитанію, привычкамъ, образу жизни.

— Оттого, что не на комъ жениться.
 — Вотъ тебѣ разъ?!
 — Свои не нравятся: скучно съ ними, дикарки. А везти сюда въ Софію француженку или русскую... за что же я ее, бѣдную, запру въ эту тюрьму? Надо очень любить мужа, чтобы послѣдовать за нимъ въ нашъ медвѣжій уголь и выдерживать нашъ угрюмый бытъ... Поживите среди болгаръ,—вы убѣдитесь, что тургеневская Елена и не подозрѣвала, на какую унылую жизнь обрекала она себя, слѣдуя за Инсаровыми. Наша женщина и европейская живутъ въ двухъ разныхъ мірахъ, между ними нѣтъ ничего общаго, ни симпатій, ни интересовъ.

Дѣйствительно, болгарки по крови и болгарки по замужеству держатся въ Софіи отдельными кружками и съ замѣтнымъ оттѣнкомъ взаимной антипатіи. Въ то время, какъ кружокъ болгарокъ по замужеству объединилъ женщинъ самаго разнообразнаго происхожденія—русскихъ, француженокъ, иѣмокъ, англичанокъ, кровная болгарка въ немъ—рѣдкость... Развѣ ужъ какая-нибудь европеизированная и эманципированная, на которую свои махнули рукою, какъ на отщепенку.

Болгарскія женщины показались мнѣ и впрямь диковатыми и простоватыми. Отъ природы онѣ, вѣроятно, умны, потому что болгаре вообще умны, хотя и не быстры мыслю. Онѣ очень скромны, молчаливы, отличныя хозяйки, отличныя жены, отличныя матери. Самая эманципированная бол-

гарка не позволитъ себѣ врывасться въ мужской разговоръ, мѣшаться въ мужскія дѣла и предпріятія: болгаринъ собираетъ митинги и устраиваетъ „предвраты“, а болгарка „сидить дома и прядеть шерсть“. Въ послѣднее время значительное количество болгарокъ устремилось на Западъ, на поклонъ европейской наукѣ. Какъ отзовется это движеніе на ихъ, психикѣ—не знаю, но, сколько могу судить, оно, обѣщаю Болгаріи много свѣтлыхъ головъ и полезныхъ труженицъ, отнюдь не наводнить ее Авдотьями Кукшиными. Болгарка крѣпка характеромъ и любить свой домашній очагъ,—поэтому, что надо ей, она отъ эмансипаціи возьметъ, а къ своимъ исконнымъ устоямъ все-таки возвратится. Нравственность болгарскихъ женщинъ безукоризненна—даже въ Софіи, самомъ распущенномъ городѣ княжества. Женщина съ адюльтеромъ — отверженное существо: на нее подняты всѣ камни. Скандалъный романъ съ женою военнаго ministra Савова, громко оглашенный на всю Болгарію, былъ одною изъ ближайшихъ причинъ стамбуловскаго паденія: похожденія диктатора съ этою психопаткою-нимфоманкою, пустившеюся впослѣдствіи во всѣ тяжкія, оказались слишкомъ не въ духѣ мѣстнаго семейнаго строя.

— При туркахъ,—сострилъ одинъ константинопольскій эмигрантъ-болгаринъ,—болгарская женщина пользовалась тою же свободою, какъ и теперь, за исключеніемъ свободы быть вѣрною своему мужу.

Турокъ прогнали—явились и эта свобода. Ну, бабы ею, какъ новостью, и наслаждаются, усердствуютъ: всѣ поголовно вѣрны. А Стамбуловъ вздумалъ на ихъ свободу посягнуть... Вотъ бабы и взбѣсились, и сѣѣли его.

Во главѣ дамъ антистамбулистокъ стояла сама княгиня Марія-Луиза. Отвращеніе ея къ „тиранину и блуднику“ доходило до того, что всякий разъ, какъ Стамбуловъ пріѣзжалъ во дворецъ, она немедленно уѣзжала на прогулку, чтобы не оставаться подъ одною кровлею съ ненавистнымъ министромъ.

Говорятъ, будто „негово царско височество“ князь Фердинандъ, на первыхъ порахъ, съ легкой руки и благословенія Стамбулова, пробовалъ ввести въ своеи дворцы, по холостому своему положенію, версальскіе нравы эпохи регентства. Но болгаре оказались ужасно тупы и невоспріимчивы по этой части, такъ что князю оставалось только поскорѣе найти невѣсту и жениться, ибо званіе Junggeselle въ Софіи не представляеть рѣшительно ничего привлекательнаго. По крайней мѣрѣ, для человѣка съ избалованнымъ вкусомъ и рыцарскими взглядами на женщину, неспособнаго жуировать *à la Стамбуловъ*—по разбойничьи.

Къ сожалѣнію, въ жертву болгарскому пуританизму приносятся не одни Стамбуловы. Въ февральскіе дни я спросилъ кого-то изъ рущукцевъ, пріѣхавшихъ въ Софію повеселиться на праздникахъ

примиренія, о здоровыи моего знакомаго, адвоката Петковича, послѣ 18-го мая 1894 года исправлявшаго должность губернатора Рущука.

— Какъ? развѣ вы не слыхали? Онъ умеръ...

— Быть не можетъ? какъ? когда?

— Романическая исторія. Онъ полюбилъ одну молодую вдову, болгарку, съ европейскимъ образованіемъ. Хотѣлъ жениться. Семья возстала: ни за что не пустимъ ее въ домъ! Онъ сошелся съ нею гражданскимъ бракомъ. Тогда весь городъ сталъ показывать на нихъ пальцами... Ну, и затравили бѣдныхъ! Петковичъ застрѣлилъ свою любовницу и застрѣлился самъ...

Бѣдные рущукскіе Ромео и Джуліетта! и, въ особенности, бѣдный Ромео! Петковичъ былъ личностью, высоко выдающею надъ уровнемъ болгарского общества. Кандидатъ правъ Харьковскаго университета, адвокатъ по профессіи, онъ уклонялся отъ офиціальной политики и согласился, по просьбѣ правительства 18-го мая, лишь временно взяться за управлениe Рущукскимъ округомъ. Но именно его авторитету, энергіи и умѣлой пропагандѣ правительство было обязано легкостью, съ какою оно восторжествовало надъ стамбуловщиною въ Рущукѣ. А Рущукъ—камертонъ для всего болгарского Дуная. Да и въ Софіи прислушиваются къ его голосу.

Бѣдный Петковичъ! его ждала видная будущность! Какъ живой, встаетъ онъ сейчасъ въ моей

памяти: красавецъ, лѣтъ 34—36, съ лихорадочнымъ румянцемъ на блѣдномъ лицѣ и возбужденными глазами убѣжденаго агитатора. Онъ слылъ однимъ изъ лучшихъ ораторовъ въ Болгаріи, а это не мало. Болгары—природные „мастера элоквенціи“, да еще школятъ ихъ и закаляютъ по этой части чуть не ежечасные митинги партій. Врядъ ли найдутся въ Россіи ораторы, равные по энергіи, по огневому „нутру“ слова, покойному Стамбулову, или по изяществу и неотразимой логической убѣдительности рѣчей—г. Стоилову. А о Петковичѣ я слыхалъ отзывы, будто онъ говорилъ не хуже и того, и другого. И вотъ—вполнѣ сложившійся ораторъ и общественный дѣятель, уважаемый всею страною человѣкъ погибаетъ жертвою предразсудковъ и семейныхъ дрязгъ; погибаетъ въ концѣ XIX-го вѣка совершенно по тому же рецепту, какъ погибли Иво и Мара въ народной болгарской легендѣ, сочиненной еще до турецкаго полона; погибаетъ пассивнымъ протестантомъ противъ гнета и насилия деспотически-патріархальной семьи.

Въ Болгаріи до сихъ поръ не вышелся окончательно старинный обычай брака по родительскому обѣщанію. Такъ какъ въ этой демократической странѣ интелигенція не успѣла еще выдѣлиться въ особое сословіе, оторванное отъ народныхъ корней, то мнѣ случалось встрѣчать семьи, очень странныя на нашъ взглядъ по своему внутреннему складу. Уѣдетъ молодой человѣкъ изъ Сливна, Габрова или

Разграда въ Парижъ или Лейпцигъ, учится тамъ, развивается, возвращается наконецъ совсѣмъ европейцемъ и—женится на дѣвшкѣ, обреченной ему въ невѣсты чуть не съ шести лѣтъ, не всегда даже грамотной, живущей исключительно интересами своего тѣснаго уголка, ничего за предѣлами этого уголка не видавшей, да и не желающей видѣть. У насъ на Руси такие браки случаются, но ихъ рассматриваютъ, какъ рѣдкое и прискорбное исключение. Да такимъ они являются и на самомъ дѣлѣ. Говоря о союзахъ, неравныхъ по интеллектуальному цензу брачущихся, кто-то изъ русскихъ публицистовъ, кажется, Михайловскій, справедливо предлагалъ читателямъ такой примѣръ: „вообразите, что студентъ Хорьковъ изъ „Бѣдной Невѣсты“ увлекся Липочкою Большовою изъ „Свои люди—сочтемся“, то-есть, отуманился ея пышнымъ тѣломъ, и потомъ счелъ долгомъ честнаго человѣка жениться на ней. Что можетъ выйти изъ такой четы черезъ годъ послѣ брака, кромѣ пары озвѣренныхъ, ненавидящихъ другъ друга людей, навѣкъ запертыхъ въ одну клѣтку: кто, моль, кого скорѣе заѣсть“. Въ Болгаріи это иначе: Хорьковы то и дѣло женятся на Липочкиахъ, и ничего, чувствуютъ себя весьма удобно и покойно. У насъ изъ такого брака вышла бы „пучина“, а у болгаръ получается чуть ли не идиллія. Высокоразвитый мужъ и полуудикарка жена отлично уживаются и не ъдятъ другъ друга по ѿдомъ, какъ можно бы ожидать. Единственное объ-

яснење, какое я могу предположить въ данномъ случаѣ, это—что болгары и сами заразились отъ турокъ восточнымъ взглядомъ на женщину, и ее этимъ взглядомъ заразили. Они отмежевали своимъ женамъ опредѣленную область и строго блю-
дуть ея границы. Мнѣ—мышленіе, дѣятельность, политика, тебѣ—кухня, постель, домъ, дѣти. Я не мѣшаюсь въ твое, ты не мѣшайся въ мое. Такимъ способомъ два элемента, столь же разнородныхъ, казалось бы, какъ сода и кислота, ухитряются про-
житъ лѣтъ пятнадцать въ самомъ мирномъ и сча-
стливомъ супружествѣ, наплодить кучу дѣтей и воспитать ихъ. Да, надо полагать, болгарки очень удобныя и спокойныя жены, и буйнымъ, разочаро-
ваннымъ Алеко, мечтающимъ покинуть неволю душ-
ныхъ городовъ для успокоенія на лонѣ природы, слѣдовало бы влюбляться въ осѣдлыхъ болгарокъ,
а отнюдь не въ легкомыслению кочующихъ Зем-
фиръ. Одинъ мой пріятель, болгаринъ петер-
бургскаго воспитанія, относился къ своимъ женщи-
намъ съ нѣкоторымъ презрѣніемъ: „самки!“ Врядъ
ли онъ былъ правъ. Вотъ именно самочьяго-то, на-
зойливо и первенствующе чувственнааго и нѣть ни-
чего въ болгаркѣ. А просто есть въ ней смиренное
искусство принять на себя чернорабочую роль, чтобы
мужчинѣ было свободнѣе и спокойнѣе дѣлать свое
дѣло добытчика въ домѣ и работника на общество. Есть
скромное геройство поставить себя въ семьѣ треть-
имъ номеромъ—послѣ мужа и дѣтей—и въ этомъ

видѣть цѣль своего существованія... „Zweikindersystem“ еще не проникла въ Болгарію: чѣмъ больше дѣтей въ семье, тѣмъ лучше. Размножать юное поколѣніе здѣсь не лѣнятся, и болгарскія жены могутъ, повидимому, повторить о своихъ супружескихъ отношеніяхъ остроту, сказанную одною замужнею пѣвицею рецензенту—великому Донъ-Жуану:

— У васъ совсѣмъ нѣть огня въ любовныхъ сценахъ,—упрекнуль фатъ.

— Нѣть, для домашняго обихода достаточно,— добродушно отвѣтила пѣвица,— а вотъ распивочно и на выносъ, ваша правда, не хватаетъ...

Болгарки, вопреки распространенному мнѣнію, вовсе не красавицы; конечно, попадаются между ними очень красивыя, но рѣдко, особенно въ Софії. Гдѣ больше вліяла турецкая кровь, тамъ больше красоты. Но онѣ такъ свѣжки, такъ дышатъ здоровьемъ и силою, у нихъ такие хорошия, глубокія, скромные и честные глаза, что все это, пожалуй, вполнѣ замѣняетъ болгаркѣ красоту. Въ національномъ костюмѣ болгарка выигрываетъ: европейской къ ней ужасно нейдетъ, дѣлаетъ ее толстой, нескладной тѣломъ и неграціозной движеніями. Болгарка, одѣтая по модѣ, подведена къ одному знаменателю— что въ плечахъ, что въ талии, что въ бедрахъ... Притомъ безвкусница въ цвѣтахъ и фасонахъ платья самая невозможная. Женщины народа поэтому кажутся всѣ сплошь красивѣе женщинъ интеллигентіи, тѣмъ болѣе, что костюмъ ихъ—изъ грубаго

домотканного полотна, съ пестрыми вышивками по бѣлымъ рубахамъ,—чрезвычайно ярокъ и живописенъ.

Хотя въ болгарскомъ обществѣ женщина не играетъ замѣтной роли,—впрочемъ, Шопенгауэръ сказалъ бы, что именно поэтому,—въ компаний болгарскихъ интеллигентовъ время идетъ довольно занимательно. Потугинъ говорилъ: „сойдется десять англичанъ, они тотчасъ заговорятъ о подводномъ телеграфѣ, о налогѣ на бумагу, о способѣ выдѣлывать крысы шкуры, то-есть о чемъ-нибудь положительномъ, опредѣленномъ; сойдется десять нѣмцевъ—ну, тутъ, разумѣется, Шлезвигъ-Гольштейнъ и единство Германіи явится на сцену; десять французовъ сойдется, бесѣда неизбѣжно коснется клубнички, какъ они тамъ ни виляй; а сойдется десять русскихъ, мгновенно возникаетъ вопросъ,—вопросъ о значеніи, о будущности Россіи, да въ такихъ общихъ чертахъ, отъ яицъ Леды, бездоказательно, безвыходно. Жуютъ, жуютъ они этотъ несчастный вопросъ, словно дѣти кусокъ гумиластика,—ни соку, ни толку“. Съ тѣхъ поръ, какъ были написаны эти строки, утекло много воды, и, наблюдая по обязанности фельетониста русское столичное общество, я смѣю утверждать, что оно вполнѣ „исправилось“ отъ грѣха толковать о будущности Россіи и, въ смыслѣ клубнично-разговорныхъ темъ, заключило тѣснѣйшій alliance franco-russe. Въ настоящее время потугинское опредѣление разговоровъ гораздо

больше подходитъ къ софійцамъ, чѣмъ къ москви-чамъ или петербуржцамъ. Софіецъ — политианъ-разговорщикъ, чуть не отъ колыбели до сѣдыхъ во-лось. И именно софіецъ — больше всякаго другого болгарины, потому что вопросы политики для со-фійца вопросы не только шкуры общественной, но и своей собственной. Въ Рущукѣ, въ Пловдивѣ надъ софіицами труяты:

— Какія тамъ у нихъ политическія партії! Сколько ихъ ни будь, всѣ солются въ одной — въ „партіи первого числа“, — то-есть: когда чиновни-камъ выдаютъ жалованье.

Дѣйствительно, если не считать военныхъ, девять-десятыхъ софійской интеллигенціи — чиновники, ко-торые, естественно, всегда лично заинтересованы въ „превратахъ“: однимъ хочется новаго порядка и новыхъ людей, потому что хочется кушать, дру-гимъ — по той же причинѣ — надо слѣдить, чтобы остался старый порядокъ и старые люди. Чиновни-чество переливается въ Болгаріи, какъ камешки въ калейдоскопѣ, съ каждымъ наклономъ въ пользу того или другого политического дѣятеля. Наше га-зетное выраженіе „министерство пало“ въ Болгаріи распространено на всѣ слои бюрократіи.

— Я паль вмѣстѣ съ Каравеловымъ, — торже-ственно заявилъ мнѣ, когда я ѿхалъ въ Софію, мой попутчикъ въ поэтическомъ путешествіи по Ломъ-Паланскому шоссе, черезъ Клиссурское ущелье и Петроханскій переваль, начальникъ телеграфнаго

полустанка въ Систовѣ. Съ непривычки къ пышному „паль“, я едва не разсмѣялся, а потомъ въ Софії оно слышалось такъ часто, что уже не вызывало даже и улыбки. Такимъ образомъ, болгарскій дѣятель, устремляясь въ служебную карьеру, долженъ прежде всего приготовиться, чтобы—по польскому выраженію—быть и на возу, и подъ возомъ. Начальникъ софійскаго телеграфо-пощенскаго отдѣла, мой пріятель И. П. Стояновичъ, по уличной софійской кличкѣ „аджиле“, т. е. юркій, четыре раза овладѣвалъ своимъ важнымъ постомъ и четыре раза слеталъ съ него. Послѣ 18-го мая въ 1894 году сѣль въ пятый и, къ собственному удивленію, сидѣть уже седьмой годъ. Не помню, послѣ какого именно „превратса“ Стамбуловъ отправилъ Стояновича прямо изъ почтъ-директорскаго кабинета на родину въ Сливно, пѣшкомъ, подъ охраною верхового конвойнаго. Хорошо еще, что послѣдній сжалился надъ бывшимъ начальствомъ и уступилъ Стояновичу сѣдло, а самъ брелъ пѣшкомъ.

— Отчего же вы не ускакали?—спросилъ я Стояновича, когда узналъ этотъ анекдотъ.

— Позвольте васъ спросить: куда? У насъ, если человѣкъ въ несчастіи, то—куда ни кинь, вездѣ клинъ. Ну, хорошо: не пошелъ бы въ Сливно,—убѣжалъ бы, скажемъ, въ Габрово... Вы думаете: въ Габровѣ веселѣе, чѣмъ въ Сливнѣ?

Телеграфное и почтовое вѣдомство, впрочемъ, больше, чѣмъ всякое другое, подвержено перемѣ-

иамъ. Практика переворотовъ доказала, что побѣда остается за той стороной, которая успѣла обезпечить себѣ телеграфную проволоку. Измѣна телеграфистовъ погубила Стамбулова. Подавъ въ отставку, диктаторъ разослалъ телеграммы своимъ префектамъ въ провинціи, чтобы они обычною палочкою системою сбили митинги, вотиращіе петицію къ князю—оставить Стамбулова, „отца отечества“, на мѣстѣ, такъ какъ въ немъ одномъ спасеніе Болгаріи. Такимъ образомъ, Стамбуловъ разсчитывалъ не только удержать за собою власть, но и еще разъ пугнуть Фердинанда силою минимаго общественного сочувствія къ стамбуловскому режиму. Но онъ не сообразилъ одного, что его ненавидятъ даже его собственные ставленники. Измѣною телеграфа, вѣсть, что Стамбуловъ подалъ въ отставку, всюду попадала къ оппозиціонерамъ раньше, чѣмъ къ властямъ. Варненскіе агитаторы, какъ только пронесся слухъ о томъ, что „тиранъ и блудникъ“ подалъ въ отставку, командировали эмиссаровъ въ Бургасъ, чтобы овладѣть здѣшнею телеграфною станціей, а, слѣдовательно, и всѣми проходящими черезъ нее депешами. Сообщеніе между Стамбуловымъ и стамбулистами было такимъ образомъ пресѣчено, а народная партія неутомимо заиграла по клавишамъ всѣхъ аппаратовъ. Дѣйствительно, собрались митинги—только они вотировали не сочувствіе Стамбулову, а благодарность правительству за удаленіе его. Контрь-митинги провалились; власти прятались

отъ бущующаго народа. Варненскій управитель, получивъ отъ Стамбулова многозначительную, но опоздавшую телеграмму: „я подалъ въ отставку, но еще управляю министерствомъ“,—послалъ было въ лагерь за войсками. Градоначальникъ, не зная настроения командаира войскъ, на всякий случай, со спокойной совѣстью, перехватилъ телеграмму.

— Что же вы не унимаете народъ? — кричалъ управитель,—это ваша обязанность укрощать буяновъ и крикуновъ.

— Не угодно ли вамъ взглянуть на толпу?— возразилъ градоначальникъ:—тутъ уже не буяны и крикуны, а вся Варна. Я не могу идти противъ общей воли—хотя бы уже потому, что вовсе не желаю, чтобы меня и стражаковъ изорвали въ куски.

Опираясь на градъ восторженныхъ телеграммъ изъ провинціи, княгиня Марія-Луиза указала князю Фердинанду, что держаться за Стамбулова и невозможнo, и не стоить; что онъ крѣпокъ вовсе не Стамбуловымъ, какъ убѣждалъ князя послѣдній, а народомъ, который, будучи избавленъ отъ Стамбулова, многое проститъ за это и вѣчно будетъ благодаренъ своему государю; что отставка Стамбулова—громадный шагъ къ власти самостоятельной и популярной. Фердинандъ, можетъ быть, вспомнилъ въ этотъ моментъ, какъ однажды, въ пылу спора, Стамбуловъ, вмѣсто возраженія, молча, но выразительно указалъ ему на Ломъ-Паланкское шоссе, по которому когда-то увезли Баттенберга; можетъ быть, вспомнилъ и

то, какъ Стамбуловъ, въ новый годъ, въ присутствіи всего двора, заставилъ князя первымъ подойти къ своему министру съ поклономъ и поздравленіемъ... Тѣмъ временемъ Софія волновалась. Студенты Великой школы возбуждали и вели за собою народъ. Войска не знали, что дѣлать, но были успокоены предписаніемъ военнаго министра—не трогаться съ мѣста, не вмѣшиваться въ народное движение; если же народъ будутъ тѣснить и обижать, то стать за народъ, а не противъ него. Образовалось новое министерство, опять таки телеграммами установилось новое управление,—и такъ счастливо, что, безъ всякихъ кровавыхъ драмъ и беспорядковъ, все вошло въ колею.

Безпрестанныя перетасовки администраціи заставляютъ Болгарію очень дорожить людьми съ специальнымъ образованіемъ, особенно, юридическимъ,—тѣмъ болѣе, что и вообще-то людей съ образованіемъ въ Болгаріи—горстка, по процентному отношенію къ народной массѣ. Превратовъ такъ много, что на „чистые перемѣны“ людей не хватаетъ. Это ведеть правительство съ одной стороны къ самымъ страннымъ политическимъ компромиссамъ, а съ другой стороны — заставляетъ создавать невѣроятно быстрыя карьеры. Ко мнѣ, въ отель „Кобургъ“, является софійскій пріятель Божиловъ.

— Прощай, Александръ, завтра ѳду въ Рущукъ.

— Зачѣмъ?

— Я назначенъ туда прокуроромъ аппеляціоннаго суда.

— Ты? Да сколько тебѣ лѣтъ?

— Двадцать семь...

Въ двадцать семь лѣтъ — прокуроръ судебной палаты, и гдѣ еще! — во второмъ по значенію городѣ государства.

Прокуроръ софійскаго окружнаго суда г. Поли-
кушевъ — едва кончилъ курсъ въ московскомъ уни-
верситетѣ, какъ получилъ свое назначеніе и на
первыхъ порахъ очень имъ мучился, такъ какъ въ
Россіи отвыкъ отъ болгарской рѣчи.

Здѣсь все — карикатуры на Цезарей: „въ мои лѣта
Александръ Македонскій покорилъ міръ, а я что
сдѣлалъ?“ И всѣ спѣшатъ „дѣлать“. Стамбуловъ
успѣлъ побывать и въ регентахъ, и въ министрахъ,
и оставилъ позади себя обширную адвокатскую
карьеру, а ему было всего сорокъ два года, когда
его зарѣзали. Онъ товарищъ по семинаріи писателю
И. Н. Потапенко. Петровъ — поручикомъ управлялъ
штабомъ дѣйствующей арміи подъ Сливницею. Когда
я съ нимъ познакомился, то не мало удивился:

— Какъ? этотъ-то благообразный „молодой человѣкъ пріятной наружности“ и есть знаменитый министръ, божокъ арміи, „рущукскій убійца“, и — истинный виновникъ переворота 18-го мая?!

Молодая страна и молодые люди ею орудуютъ!

Еще Лавелэ указывалъ на огромный вредъ, приносимый Болгаріи частыми перемѣнами въ составѣ администраціи. Онъ сравнивалъ Болгарію въ этомъ отношеніи съ Соединенными Штатами. Относитель-

ное равнодушіе стамбуловской администрациі къ паденію своего шефа объяснялось отчасти именно тѣмъ, что новое правительство — сверхъ обычая — не повыгнало со службы всѣхъ стамбулистовъ прямо послѣ переворота, но, оставивъ ихъ временно на своихъ мѣстахъ, принялось увольнять ихъ и отдавать подъ судъ понемногу, исподволь. По этому поводу у меня былъ большой разговоръ съ Радославовымъ. Онъ тогда управлялъ министерствомъ юстиціи. Онъ говорилъ:

— Что же дѣлать? Каждый, становясь у власти, естественно старается приблизить къ ней людей, ему извѣстныхъ — не только изъ желанія порадѣть родному человѣчку, но и потому, что за людей своей партіи онъ можетъ и долженъ быть отвѣтственъ, можетъ поручиться за нихъ предъ верховною властью, имѣеть шансы положиться на нихъ. Страна такъ еще молода, болгарская интеллигенція такъ еще относительно малочисленна, что у насъ почти не существуетъ должностей, вовсе лишенныхъ политического значенія. Не говорю объ администраціи, — простой сельскій учитель можетъ овладѣть умами своего округа и, вертя имъ, ставить его за или противъ правительства. Поэтому не охуждайте слишкомъ, вмѣстѣ съ Лавелѣ, нашихъ служебныхъ отставокъ и перемѣщеній. Мы сознаемъ ихъ вредъ, но сознаемъ и ихъ печальную необходимость. Наше министерство, становясь у власти, приняло, однако, все мѣры къ тому, чтобы перемѣщенія и отставки

произошли въ какъ можно болѣе ограниченномъ количествѣ. Вѣдь надо помнить, что огульныя увольненія, какъ они иногда практиковались,— зерно будущей партіи того, съ кѣмъ вмѣстѣ пали уволненные.

Относительно Стамбулова эти слова оправдались вполнѣ: современная партія стамбулистовъ состоитъ сплошь изъ служилыхъ людей, павшихъ вмѣстѣ съ покойнымъ диктаторомъ и отставленныхъ новымъ правительствомъ отъ выгодныхъ „кормленій“ и теплыхъ мѣстечекъ.

Итакъ, разговоръ софійского мужскаго общества по преимуществу—политической, общественный или, рѣже, какъ бы для отдыха, литературный. Болгары все время, какъ будто сами экзаменуются и васъ экзаменуютъ: что молъ, ты знаешь? и не знаешь ли ты чего-нибудь такого, что намъ неизвѣстно, а извѣстно быть должно? Тема весьма рѣдкая—излюбленныя русской интелигенцію, мистической и фантастической бѣсѣды. Болгары прозаичны, и будущее за предѣлами земли ихъ мало занимаетъ. У нихъ на землѣ много дѣла. Они и религіозны-то больше формально, чѣмъ по существу; этого не отрицалъ въ бесѣдѣ со мною самъ митрополитъ Климентъ. А мистики и фантастики болгаринъ вовсе не хочетъ знать. Онъ материалистъ по натурѣ, съ него достаточно нагляднаго и осознательнаго. Лучшее доказательство: между ними почти нѣтъ спиритовъ, а базаровскій „лопухъ“ имѣетъ множество убѣждденныхъ адептовъ. Впрочемъ, въ послѣдніе годы у болгаръ завелся спиритический

журналъ. Его издаётъ и, кажется, отъ доски до доски единолично составляетъ дама—чуть ли не единственная, кромѣ серьезной и талантливой Екатерины Каравеловой, болгарская писательница-журналистка. Не помню ея фамиліи. Журналъ успѣхъ не имѣетъ, а редактирующую его спиритку считаютъ полоумною.

Не имѣя духовныхъ порывовъ къ будущей жизни, болгаре, какъ мнѣ показалось, довольно равнодушны и къ своему прошлому.

— Что тамъ помнить-то? Проклятая туречина!— вырвалось у одного руцкскаго учителя, когда я попрекнулъ его, что, живя среди народа, онъ совсѣмъ не интересуется ни родною археологіей, ни роднымъ старииннымъ обычаемъ.— Все выросло на униженіи, на рабствѣ, подъ турецкимъ кнутомъ... Это забыть надо!

Какъ распорядились софійцы съ генуэзскимъ базаромъ, читатель видѣлъ. Свою изумительную по великолѣпію рuinъ Святую Софію они держать въ развалинахъ, обративъ ее въ мучной или еще какой-то складъ. Они наивно собрались было перестроить Розовую Мечеть (Гюль-Джамія), гдѣ почится тѣло Александра Баттенберга, совершенно равнодушно оставляя въ сторонѣ тѣ соображенія, что зданію Розовой Мечети больше тысячи лѣтъ, что она, по очереди, была языческимъ капищемъ, православною церковью, мечетью и церковью спова, что болѣе древней постройки нѣтъ на всемъ Бал-

канскомъ полуостровѣ. Розовая Мечеть—круглая, небольшая на видъ, но уёмистая кубышка. Баттенбергъ спить въ ней, окруженный пушками, знаменами, ружейными витринами, почти въ непроглядномъ мракѣ. Гробъ, стѣны, полъ завалены вѣнками, тщательно сберегаемыми здоровымъ и дюжимъ солдатомъ, еще изъ „поборниковъ“, т. е. друзинниковъ русской войны за освобожденіе. Изъ вѣнковъ большинство съ лентами, украшенными надписями,— лирическими, но не политическими. Только краковскіе поляки не утерпѣли, чтобы не сдѣлать рѣзкой выходки противъ Россіи. Въ зданіи еще сохранились фрески далекаго-далекаго времени, когда ни одного магометанского слова не раздавалось на болгарской землѣ. Жаль будетъ, если этотъ, единственный въ своемъ родѣ, памятникъ подвергнется передѣлкамъ, искажающимъ его красоту. Равнодушіе къ родной старинѣ объясняется отчасти тѣмъ, что для болгарина его первобытная исторія потеряла значеніе практическихъ воспоминаній. Между древней Болгаріей и новой лежитъ огромная полоса турецкаго владычества. Вотъ—всей исторіей, которая относится къ борьбѣ съ турками, болгаре, дѣйствительно, дорожатъ и отлично ее знаютъ. Имя каждого гайдука, сложившаго свою голову подъ турецкіе ятаганы, известно и въ пѣсняхъ, и въ преданіяхъ ровно болгарскому барину и болгарскому мужику. А Крумы, Асеии.. . далеко они... о нихъ развѣ фантазеры мечтаютъ. Признательность болгаръ къ

дѣятелямъ и поборникамъ эпохи освобожденія возвышается до трогательности въ обожаніи ими памяти императора Александра Николаевича, доходящемъ до культа. Миѣ случалось встрѣтить портреты Царя-Освободителя въ болгарскихъ хаткахъ на ряду съ иконами. Австрійская печать пустила однажды коварный слухъ, будто болгары разрушили всѣ памятники въ честь русскихъ подвиговъ послѣдней турецкой войны. „On trouve partout plus de moines que de raison“: за эту сенсаціонную ложь нѣкоторые наши патріоты не по разуму, дружащіе съ Россіей, какъ медвѣдь съ пустынникомъ, ухватились съ дикимъ восторгомъ, какъ за новое доказательство „болгарской неблагодарности“. На самомъ же дѣлѣ памятники не только цѣлехоньки, но еще и окружены особымъ вниманіемъ и почетомъ. Правда, былъ одинъ случай, когда русскій памятникъ былъ оскорбленъ, но безъ всякоаго политическиаго злого умысла: просто пьяный офицеръ сдуру выпалилъ въ монументъ изъ револьвера. Что жъ тутъ политического? Этакъ можно произвести въ политическіе оскорбители и того анекдотическаго пьяницу, что, разжалобясь, повѣсили полштофъ на простертую руку Минина, указующаго Пожарскому съ московской Красной площади на Кремлевскія стѣны... Да и то виновникъ пьяной выходки былъ немедленно арестованъ и строго наказанъ: такъ грозно зашумѣль противъ него народъ. А между тѣмъ случилось это въ самое темное стамбуловское время!

Нѣтъ, съмѧ, посъянное освободительною борьбою русскихъ за Болгарію, никогда не умреть, а репейники его заглушающіе, понемногу вянуть и, дастъ Богъ, скоро завянуть всѣ до послѣдняго.

Если болгарское общество чуждается спиритуалистическихъ воззрѣній и бесѣдъ, то—нельзя не отдать ему справедливости — еще болѣе чуждо оно той гравиазности, въ какую ухитряется у насъ на Руси, особенно, въ московскихъ „умныхъ кружкахъ“, перескочить даже самый, повидимому бы, аскетической мужской разговоръ. Я не слыхалъ на болгарскихъ сборищахъ ни циничныхъ бесѣдъ, ни циничныхъ словъ, ни неуважительно откровенныхъ разговоровъ о женщинахъ. Поручику Кувшинникову пришлось бы тутъ плохо: „по части клубнички“ — полное упраздненіе. Мидхатъ-паша, въ дни своего либерального управления (разумѣй — либерального на восточный манеръ: съ коломъ и висѣлицею), взялъ было, чтобы отвлечь болгаръ отъ политикаства, ту же систему, какою Наполеонъ III развратилъ Францію: насадилъ, по всѣмъ городамъ кафе-шантаны вѣнскаго типа, то есть — не разобрать что: не то концертный залъ, не то публичный домъ. Ядъ, однако, не подѣствовалъ. Мидхатова „реформа“ привела лишь къ одному результату: когда, въ политической полемикѣ, „дѣятель“ хочетъ сильно уязвить своего оппонента, а между тѣмъ словарь парламентской ругани уже истощенъ, онъ принимается допекать своего противника:

— Вы — кафешантанного воспитанія. У васъ — кафешантанные идеалы, кафешантанная политика, кафешантанная программа...

Такимъ образомъ, не кафешантанъ побѣдилъ политику, но политика овладѣла кафешантаномъ. Помню, послѣ 18-го мая, утомленный безчисленными interviews, говорю своему пріятелю Божилову:

— Показывай, гдѣ тутъ у васъ веселятся?

Онъ собираетъ огромную компанію, и мы отправляемся въ какое-то кафе-концертъ. Мерзость ужас-нѣйшая. Ни одной изъ пѣвицъ наши Омонъ и Неметти не подпустили бы на выстрѣлъ къ своимъ заламъ. Обстановка — трактира средней руки. За то рѣкою льется превосходное вино изъ Садової. Пѣвицы подходятъ къ столу, садятся. Какая-то француженка выклянчила у адвоката К. бутылку шампанского. Вино разлито, шипитъ въ стаканахъ. Хозяинъ встаетъ и провозглашаетъ тостъ... вы думаете, за здоровье присутствующихъ, за общее веселье, ну, наконецъ, за здоровье дамъ, какъ сдѣлали бы это французъ, нѣмецъ, русскій, итальянецъ, англичанинъ? Нѣть:

— Господа! піемо дружеска чашата на погибель Стамбулова!

Помню, въ такомъ кафе-шантанѣ познакомился я съ опереточною актрисою изъ Бухареста, уже пожилою румынкою, когда-то, должно быть, очень красивою. Разговоръ ея былъ интересенъ: она много видала и многихъ знала. И вдругъ К. шепчетъ мнѣ на ухо:

— Осторожище съ нею. Это—правительственный шпіонъ. Прежде она была на жалованыи у Стамбулова, а теперь у Стоилова. Все, что мы будемъ говорить и дѣлать, черезъ два часа будетъ извѣстно полиціи...

Чортъ знаетъ что! Положимъ, не было говорено и дѣлано ничего такого, что могло стоить благосклоннаго вниманія дамы-шпиона... Но идти въ кафешантанъ и попасть въ негласный участокъ—это уже что-то специфически болгарское.

— Мы, и жень-то когда цѣлуемъ, о превратахъ думаемъ! — состриль однажды бывшій редакторъ правительеннаго „Свободнаго Слова“, русскій эмигрантъ, хотя болгаринъ родомъ, г. Беламезовъ. Миръ его праху! Умеръ недавно, бѣдняга, въ Лозаннѣ отъ горловой чахотки. За знакомство съ нимъ миѣ когда-то жестоко досталось отъ „Московскихъ Вѣдомостей“. Беламезовъ быль сосланъ въ каторгу по политическому процессу Лизогуба (повѣшеннаго въ Кіевѣ) и бѣжалъ изъ Сибири...

Можно было до слезъ хохотать, когда, во время февральскихъ празднествъ 1896 года, болгары принялись доѣзжать своимъ политикаиствомъ молодыхъ петербургскихъ корреспондентовъ, превосходно изучившихъ разницу жанра Меали отъ жанра Оtero, по приходившихъ въ полное отчаяніе отъ обилія партизанскихъ программъ, толковъ, сплетенъ, споровъ, комментаріевъ, въ омутъ которыхъ бросила ихъ насмѣшиница судьба.

Никогда не забуду одной сцены. Послѣ завтрака у князя, я и корреспондентъ М., совершенно измученные долгимъ приемомъ и тяжелымъ этикетомъ дворца, лежимъ пластами на кроватяхъ и терзаемся мыслью:

— Господи! Доколѣ?! когда же конецъ торжествамъ и пированію?

Корреспондентъ П. съ яростью строчитъ телеграмму въ редакцію... Тутъ-тукъ! Является болгарскій „дѣятель“... Сълъ—и съ мѣста въ карьеръ: правительство, оппозиція, радослависты, каравеловцы, оппортунисты, стамбулисты, цанковисты, полуцанковисты,—завертѣлся обычный круговоротъ политики. Полусонный П. смотрить на мучителя въ упоръ сквозь монокль, и мы видимъ, какъ взоръ его ионемножку наполняется холодною злобою...

— И вотъ, господинъ П.,—ораторствуетъ дѣятель,—если Россія возстановить прежнюю сердечную связь цанковистовъ съ полуцанковистами...

— Па-азвольте!—вдругъ прерываетъ П. утрированно-фатовскимъ тономъ, ничего общаго не имѣющимъ съ его обычнымъ голосомъ и интонаціями.— Какое Россіи дѣло до вашихъ цанковистовъ и полуцанковистовъ?

— Какъ „какое дѣло“?!

— Милый мой,—невозмутимо цѣдитъ корреспондентъ, окончательно превращаясь въ парижского бульварда:—ваши партіи всѣмъ надѣли, и никто ими не интересуется. Вашихъ цанковистовъ и полуцанковистовъ, mon cher, надо того... убрать! Пожалуй,

можно еще оставить немножко—четверть-каравелов-цевъ... на разводъ! Но остальныхъ—убррратъ!...

„Дѣятель“ убѣжалъ отъ П., какъ бѣшеный, въ жесточайшемъ негодованіи, а мы дали волю душившему насъ смѣху.

— Послушайте. Зачѣмъ вы его такъ жестоко?—упрекали мы П.—вѣдь онъ будетъ теперь рассказывать о васъ чортъ знаетъ что.

— Наплевать!.. Пусть раскрашиваетъ меня, какъ хочетъ. По крайней мѣрѣ не будетъ въ другой разъ соваться съ своими благоглупостями... Чортъ его дери, тутъ и отъ настоящихъ-то политическихъ тузовъ голова идетъ кругомъ, а еще лѣзутъ всякие Кончевы, Топчевы, Сопчевы, Лопчевы, Мончевы... Сидятъ тамъ въ своихъ провинціальныхъ мурьяхъ и выдумываютъ перевороты! Посмотрѣлъ бы я, какъ бы у насъ сталъ политикаствовать этакій младшій помощникъ старшаго помощника. И главное--пусть бы политиковали про себя. Такъ нѣтъ: извольте его выслушивать, подавайте мнѣніе, одобрить ли Россія его взгляды или нѣтъ? А очень нужно Россіи знать что думаютъ Сопчевы, Лопчевы, Хопчевы!.. Дѣяволы! только не даютъ спать рабочему человѣку!

За цѣломудrie устное болгаре вознаграждаются себѣ невѣроятною распущенностью въ печати. *Verga volant, scripta manent:* слово—звукъ пустой, а, что написано перомъ, того не вырубишь топоромъ. По этому закону, современные болгаре, несмотря на всю свою словесную сдержанность, оставлять въ

потомствѣ память весьма безстыдной нації. Ихъ пресса не стѣсняется печатать слова, совершенно непечатныя, и публиковать факты, отъ оглашениія которыхъ покраснѣть любая содержательница дома терпимости. Въ особенности знаменита по этой части „Свобода“—въ дни Стамбулова, официальный органъ, редактируемый г. Свирчо Петковымъ, креатурою и пріятелемъ Стамбулова. Эта газета приняла систему вводить на своихъ политическихъ враговъ грязнѣйшія клеветы-импровизаціи. Стоило поссориться, даже просто поспорить съ Стамбуловымъ, чтобы назавтра же прочитать о себѣ въ „Свободѣ“ удручающія душу свѣдѣнія:

Онъ отца отравилъ, пару тетокъ убилъ,
Взялъ подлогомъ чужое имѣніе,
Да двухъ братцевъ и трехъ сыновей задушилъ...

Сверхъ того, публикѣ обязательно сообщалось, что подлежащей обруганію Н. Н. находится въ связи съ своей собственной сестрою, дочь его—проститутка, а изъ сына выростетъ, по всѣмъ признакамъ, воръ и церковный грабитель. Совсѣмъ по Гоголю: „а ежели тетка есть, такъ чтобы и теткѣ!“ Оклеветанные терялись, не зная, какъ быть: и промолчать нельзя, и отвѣтить скверно; и такъ, и такъ—все равно, барахтайся въ лужѣ зловоннѣйшихъ помои! Люди рѣшительные прибѣгали къ способу кулачной расправы, но въ отношеніи къ редакціи правительственной газеты, располагавшей поддержкою стам-

буловскихъ палочниковъ, способъ этотъ былъ, конечно, мало надеженъ. Дуэли въ Болгаріи не въ обычай. Когда Савовъ вызвалъ на дуэль Стамбулова, послѣдній объявилъ оскорблennаго мужа сумасшедшими, и общественное мнѣніе, порицая Стамбулова за всю эту грязную исторію, одобряло его, однако, за отказъ отъ дуэли: нечего молъ вводить въ нашъ демократической строй средне-вѣковыя аристократическія глупости. Когда „Свобода“ принялась гнусно клеветническимъ способомъ отдѣлывать Катерину Каравелову (жену знаменитаго Петки Каравелова, очень замѣчательную литературную и общественную дѣятельницу молодой Болгаріи, *esprit fort* въ полномъ смыслѣ слова), то братъ бѣдной женщины, покойный Никифоровъ, взялъ револьверъ и сѣль противъ редакціи „Свободы“, на ступеняхъ Народного собранія. До свѣдѣнія Петкова было доказано, что онъ, безъ всякой дуэли, безъ всякихъ объясненій, даже не рискуетъ получить, а обязательно получить пулю въ лобъ, если не прекратить своихъ гнусностей... Подѣйствовало: унялись.

Языкъ болгарской газетной полемики—языкъ, поистинѣ, фантастической. Никакая коллекція ругательствъ не превзойдетъ его своимъ богатствомъ и откровенностью. „Дуракъ“, „подлецъ“, „висѣльникъ“, „убийца“, „разбойникъ“, „взбѣсился“, „байструкъ“—это все еще выраженія парламентскія. Когда же всѣ эти перлы и адаманты разсыпаны, а ругаться еще надо и хочется, случалось, что госпо-

Борисъ
1896.

Княжичъ Борисъ Тырновскій
въ февралѣ 1896 года.

(Подпись — рукою князя Фердинанда).

Съ портрата, подареннаго автору книжемъ Фердинандомъ.

да литераторы съ иѣю у рта принимались обличать другъ друга въ содомскихъ грѣхахъ, называя при этомъ всѣ вещи почти что своими именами!

Лучшіе люди Болгаріи ставятъ Стамбулову въ одинъ изъ самыхъ тяжелыхъ его грѣховъ распущенность, какою — волею-неволею — заразилась болгарская пресса отъ „Свободы“, безъ удержа разнозданной покойнымъ премьеромъ. Нельзя не отдать справедливости министерству Стоилова: его органы, въ особенности „Миръ“, редактируемый г. Димитріемъ Поповымъ, были, — по крайней мѣрѣ, въ первое время, — безукоризненны въ этомъ отношеніи. Полемика „Свободного Слова“, полемика „Мира“ велись въ спокойномъ, джентльменскомъ тонѣ, безъ сдабриванья статей солью трехъ-этажныхъ ругательствъ, клеветъ и инсинуаций. Правда, и противники-то „Мира“, гг. стамбулисты, въ большинствѣ, были таковы, что на нихъ и клеветать трудно: какую ни расскажи о нихъ правду, выйдетъ хуже всякой лжи!.. Другое дѣло — каравеловское „Знаме“. Умный, талантливый, живой журналистъ, г. Каравеловъ, стоя въ оппозиціи правительству, борется съ нимъ равнымъ оружіемъ. А, такъ какъ онъ остроумнѣе и злѣе правительственныйыхъ журналистовъ, то даже и неосновательныя нападки его доставляли министерству много непріятныхъ минутъ. Къ сожалѣнію, г. Каравеловъ, въ увлеченіи политическою борьбою, иногда прибѣгалъ къ не совсѣмъ приличнымъ полемическимъ пріемамъ. Такъ, наканунѣ

присоединенія князя Тырновскаго къ православію, онъ, въ расчетѣ повліять на провинціального своего читателя, напечаталъ въ „Знаме“ статью, гдѣ доказывалъ, что никакихъ важныхъ событий въ Софіи не происходитъ; что русскій императоръ не присыпалъ князю Фердинанду телеграммы съ согласіемъ на восприемничество; что все „присоединеніе“—правительственный фарсъ, съ цѣлью обмануть народъ; что народъ негодуетъ на Россію, простившую Кобурга, и встрѣча русскихъ пословъ подготовлена „палками“... Совсѣмъ бѣшеный крикъ ослѣпшаго, закрывшаго глаза на дѣйствительность человѣка, который утонулъ въ пучинѣ своей политической программы и не хочетъ видѣть ничего, несогласнаго съ ея параграфами, изъ нихъ же первый: „долу Фердинанда!“.

До 4-го февраля 1896 года безобразія болгарской печати пользовались почти полною безнаказанностью,—по крайней мѣрѣ, фактическою. Когда кѣмъ либо возбуждалось дѣло по обвиненію въ клеветѣ, диффамаціи, оскорблениі въ печати, на судѣ разыгрывались совсѣмъ комическія сцены. Предъ строгими судьями стоять отвѣтственный редакторъ—извозчикъ, праченикъ, дворникъ фактическаго редактора.

— Вы напечатали въ вашемъ журналѣ такую-то статью?

— Какую статью?

— Да вотъ въ номерѣ такомъ-то?

— Въ номерѣ такомъ-то??!

— Позвольте: вы подписывали номеръ такой-то?

— Никогда, г. судья, я ничего не подписывалъ.

— Да вѣдь вы редакторъ такой-то газеты?

— А я почему знаю?

Изъ дальнѣйшаго допроса выясняется, что „отвѣтственный редакторъ“ столь же невиненъ въ изданіи газеты, какъ новорожденный младенецъ. Въ одинъ прекрасный день, призвалъ его господинъ Имярекъ, фактическій редакторъ, и сказалъ:

— Вотъ тебѣ, глупый Марко, счастье: я буду платить тебѣ по 50 левовъ въ мѣсяцъ, а ты за это позволишь мнѣ подписывать свое имя на этомъ лоскуткѣ бумаги... Хочешь?

Глупый Марко, конечно, захотѣлъ: имя ничего не стоитъ, а 50 левовъ въ мѣсяцъ въ Софіи большая сила...

Но вотъ противъ газеты затѣяли процессъ. Глупый Марко совсѣмъ растерялся. Въ программу, предложеннаго ему редакторомъ фактическимъ, „счастья“ совсѣмъ не входили перспективы суда и тюрьмы. А тутъ онѣ на лицо. Глупый Марко стоитъ въ своемъ кожухѣ передъ судьями, хнычетъ и бормочетъ:

— Знать ничего не знаю, вѣдать не вѣдаю.

И судьи, дѣйствительно, видятъ, что „отвѣтственный редакторъ“ знать ничего не знаетъ и вѣдать ничего не вѣдаетъ.

Видитъ это и истецъ. Если онъ человѣкъ маломальски порядочный, то сознаетъ очень хорошо, что,

вмѣсто виноватаго, ему приходится сажать въ тюрьму человѣка, и не думавшаго никогда оскорблять его... Обыкновенно истецъ махалъ рукою на дѣло.

— Богъ съ нимъ!— прощаю, отказываюсь отъ обвиненія... Что мнѣ въ этомъ дуракъ?!

Но, выходя изъ суда, не забывалъ прибавить:

— Ну, и правосудіє же у насъ, чортъ его побери!

Виновникомъ перемѣны этого пельпаго положенія печати явился, депутатъ отъ города Сливна, г. Попанчевъ. По его законопроекту, правомъ отвѣтственнаго редакторства, ранѣе предоставленнымъ всѣмъ безъ исключенія гражданамъ княжества Болгаріи, грамотнымъ настолько, чтобы они умѣли подписать свою фамилію, могутъ теперь пользоваться лишь лица съ гимназическимъ дипломомъ и, притомъ, не моложе 28 лѣтъ отъ рожденія. То-есть,— лица, которые предполагаются не только обязанными знать, что печатается подъ ихъ фирмой, но и сознавать свою отвѣтственность за то. Законъ прошелъ, послѣ бурныхъ препрій, огромнымъ большинствомъ голосовъ. Прямымъ его послѣдствіемъ было быстрое сокращеніе органовъ провинціальной оппозиції: людей средняго образованія не такъ много въ Болгаріи, чтобы они лъстились на отвѣтственное редакторство въ партизанскихъ органахъ, чей полемическій задоръ ежедневно ставить ихъ въ возможность очутиться за рѣшеткою Черной Джаміи. Закономъ г. Попанчева убить печальный промыселъ „отговорничества“, т. е. отвѣтственнаго

редакторства по вольному найму, развитый ранѣе 4 февраля 1896 г. добезобразныхъ размѣровъ. Доходило дѣло до того, что одинъ и тотъ же отговорникъ, въ одинъ и тотъ же день, въ одномъ и томъ же судѣ обвинялся—въ клеветѣ на радослависта, какъ редакторъ правительстнной газеты, и въ оскорблениіи правительства путемъ печати, какъ редакторъ радославистскаго органа... И, конечно, въ невинности души своей, онъ не вѣдалъ, что творилъ въ обоихъ редактируемыхъ имъ изданіяхъ, ибо—по общественному положению своему—занималъ онъ высокій постъ фаэтониста!.. По внѣшней формѣ, болгарскій законъ о печати пахнетъ нарушеніемъ конституціи, но нельзя не признать, что нарушение это имѣеть свое внутреннее оправдание—въ полной необходимости превратить разнузданное дебоширство болгарской прессы въ легальную свободу ея, и, оставивъ печатному слову независимость образа и способовъ выраженія мыслей, вмѣстѣ съ тѣмъ, гарантировать общество отъ грубаго насилия и тираніи невѣжественныхъ и весьма часто продажныхъ браво журналистики. Впрочемъ, отъ послѣднихъ, — еще бабушка на двое сказала,—спасеть ли и законъ. Образованіе—далеко не всегда ручательство за порядочность, особенно, если есть возможность укрыться подъ сѣнь сильной правительственной защиты, какъ было при Стамбуловѣ Въ „Свободѣ“ ютились удивительнѣйшие литературно - политические типы. Хорошъ и самъ Свирчо Петковъ, апологетъ застѣнковъ и

казиокрадства, ушедшей въ вѣчность, стамбуловщины. Но еще лучше былъ второй редакторъ газеты—Димитрій Драмовъ-Левовъ. Этотъ юноша кончилъ курсъ въ Московскомъ университѣтѣ по юридическому факультету, при чёмъ былъ русскимъ стипендиатомъ. Затѣмъ объявился въ Болгаріи и началъ писать отсюда въ „Московскія Вѣдомости“,—гдѣ, кажется, сотрудничалъ онъ и во времена своего студенчества,—отчаянно-ругательныя статьи противъ Стамбулова. Диктатору, конечно, не трудно было бы скрутить новоявленнаго литературнаго врага въ бараний рогъ, но онъ нуждался въ людяхъ съ „перомъ“, замѣтилъ въ г. Драмовѣ дарованіе и разсудилъ поступить съ нимъ иначе: онъ предложилъ г. Драмову два мѣста—въ редакціи „Свободы“ и въ народномъ болгарскомъ банкѣ. Тогда г. Драмовъ „сжегъ все, чему поклонялся, поклонился всему, что сжигалъ“, и вывернуль свой политической кафтанъ съ рѣдкою быстротою и откровенностю. Въ благодарность Россіи за воспитаніе, пріютъ и кормъ, недавній московскій студентъ принялъся строчить, подъ диктовку Стамбулова, яростныя клеветы на страну, пригрѣвшую не только этого перевертия, но и родину его. Цѣлый годъ запугивалъ онъ оппозиціонеровъ русскими нагайками, которыя-де, кабы не Стамбуловъ, давно уже свистали бы надъ болгарскою спиной. Г. Драмовъ, конечно, стяжалъ своею новою дѣятельностью и деньги, и вліяніе, но вмѣстѣ съ тѣмъ—и общее презрѣніе. Даже

стамбулистовъ покоробило беззастѣнчивое предательство журналиста-кандотьера. Софія, охочая давать уличные клички всѣмъ своимъ „дѣятелямъ“, прозвала г. Драмова „клопомъ“. Очень часто горемычный журналистъ имѣлъ удовольствіе видѣть, какъ прохожіе, при встрѣчѣ съ нимъ, зажигали носы—будто отъ нестерпимой вони. Не знаю—анекдотъ или фактъ, будто бы г. Драмовъ жаловался Стамбулову на эти „символическія“ оскорбления.

— Да въ чемъ обида-то?—спросилъ диктаторъ.

— Помилуйте, негодяи дѣлаютъ видъ, будто отъ меня воняетъ...

— Знаешь, Драмовъ—серезно возразилъ Стамбуловъ,—оны не виноваты: мнѣ тоже кажется, что ты не благоухаешь.

Se non e vero, e ben trovato.

Во время софійскихъ волненій 18 мая, Драмовъ былъ жестоко наказанъ за свои стамбуловскія симпатіи: толпа поймала его въ кафе и, какъ описывалъ одинъ опереточный герой, „бросила сперва подъ столъ, потомъ на столъ, а потомъ стала бить уже по настоящему“. Драмову вышибли два зуба и переломили челюсть. Чувствуя, что безъ защиты Стамбурова ему не ужиться въ Софіи, онъ подальше просьбу обѣ отставкѣ изъ банка (въ довольно—надо отдать ему справедливость—дерзкихъ выраженіяхъ по адресу новаго правительства) и сошелъ съ литературно-политической карьеры. Во второй свой прїездъ въ Софію, я спрашивалъ о Драмовѣ многихъ, но никто

не могъ сказать мнѣ, что съ нимъ й гдѣ онъ. Литературный клонъ заползъ въ щелку и замеръ въ ней.

Есть ли въ Болгаріи наука, литература и искусство не политической окраски? Начинаютъ понемногу являться. Крупныя литературныя имена Ивана Вазова, Константина Величкова, Алека Константинова пользуются большимъ почетомъ даже помимо политической извѣстности этихъ писателей. Г. Величковъ — одинъ изъ вдохновеннѣйшихъ поэтовъ Болгаріи, вообще богатой стихотворцами. Къ общему глубокому сожалѣнію, политическая дѣятельность совершенно оторвала его отъ литературы.

— Что дѣлать? — сказалъ онъ мнѣ, когда я упрекнулъ его за это: — я долго и мучительно колебался между первомъ и политикою... Но сейчасъ Болгаріи граждане нужнѣе литераторовъ.

„Довольно даже намъ поэтовъ, но нужно, нужно намъ гражданъ!“ — мелькнула въ моей памяти некрасовскій стихъ.

— Надо упорядочить страну, надо поставить ее на рельсы, направить разумнымъ путемъ къ разумнымъ цѣлямъ. А, когда уляжется нашъ хаосъ, рождаются и науки, и искусство, и литература, и учёные, и художники, и писатели не хуже насъ... Успѣха же они будутъ имѣть гораздо большиe, потому что у нихъ будетъ болѣе спокойная и внимательная публика, и слово ихъ придется болѣе ко времени и къ мѣсту, чѣмъ наше слово...

— Не находите ли вы, — спросилъ я Величкова, —

что ваше правительство слишкомъ мало дѣлаетъ для искусства и литературы? Можетъ быть, развивая и поощряя эти области, оно понемногу ослабило бы это, по истинѣ всепожирающее, политикачество, которое теперь забираетъ въ себя всѣ умственныя силы страны?

— Вы совершенно правы,—сказалъ Величковъ,— и мы много думаемъ объ этомъ, и стараемся дѣлать, что можемъ,—только у насъ мало средствъ. Вы, можетъ быть, слышали, что я основалъ рисовальную школу. Я надѣюсь, что она явится зачаткомъ нашей будущей академіи художествъ. Изъ всѣхъ искусствъ болгары болѣе всего способны къ живописи и скульптурѣ. На антверпенской выставкѣ болгарскій художественный отдѣль и рисовальныя работы нашихъ гимназій произвели большое впечатлѣніе. Этотъ успѣхъ и подалъ намъ идею рисовального училища...

D-г Шишмановъ подарилъ мнѣ, на память о Софіи, первую премію общества любителей изящныхъ искусствъ—альбомъ гравюръ съ картинъ болгарскихъ художниковъ... Можно поздравить общество: его изданіе, по изяществу исполненія, сдѣлало бы честь любому изъ художественныхъ обществъ Европы. Къ крайнему моему прискорбію, политическая цѣли обѣихъ моихъ поѣздокъ въ Болгарію отнимали у меня все время въ Софіи и не позволяли мнѣ ознакомиться съ работами болгарскихъ maestri въ оригиналахъ. Въ княжескомъ дворцѣ я видѣлъ нѣсколько

батальныхъ картинъ, въ духѣ и тонѣ нашего Кившенки: смотры и маневры,—да нѣсколько талантливыхъ этюдовъ этнографичекаго содержанія попались мнѣ на глаза въ частныхъ домахъ. Министерство народнаго просвѣщенія, когда я заѣхалъ къ г. Величкову, было довольно страшно украшено огромною картиною жанра „*nudité*“. Какой-то художникъ привезъ г. Величкову голую нимфу, въ расчетѣ сбыть ее въ національный музей. Я забылъ имя живописца, но помню живопись: превосходное письмо, жизненное, сочное, даровитое. Вообще все, что встрѣчалось мнѣ въ Софіи изъ области художества, носило отпечатокъ таланта и немножко, можетъ быть, диковатой, но очень симпатичной и бодрой свѣжести. Болгарскіе художники сильно напоминаютъ нашихъ передвижниковъ: родственное сходство. Какъ и передвижники, они—по направленію—реалисты,—притомъ, покуда еще безъ уклона въ натуралистическую тенденцію.

Гораздо менѣе способны болгары, по увѣренію лицъ, долго живущихъ въ странѣ, къ музыкѣ, къ пѣнію, и мало интересуютъ ихъ эти отрасли искусства. Я напрасно искалъ въ Софіи сборника народныхъ мелодій. М-те Шишманова, жена профессора, не разъ упомянутаго въ этой статьѣ, могла указать мнѣ лишь рапсодію, сочиненную на болгарскія народныя темы композиторомъ Крейчманомъ. Въ Софіи еще не было настоящей оперы, и публика не особенно о томъ жалѣтъ. Русскій оперный артистъ

К. И. Михайловъ - Стоянъ, самъ болгаринъ родомъ просилъ меня навести справки, какъ взглянетъ болгарское правительство на его желаніе организовать національную оперу въ Софії. Г. Величковъ,—человѣкъ, очень сочувствуяющій всякому новому художественному явлению въ болгарскомъ быту,—однако, усомнился въ цѣлесообразности затѣи артиста, несмотря на его популярное имя.

— Безъ субсидіі онъ прогоритъ, а субсидіі мы дать не можемъ, потому что намъ не легко даются и 50,000 левовъ субсидіі на драматическую сцену!

Помню, въ лѣтнемъ саду „Люксембургъ“ гастролировала какая-то оперно-опереточная труппа изъ Вѣны, бѣдненькая, но опрятная. Ея спектакли, благодаря баснословно-дешевымъ цѣнамъ, посещались хорошо, но почти исключительно иностранцами и офицерами. Въ февралѣ 1896 г. въ Болгарії гастролировала Жюдикъ. Ея всемирно-извѣстное имя всюду дѣлаетъ полные сборы, а въ Софії она играла передъ пустымъ театромъ. Выручилъ ее только спектакль-gala въ военной школѣ, данный княземъ въ честь графа Голенищева-Кутузова, за который опереточная дива получила изъ княжескаго кабинета (далеко не склоннаго къ расточительности) 8,000 франковъ золотомъ. И какой вялый, холодный пріемъ былъ оказанъ ей въ этомъ спектаклѣ! Не то, чтобы она не нравилась публикѣ,—нѣтъ, публика просто не смотрѣла на сцену, занимаясь своими обычными разговорами: не нужно ей это, не интересуетъ ее

это... Артисту съ самолюбиемъ гастроли въ Софії, должно быть, не великая радость!..

Софія, какъ городъ чиновничій и военный по преимуществу, сосредоточилъ свою жизнь вокругъ дворца. Такъ какъ страсть къ парадамъ, торжественнымъ выходамъ, обѣдамъ, раутамъ и т. д. у князя Фердинанда доходитъ до крайности, то софійцамъ приходится тратить на представительство почти весь небольшой остатокъ времени, не занятый политикаствомъ. Въ 1896 г. мы застали князя на положеніи соломеннаго вдовца: какъ известно, княгиня Марія-Луиза демонстративно уѣхала изъ Болгаріи въ Ниццу, не желая присутствовать при миропомазаніи своего сына-католика въ православную „схизму“. Поэтому софійскія дамы не принимали участія въ февральскихъ фестиваляхъ. Но въ обыкновенное время онъ несуть повинность официальныхъ увеселеній чуть не всѣ семь дней въ недѣлю. Одна дама изъ софійской *haute société* говорила мнѣ:

— Дворъ береть у насъ такъ много времени, мы такъ привыкли къ нему, что, право, въ визитномъ или вечернемъ туалетѣ мы чувствуемъ себя удобнѣе, чѣмъ въ домашней блузѣ.

Этому можно было поверить, глядя на непрекрасную половину софійского общества: двѣ недѣли она, что называется, не вылѣзала изъ фраковъ и парадныхъ мундировъ. А болгарскій мундиръ, скопированный съ русскаго эпохи императора Александра III,

ксандра II-го,—красивая, но нельзя сказать, чтобы удобная одежда. Этикетъ во дворцѣ строжайшій и утомительный. И вотъ,—только что болгарскій „лукавый царедворецъ“ отдежурилъ на ногахъ часовъ шесть, по случаю какого-нибудь пріема у „негово царско височество“, и радостно летить домой, въ надеждѣ просидѣть остатокъ дня въ халатѣ и туфляхъ,—глядь—на письменномъ столѣ у него лежитъ уже приглашеніе: князь зоветъ на раутъ или концертъ и предписываетъ „обѣкто фракъ и декорации“... Утѣшеніемъ въ этой нелегкой службѣ являются лишь чудесный столъ и еще лучшій погребъ княжескаго дворца. „Палата“ единственное мѣсто въ Софиѣ, гдѣ гастрономъ можетъ чувствовать себя въ своей тарелкѣ. Кухня болгаръ груба, примитивна, однообразна. Здѣсь Ѳдятъ, чтобы жить, но не живутъ, чтобы Ѳсть. Человѣку, набалованному ресторанами Москвы, Петербурга, отъ софійскихъ Панаховыхъ, „Червенныхъ Раковъ“ etc. приходится жутко. Чтобы кормиться по-европейски, надо попасть либо въ члены „Union Club'a“, что вовсе не легко, либо обзавестись собственной кухнею, выписать прислугу изъ Вѣны, что, разумѣется, обходится не дешево. „Union Club“ основанъ Стамбуловымъ: оттого тамъ и уютно,—этотъ тиранъ-эпикуреецъ умѣлъ устраиваться и жить въ свое удовольствіе. Изъ „Union Club'a“ возвращался эксъ-диктаторъ и въ роковой вечеръ, когда набросились на него убийцы-мстители...

Лишеннная удобствъ и комфорта, жизнь въ Софиѣ,

однако, очень не депева. Мой гостепріимный хозяинъ, депутатъ Д. М. Яблонскій, одинъ изъ немногихъ болгаръ, устроившихъ свой домъ и быть на европейской ладѣ, привелъ меня въ ужасъ, когда ознакомилъ съ бюджетомъ своего скромнаго холостого хозяйства.

— Можетъ быть, вы очень не практичны, Дмитрій Марковичъ?

— Нѣтъ, не могу сказать. Всѣ, кто хочетъ жить мало-мальски порядочно, тратятъ столько же.

Главный раззоръ софійского обывателя — прислуга и дрова. Кухарка, умѣющая готовить съ грѣхомъ пополамъ пять-шесть блюдъ, стоитъ 30—40 Франковъ въ мѣсяцъ, а болѣе искусныя — 50, 60 и до 75 левовъ, при условіи — не знать никакихъ работъ въ домѣ, кромѣ кухни. Обычный въ русской семье средней руки, персоналъ прислуги обходится соотвѣтственной семье болгарской не менѣе 100 франковъ. Не удивительно, при такой высокой цѣнѣ наемнаго труда, что многіе болгары вовсе отказываются отъ прислуги, и софійская дама, замужемъ за чиновникомъ на 2,000—3,000 левовъ годового жалованья, весьма часто остается сама себѣ и горничною, и кухаркою. Это мало способствуетъ ея изяществу, за то хозяйствственно и — подспорье мужину заработку. Повторяю: болгарская женщина не гнушается домашнимъ трудомъ, хотя бы и чернымъ, — баба въ ней слышна чаще, чѣмъ дама.

Высокія наемныя платы объясняются хорошимъ

зажиткомъ болгарского крестьянства. Болгарский мужикъ—скопидомъ, скупъ, прижимистъ, но не жаденъ на деньгу; руки загребущія, но глаза не завидущіе; и, если его кормятъ своя пашня, своя овца, своя пряжа, то ему уже неохота идти изъ хозяевъ въ батраки къ чужому, и за свободу свою онъ ломить дорого. Да и то служить—словно дѣлаетъ милость. Нанимаются здѣсь въ услуженіе, опредѣляя срокъ праздниками: отъ Покрова до Юрьева дня, отъ Семенова дня до вешняго Миколы и т. п. Есть какой-то праздникъ, не помню какою именно,—настоящая гроза для софійскихъ хозяекъ. Онъ играетъ для Болгаріи приблизительно ту же роль, что въ Россіи, до Бориса Годунова, игралъ Юрьевъ день. Прислугою овладѣваетъ кочевой демонъ,—и половина Софіи остается безъ кухарокъ, горничныхъ, прачекъ. Хозяйки, при встрѣчахъ, мѣняются мрачными вопросами:

— У васъ перемѣна министерства?

— Да. А у васъ?

— Полная.

— Чортъ бы ихъ побралъ!

— Чортъ бы ихъ побралъ!

Обыкновено народъ бываетъ податливѣе на услугу подъ столицею, чѣмъ въ глухи. Въ Болгаріи наоборотъ. Чѣмъ глубже ѿдете къ югу, тѣмъ мягче люди, тѣмъ ближе между собою общественные классы. Югъ и сѣверъ Болгаріи—два разные края. Истое славянство, съ примѣсью турецкой и грече-

ской крови, живеть къ югу. Съверяне-шопы любять хвастаться, что они печенѣги, хотя,—въ чемъ заключается особенное счастье быть печенѣгомъ,—я не понимаю. У нихъ и въ типѣ, и въ характерѣ есть монгольская жесткость и монгольская жестокость. Я никогда не забуду, какъ одинъ такой печенѣгъ описывалъ мнѣ смерть Стамбулова: онъ смаковалъ подробности убийства, онъ мысленно рѣзалъ несчастнаго по кусочкамъ. Скуластое лицо побурѣло отъ упоенія злобою, глаза горятъ... дьяволъ дьяволомъ! Предокъ этого сердитаго шопа, печенѣжскій хань Куря, уходившій на Днѣпровскихъ порогахъ князя Святослава Игоревича, врядъ ли смотрѣлъ свирѣпѣе, когда пилъ первую чашу кумыса изъ черепа своего врага.

— Не люблю шоповъ,—говорилъ мнѣ румелецъ.

— А что?

— Гордецы противные. Гордецъ-баринъ, гордецъ-купецъ, гордецъ-мужикъ. Тупы, невѣжественны, а дерзости столько—словно они соль земли. Трудно съ ними и непріятно.

Съверяне, въ свою очередь, выражаютъ иѣкоторое презрѣніе къ южанамъ:

— Они богаче насть, а мы порядочнѣе. Они—выкинуши турецкихъ гаремовъ, а мы—потомки степнаго рыцарства.

Для иностранца, однако, разница въ характерѣ южанъ и съверянъ становится замѣтною развѣ лишь, когда онъ сѣѣстъ два пуда соли съ тѣми и други-

гими,—потому что ухаживаютъ за гостемъ съ чужой стороны одинаково ласково и на сѣверѣ, и на югѣ. Болгарское гостепріимство нѣсколько старомодно, неуклюже, даже грубовато, если хотите,—за то безгранично. Даже неловко дѣлается,—такою заботливостью окружаютъ васъ радушные хозяева... Положимъ, мы, русскіе журналисты, были для болгаръ нужными людьми; положимъ, что имъ хотѣлось отлучиться предъ нами, отпустить насъ отъ себя довольными и благодарными. Но и въ первый мой прїездъ, когда у меня оставалось больше времени для частныхъ встрѣчъ и знакомствъ, послѣднія были проникнуты тѣмъ же усерднымъ радушиемъ, тою же сердечною теплотою. Просто, помимо всякихъ постороннихъ видовъ на гостя, болгаринъ донесъ изъ глубины вѣковъ до нашихъ дней, цѣлымъ и неприкосновеннымъ, древній кочевой культь „гостя“, и гость для него—особа священная, требующая почти благоговѣйного почета. Гостю—первая мѣста, первые куски, первое слово; съ гостемъ почти не спорять: онъ полный хозяинъ разговора; согласны ли хозяева, несогласны ли съ его мнѣніемъ, оно принимается болгарскимъ этикетомъ за „ipse dixit“, не знающееapelляціи до тѣхъ поръ, пока гость находится подъ болгарскою кровлею. Съ непривычки все это производить довольно странное впечатлѣніе. Невольно вглядываешься иной разъ въ безстрастно-ласковыя лица друзей-болгаръ: въ серьезъ они ведутъ себя такъ, или „ломаютъ комедію“? Русскіе тоже госте-

пріимны, но у насъ радушіе быстро переходитъ въ тяжелую фамильярность, якшанье, амикошонство. У болгаръ въ этомъ отношеніи гораздо болѣе такта. Болгаринъ охотно сойдется съ гостемъ на дружескую ногу, но никогда, въ изліяніи сердечномъ, не назоветъ его „душа ты моя! маменька ты моя!“ и не будетъ приплясывать вокругъ него комаринскаго, какъ приплясывалъ вокругъ Чичикова подгулявшій предсѣдатель. Гость неизмѣнно остается „первымъ между равными“. И это даже—когда выпито чуть не Черное море вина! Болгаре пьютъ рѣдко, но мѣтко: у нихъ какая-то способность лить въ себя вино, какъ въ бездонную бочку, и только лица краснѣютъ, да глаза лѣзутъ на лобъ, а ноги, голова и языки—въ порядкѣ, и „богъ веселый винограда“ не только не мѣшаетъ болгарскому краснорѣчію, а, напротивъ, еще разжигаетъ ихъ ораторскую похоть, придаетъ жаръ и краски ихъ эффектнымъ рѣчамъ. Болгаре большіе охотники до застольного пѣнія. Поютъ не очень складно, но среди нихъ попадаются чудеснѣйшіе по силѣ и тембру голоса. Репертуаръ ихъ—либо народныя пѣсни, либо студенческія, завезенныя изъ русскихъ университетовъ: „Gaudemus“, „Наша жизнь коротка“, „Быстры, какъ волны, дни нашей жизни“, „Утесь“, „Укажи мнѣ такую обитель“. Послѣднюю пѣсню, отрывокъ изъ некрасовскаго „Параднаго подъѣзда“, поютъ, какъ и у насъ, неизвѣстно почему, на мелодію „io son Maffo Orsini, signora“ изъ „Лукреціи Борджіа“. Любятъ также „Петербург-

скую дубинушку“... Покойный Стамбуловъ, ненавидя Россію и русскихъ, очень любилъ русскія пѣсни и, говорять, даже плакалъ, слушая „Лучину“ или „Не бѣлы снѣги“. Народныя пѣсни болгаръ иѣсколько монотонны, но имъ присуща особая, дикая энергія, какая-то степная широта мелодіи, примитивной и грубой, какъ примитивны и грубы слова пѣсни. Помню одну пѣсню, спѣтую мнѣ пріятелями моими Камбуровымъ и Калиновымъ. Дѣвушка плачется: „суди Богъ моего отца! суди Богъ мою мать! погубили они мою голову—выдали меня не за доброго чело-вѣка, а за гайдука; онъ снитъ, когда добрые люди работаютъ, и работаетъ, когда добрые люди спятъ. Въ полночь онъ коня сѣдлаетъ, ворота отворяетъ и ѿдетъ на промыселъ, а, какъ солнце взойдетъ, для него наступаетъ черная ночь“... Эта разбойничья пѣсня и въ самомъ дѣлѣ, должно быть, сложена какимъ нибудь гайдукомъ въ скучную, темную ночь, когда онъ поджидалъ въ Родопскомъ ущельи, за кустомъ или въ байракѣ, у лѣсной тропы, проѣзжаго турка...

Если болгарская интеллигентія знаетъ народную пѣсню, то—обратно—она можетъ похвалиться тѣмъ, что ея поэтическое творчество легко переходитъ въ народъ, и не одно стихотвореніе того же Величкова, или такъ преждевременно убитаго Алека Константинова сдѣлалось народною пѣснею. Чаще всего такія перерожденія приключаются съ стихотвореніями политического содержанія. Сперва какая-

нибудь партія обратить стихи въ свой гимнъ, подбереть къ нимъ подходящую мелодію, поетъ ихъ при демонстраціяхъ и манифестаціяхъ, а народъ слушаетъ и понемножку запоминаеть. Такъ, между прочимъ, сложился и національный болгарскій гимнъ:

Шуми Марпца
Окровавлена,
Илаче удовпца
Лютот ранена...
Маршъ! маршъ,
Съ генерале нашъ!
Разъ, два, три,
Напредъ воїници!

Гимнъ этотъ—разухабистый маршъ совершенно ко кафешантанного пошиба. И, дѣйствительно, изъ адріанопольского кафешантана вылетѣла его мелодія, цѣликомъ заимствованная изъ вѣнской шансонетки:

Wenn die Soldaten durch die Stadt marschieren,
Oeffnen die Madchen Fenster und Thüren!
Warum? Warum?
Alles wegen dem Tschindadaratta...

Игровый мотивъ этой „Tschindadaratta“, пошлостью текста ничуть не уступающей пресловутому „Тараабумбіэ“, понравился поэту Н. Живкову. Онъ подобралъ къ мелодіи патріотические стихи, ввелъ эти стихи въ свою драму „Ильо Воевода“ и такимъ образомъ популяризировалъ новый маршъ. Любопытно, что современный болгарскій гимнъ сперва назывался маршемъ Черняева и былъ посвященъ этому герою славянского освобожденія.

Въ текстѣ гимна сохранились первоначальные стихи въ честь „руssкаго Гарибальди“:

Юнака допскій
Намъ е вѣдитель,
Съ прaporецъ лвскій
Вождь побѣдитель.
Впjте, деспоти
Генерала нашъ!
Чуйте, запѣйтe
Чернилева маршъ.

Инструментовалъ и пустилъ въ оборотъ „Марицу“, какъ національный гимнъ, полковой капельмейстеръ, чехъ Шебекъ, любимецъ покойнаго Баттенберга, по личному желанію князя...

Какъ городъ молодой, уничтожившій свое архаическое прошлое и не успѣвшій еще обзавестись „новою исторіей“, Софія неинтересна для туриста, ищущаго „достопримѣчательностей“. Главная ея достопримѣчательность—люди. А то—словно отголосокъ изъ стаrиннаго дореформеннаго анекдота.

— Позвольте спросить: какія въ вашемъ городѣ имѣются историческія зданія?

— А зданіевъ, братецъ ты мой, у насть будеть первое—трахтеръ, а второе—острогъ...

По крайней мѣрѣ, когда мои товарищи-корреспонденты пожелали познакомиться съ софійскими достопримѣчательностями, насть прежде всего повели смотрѣть государственную тюрьму—Черную Джамію. Показывалъ намъ эту прославленную темницу

прокуроръ софійскаго кассаціоннаго суда, г. Малиновъ,—руссکій университетантъ.

Черная Джамія получила въ стамбуловскую эпоху всемірную извѣстность,—правду сказать, значительно раздутую, во вредъ репутаціи этой тюрьмы, охочими до преувеличеній, политическими противниками „блудника и тирана“. Тюрьма—какъ тюрьма: бываютъ много хуже. Никакихъ ужасовъ Удольфскаго замка, ни колодцевъ венеціанскаго дворца дожей, ни легендъ во вкусѣ бѣгствъ изъ Бастиліи. Напротивъ, чрезвычайно прозаичная тюрьма, въ родѣ нашихъ провинціальныхъ остроговъ. Думаю, что мрачной репутаціи Черной Джаміи, кромѣ заточенія Каравелова, Славейкова, казни мнимыхъ убійцъ Бельчева, много содѣйствовало самое романтическое название ея: Черная Мечеть... Это напоминаетъ Черную Яму и страшные дни бунта индійскихъ сипаевъ, такъ поэтически расписанные англичанами. Однако, мечеть, собственно, въ острогѣ не причемъ: подъ ея огромнымъ куполомъ теперь хранятъ старую солдатскую рухлянь и повозки. Кто видалъ большія мечети, навѣрное, замѣчалъ при нихъ четырехугольные дворики съ фонтанами, у которыхъ правовѣрные совершаютъ омовеніе. Такой именно дворикъ образуютъ мѣста заключенія въ Черной Джаміи: рядъ келій, обращенныхъ въ карцеры и сгруппированныхъ около двухъ фонтановъ старой мусульманской постройки, очень загрязненныхъ, но работающихъ исправно. Вода превосход-

ная. Дворикъ не очень чистъ, кельи содержатся гораздо лучше.

— У васъ образцовый порядокъ,—сказалъ я г. Малинову.

— Нельзя иначе,—засмѣялся онъ,—стараемся въ своихъ же выгодахъ. Вѣдь у насъ, въ Болгаріи, судьба—индѣйка: сегодня ты прокуроръ, а завтра, глядь, самъ сидишь въ Черной Джаміи.

Сорокъ два заключенныхъ Черной Джаміи живутъ очень свободно: почти все время они на воздухѣ, и только собственное желаніе или непогода и сумерки загоняютъ ихъ въ конурки. Въ конуркахъ, на нарахъ, располагаются по троє. Такъ какъ, кромѣ паръ, въ конурахъ ничего нѣтъ, и читаютъ, пишутъ, работаютъ заточенные, сидя по-турецки, съ поджатыми ногами, а, за исключениемъ этой позиціи, имъ остается еще лишь одна—валиться на нарахъ въ растяжку,—то въ Софіи не говорится: „я сидѣлъ въ Черной Джаміи“—въ ней „лежать“. Кормятъ въ Черной Джаміи отлично. Мы пробовали чорбу (кулешъ) и какую-то кашицу изъ чечевицы: превкусно. Болгарскій мужикъ живеть и кормится очень сытно—куда же лучше русскаго!—но врядъ ли самый богатый крестьянинъ на свободѣ питается такъ основательно, какъ черно-джамійскій арестантъ. Большой недостатокъ тюрьмы—сырость. Въ камерѣ Каравелова, обращенной теперь въ женскую мастерскую, она особенно замѣтна. Надо было обладать желѣзными силами знаменитаго болгар-

скаго агитатора, чтобы выдержать четыре года въ этой мурѣ, не оставивъ въ ней своего здоровья. Признаюсь, что я вышелъ изъ Черной Джаміи съ гораздо большимъ запасомъ уваженія къ политическому упрямству Каравелова, чѣмъ имѣлъ раньше. Въ его карцерѣ нельзя было только „популярничать“,—какъ объясняли политические противники нежеланіе болгарскаго народнаго трибуна оставить тюрьму безъ пересмотра его процесса,—надо было и быть, и чувствовать, и сознавать себя мученикомъ политической идеи. Изъ „интересныхъ“ заключенныхъ мы видѣли пресловутаго Луканова, въ стамбуловское время префекта города Софіи и оберъ-палача диктатора Болгаріи. Это онъ изжарилъ живьемъ брата Тюфекчіева на желѣзной кровати, подставивъ подъ нее восемнадцать лампъ. Иные говорятъ: двадцать четыре, другіе—тридцать, третьи—тридцать шесть и т. д., прибавляя все по шести. По-моему, если и просто шесть,—и того достаточно, чтобы удивить міръ злодѣйствомъ. Одинъ изъ нашихъ корреспондентовъ квартировалъ въ домѣ македонца Накова и часто видалъ брата Тюфекчіева—того самаго, что былъ заподозрѣнъ въ убійствѣ Стамбулова, но былъ освобожденъ за недостаткомъ уликъ, хотя участіе его въ этомъ преступленіи для большинства софійцевъ болѣе, чѣмъ вѣроятно,—„по внутреннему убѣжденію“. Этотъ суровый македонецъ, по смерти Китанчева—глава македонскаго движенья, показывалъ нашему товарищу картину,

изображавшую пытки Тюфекчіева въ лукановскомъ застѣнкѣ. Стамбуловъ когда-то хвалился мнѣ, что онъ въ жизнь свою не ударилъ ни одного человѣка и никогда не присутствовалъ при пыткѣ. Однако, на тюфекчіевской картинѣ изображенъ и онъ, и неразлучный съ нимъ Петковъ. У Луканова лицо не изверга, но жулика—плутоватая, мелкая физіономія. Преисполнительный, должно быть, и истинно поэтому безжалостный человѣкъ, трепетавшій за свою шкуру и спѣшившій, въ обереженіе ея, сдирать, по первому кивку Стамбулова, шкуры чужія. По словамъ прокурора Малинова, положеніе этого цивилизованного разбойника въ тюрьмѣ было не изъ веселыхъ. Арестанты ненавидѣли Луканова — равно и политическіе, и уголовные. Приходилось держать около камеры, гдѣ сидѣли бывшій префектъ и одинъ изъ его приспѣшниковъ — полицейскій приставъ, особый сторожевой постъ: иначе братья-узники давно бы пришибли своихъ товарищѣй по заключенію. Кстати, о мучителяхъ и пыткахъ: г. Малиновъ обѣщалъ прислать мнѣ застѣночныя орудія изъ практики стамбуловскихъ Малютъ Скуратовыхъ,—ключи, которыми вывертывали пальцы, чугунное яйцо, чтобы колотить по темени... Была еще и такая пытка: заставляли истязуемаго держать руки вверхъ, а—чтобы онъ, въ утомленіи, не опустилъ ихъ,—подъ мышками помѣщались острыя желѣзныя спицы. Это—въ концѣ девятнадцатаго вѣка! А мы еще удивляемся въ музеяхъ инквизиціоннымъ отды-

леніямъ и не хотимъ вѣрить, чтобы въ цивилизованныхъ обществахъ были учрежденія и эпохи, гдѣ и когда человѣкъ имѣлъ возможность и право такъ нагло издѣваться надъ жизнью и тѣломъ другого человѣка!

Одного изъ самыхъ знаменитыхъ узниковъ Черной Джамії.—жандарма Спаса Антонова, г. Малиновъ не могъ памъ показать: онъ прятался. Жандармъ былъ спутникомъ Стамбулова и Бельчева въ ночь, когда послѣдній паль отъ руки убійцы, за что впослѣдствіи казнено четверо невинныхъ людей. Общее мнѣніе людей, не заинтересованныхъ лично въ апоеозѣ стамбуловскихъ дѣяній и памяти, утверждаетъ, что - либо Бельчевъ застрѣленъ самимъ Стамбуловымъ, либо, по его приказанію, Спасомъ Антоновымъ. Насколько это справедливо, знаетъ Богъ и... Спасъ Антоновъ, а—что онъ знаетъ,—показываетъ дальнѣйшая его исторія. Бѣднякъ до убійства Бельчева, онъ, вскорѣ послѣ злодѣянія, покупаетъ домикъ и поселяется въ немъ съ женою и своимъ сыномъ. Затѣмъ вся эта компания попадаетъ подъ слѣдствіе и судъ—по подозрѣнію, а потомъ и доказанному обвиненію въ убійствѣ трехъ ближайшихъ своихъ родныхъ, съ цѣлью унаслѣдовать, принадлежащую послѣднимъ, земельку и имущество. Убитыхъ они зарыли въ той же комнатѣ, гдѣ спали сами,—и ничего: совѣсть не мучила, и привидѣнія не душили злодѣевъ по ночамъ. Изъ этого видно, что за человѣка Спасъ Антоновъ, и на что онъ способенъ. Вирочемъ,

нельзя не прибавить, что и убитыс были людьми его же закала. Слѣдствіе доказало, что и убійцы, и жертвы ихъ жили совершенно примитивною, звѣрскою семьею, перепутавшею всѣ свои родственныя связи даже въ половомъ сожительствѣ. Пока былъ живъ Стамбуловъ, дѣло Спаса Антонова всячески тормозилось, потому что разбойникъ грозилъ своему патрону разоблаченіями. Неоднократно Стамбуловъ посыпалъ Спаса Антонова въ тюрьмѣ и бесѣдовалъ съ нимъ наединѣ. Каковы были эти бесѣды, характеризуетъ то обстоятельство, что, послѣ одной изъ нихъ, Спасъ Антоновъ потребовалъ къ себѣ тюремнаго врача—человѣка, къ которому онъ получилъ полное и совершенно основательное довѣріе—и заявилъ, что отнынѣ онъ не согласенъ принимать пищу иначе, какъ изъ рукъ этого врача, такъ какъ его хотятъ отравить важные люди, чьи тайны попали въ его руки... Но, наконецъ, Стамбуловъ палъ, и—вслѣдъ за его судбою—свершилась и судьба Спаса Антонова: помилованній отъ смертной казни, онъ приговоренъ къ долголѣтнему заключенію, — высшей, послѣ повышенія, мѣрѣ уголовнаго наказанія по болгарскому законодательству.

Наружность сообщниковъ Спаса Антонова—Карагаджіева и жены его Екатерины, принимавшей особо дѣятельное участіе въ отправленіи на тотъ свѣтъ своихъ родныхъ, не представляла ничего особенно „звѣрскаго“—скорѣе, въ ней было много „звѣринаго“. Я говорю, главнымъ образомъ, обѣ Екатеринѣ: это—

тупая и именно тупостью своею опасная баба. Поэтому что тупость ея,—какъ у звѣря: захотѣлъ звѣрь слопать и, чтобы слопать, и хитрымъ, и ловкимъ окажется, но—только, чтобы слопать и пока слопаетъ. Сидя съ сестрою у постели отравленнаго ими человѣка, пока тотъ мучился въ предсмертныхъ корчахъ, онѣ ввели въ заблужденіе одного изъ лучшихъ докторовъ города Софіи—г. Попова. Онъ видѣлъ, что больной умираетъ отъ какой-то странной рвоты и поноса—вовсе не холерного типа, какъ старались его увѣрить, но не рѣшился заподозрѣть отравленія,—такъ горько и искренно плакали обѣ женщины...

А при насть онѣ улыбались, когда г. Малиновъ напомнилъ мнѣ эту исторію. Да и вообще впечатлѣнія, что онѣ угнетены своимъ положеніемъ, „дамы“ эти, какъ вѣжливо звали ихъ прокуроръ, въ насть, посѣтителяхъ, не оставили. Обѣ онѣ дорогіе типы для ломброзовскихъ наблюденій. Такія лица я встрѣчалъ только въ иллюстраціяхъ къ „L'uomo delinquente“. Не менѣе дикій, хотя болѣе симпатичный, потому что жалкій, видъ имѣла узница, отбывающая наказаніе за убийство по суевѣрію. Извѣстно повѣріе, что—у кого есть свѣча изъ человѣческаго сала, тому не почемъ забраться въ чужой домъ и выкрасть все хозяйствое добро, потому что, пока „мертвая свѣча“ горитъ, хозяева спятъ непробуднымъ сномъ, собаки не лаютъ и т. д. Ради такой свѣчи, женщина, показанная намъ г. Малиновымъ, приняла участіе въ убийствѣ. Ее и соучастниковъ схватили, когда они

свѣжевали трупъ жертвы. Намъ узница показалась идіоткою. Мѣсто ей скорѣе въ больницѣ для душевно-больныхъ, чѣмъ въ тюрьмѣ.

Меня интересовало: часты ли въ Болгаріи преступленія противъ нравственности.

— Нѣть, очень рѣдки,— отвѣчалъ г. Малиновъ, — что удивительно для народа, находящагося на переходной ступени отъ дикости къ цивилизациі. За то весьма часты преступленія, имѣющія своимъ источникомъ неурядицы семейнаго строя. Въ Болгаріи очень распространено снохачество. Къ какимъ печальнымъ уголовнымъ послѣствіямъ приводить этотъ порокъ, вы, конечно, знаете изъ русской судебной практики. Надо лишь прибавить, что, такъ какъ нашъ народъ диче и суровѣе русскаго, да и южная кровь его горячѣе, то преступленія изъ-за снохачества у насъ чаще и жесточе, чѣмъ на нашемъ сѣверѣ.

Скрывая въ своихъ стѣнахъ тѣхъ, кто разбойничалъ вмѣстѣ съ Стамбуловымъ, Черная Джамія держала тогда подъ затворомъ и одного изъ убийцъ Стамбулова, Бона Георгіева.

Прокуроръ былъ вполнѣ увѣренъ въ приосновенности Георгіева къ смерти экс-диктатора, но полагалъ, что присяжные врядъ ли съ нимъ согласятся. Очень трудное дѣло былъ судъ надъ убийцами Стамбулова. Потребность удовлетворить правосудіе столкнулась съ народными симпатіями къ преступникамъ. Бона Георгіевъ—красавецъ на рѣдкость: львиная го-

лова настоящаго заговорщика-агитатора, пламенные умные глаза, взглядъ прямой и ясный; характера въ этомъ человѣкѣ много, фанатической удали, холоднаго мужества и рѣшимости—безъ конца. Онъ былъ секретаремъ и пріятелемъ, казненнаго Стамбуловымъ, Паницы и на могилѣ своего патрона далъ клятву отомстить за его смерть. Схватили Бона Георгіева совершенно случайно. Возвращаясь подъ чужимъ именемъ изъ эмиграціи, онъ предполагалъ, что его уже ищутъ, хотя никто и не подозрѣвалъ его возращенія и не думалъ его ловить. На одной станціи онъ вышелъ изъ вагона. Вдругъ станціонный жандармъ зашагалъ въ его сторону. Боно Георгіевъ вообразилъ, будто онъ открытъ, и бросился бѣжать. Тогда жандармъ сообразилъ, что бѣглецъ этотъ, вѣроятно, эмигрантъ, не имѣющій права жительства въ Болгаріи, далъ свистокъ и пустился преслѣдоввать Георгіева съ полицейскою бригадою. Конечно, догнали и схватили, а въ Софіи открылось, какая именно птица нечаянно попала въ жандармскія лапы. Допросъ Бона Георгіева былъ пыткою для слѣдственной власти. „Да“, „нѣть“, „не слыхалъ“, „не знаю“—только и добились отъ него. Да еще удалось уличить его, что онъ гораздо лучше образованъ, чѣмъ хочетъ казаться, и хорошо владѣеть нѣсколькими иностранными языками. Допрашивали его подрядъ восемь часовъ, чередуясь въ допросѣ,—и хоть бы разъ онъ ошибся или сбился въ показаніяхъ.

Послѣ тюрьмы для людей, намъ предложили по-

сътить звѣриную тюрьму—зоологическій садъ князя Фердинанда. У него слабость къ птицамъ, особенно къ орламъ; ихъ въ зоологическомъ саду на рѣдкость богатый подборъ,—и все великолѣпные экземпляры. Подъ садъ отведена огромная площадь, пока еще пустующая. Даже смѣшно, что въ маленькой Софіи собираются разбить такой большой садъ.

— Пожалуй, выйдетъ такъ, что не садъ будетъ при Софіи,—сказалъ кто-то изъ нашихъ,—но Софія при садѣ...

Звѣря и птицъ въ саду было еще не много; зато все, что есть, представлено удивительно удачно. Такихъ львовъ, орловъ, соколовъ, пеликановъ, волковъ я не видалъ ни въ одномъ изъ русскихъ зоологическихъ садовъ, да и берлинскій не побрезговалъ бы этими красивымъ, мощнымъ и сытымъ звѣремъ.

о Черняевѣ.

То были времена чудесъ“.

Русское правительство не воевало и не очень хотѣло—вѣра ѿ будетъ сказать даже: очень не хотѣло—воевать, за то воевало уже и рвалось воевать русское общество. Воевать было — скрѣпя сердце—дозволено, хотя и безъ официального о томъ увѣдомленія. Отсутствіе послѣдняго ставило въ тупикъ администрацію и приводило въ отчаяніе полицію. Она слышала шумъ, отлично знала, „по какому слушаю шумъ“, но рѣшительно не понимала, что ей съ шумомъ этимъ дѣлать: что будетъ болѣшимъ проступкомъ предъ начальствомъ — попустительство шуму или прекращеніе онаго?

ПишуЩій эти строки, въ ту пору пятнадцатилѣтній мальчикъ, своими глазами видѣлъ на москов-

Къ статьѣ „О Черняевѣ“.

Михаилъ Григорьевичъ
Черняевъ
въ 1875 году.

скомъ Курскомъ вокзалъ трагикомической житейской водевиль, который можно было бы назвать „Шапки долой“ или „Полицеймейстеръ въ затрудненіи“.

Тысячная толпа заливаетъ вокзаль, площадь, передъ вокзаломъ, желѣзнодорожное полотно.

— Ура! ура! ура!

— Ура доблестнымъ русскимъ добровольцамъ!

— Живіо князю Милану!

— Да здравствуютъ славяне!

— Михаилу Григорьевичу Чернышеву—ура-а-а!!!

— Ура-а-а!!!

Головы обнажаются, точно внезапнымъ вихремъ сдуло всѣ шапки.

— Спаси, Господи, люди Твоя и благослови достояніе Твое, побѣды благовѣрному императору нашему Александру Николаевичу на супротивныя даруя и твое сохраняй крестомъ твоимъ жительство...

Гремитъ тысячеголосый хоръ, потрясая звуками окрестную Москву на далекое пространство: однажды я заслышалъ его отъ Красныхъ воротъ—за добрыя полверсты отъ вокзала. Есть впечатлѣнія невыразимыя и незабываемыя. Съ тѣхъ поръ мы уже не гѣли на Руси массами, во всеуслышаніе, слишкомъ двадцать лѣтъ, никакихъ ни молитвъ, ни гѣсенъ. Однако этотъ гимнъ, которымъ родина напутствовала сыновъ своихъ умирать за вѣру и страдающихъ братьевъ на оконы Алексинаца и высоты Дюниша, и сейчасъ рыдаетъ въ моихъ ушахъ, точно лишь вчера я его слышалъ. Извъ всѣхъ сти-

хійныхъ силь, какими располагаетъ толпа, чтобы захватить въ свое могучее движение личность и покорить ее своему настроенію, звукъ—едва ли не самая властная. Кто не испыталъ на себѣ того и веселаго, и вмѣстѣ жуткаго подъема, какимъ точно вздергиваются на дыбы весь вашъ организмъ громовые перекаты „ура“? Въ одномъ изъ рассказовъ Эркмана-Шатріана есть дивная картина, какъ, на площади маленькой эльзаской деревушки, рота французовъ, солдатъ первой республики, защищается противъ атаки кроатовъ, вдесятеро превосходныхъ числомъ. Французы боятся геройски, но ряды ихъ рѣдѣютъ; гибель ихъ неизбѣжна; ихъ каре растроено; оно колеблется, слабѣетъ, готово бѣжать или сдаться. „Тогда“—рассказываетъ мальчикъ-свидѣтель этой сцены,—„рыжій начальникъ вытеръ свою саблю, всю красную отъ крови, поднялъ ее надъ головою и хриплымъ, страшнымъ голосомъ запѣлъ пѣсню, отъ которой меня подралъ морозъ по кожѣ“. Вся рота подхватила напѣвъ, и—„французы точно взбѣсились“: не стало ни утомленныхъ, ни робкихъ, раненые забыли про свои увѣчья; рота, съ дружнымъ ревомъ могучей пѣсни, бросается на кроатовъ и послѣднимъ отчаяннымъ усилиемъ опрокидываетъ ихъ, гонить предъ собою... „Allons, enfants de la patrie! Le jour de gloire est arrivé!“... Еслибы Наполеонъ III велъ свои войска на пруссаковъ марсельезой, а не маршами изъ оперетокъ Оффенбаха, Франція, быть можетъ, и не испытала бы Седана.

Никакія массовыя впечатлѣнія, пережитыя съ того странного времени, за всю—пеструю, богатую перемѣнами и новыми картинами—жизнь, не могутъ заслонить въ моей памяти этихъ трогательно-величавыхъ молитвъ народныхъ. Недавно, читая Апокалипсисъ, я задумался надъ тѣмъ стихомъ его, гдѣ символическая животныя воздаютъ хвалу и славу Агнцу, и съ голосами ихъ сливаются голоса всей природы. И мнѣ показалось, будто когда-то—не то во снѣ, не то на яву—я что-то подобное слышалъ. Сталъ припомнить, и воображеніе ясно воскресило въ моемъ слухѣ „Спаси Господи“ эпохи славянскихъ увлечений—гармонической, молитвенный воцарѣ благоговѣнаго, восторженного звѣря тысячеголовой толпы...

Звѣрь воцарѣ, стоналъ и плакалъ. Обнаженные головы, серые лица, сверкающіе глаза, часто увлажненные слезами... Среди этихъ тысячъ людей, взрослыхъ и малыхъ, мужчинъ и женщинъ, объединенныхъ и возвышенныхъ общимъ патріотическимъ чувствомъ, стоялъ милѣйшій Н. И. Огаревъ, покойный московскій полицеімейстеръ,—красавецъ-мужчина, обладавшій великолѣпными усами столь необычайной длины, что свободно могъ завязывать ихъ узломъ на затылкѣ. Онъ одинъ оставался въ фуражкѣ, бросая вокругъ себя растерянные взгляды:

— Ну, и служба наша!—говорилъ онъ мнѣ нѣсколько лѣтъ спустя, когда, при первомъ личномъ знакомствѣ, я напомнилъ ему это время.—Снять

фуражку—нельзя: какъ бы то ни было—демонстрація, самовольная, правительствомъ открыто не разрѣшенная,—слѣдовательно, какъ лицо официальное, я не имѣю права участвовать въ ней хотя бы даже снятіемъ фуражки. А, съ другой стороны, какъ же и въ фуражкѣ-то оставаться? Вѣдь кругомъ „Боже, Царя храни“ поютъ, „Спаси Господи“! Да и не камень же я, тоже русскій человѣкъ: и у меня къ славянамъ этимъ душа рвется.

— Какъ же вы, Николай Ильичъ, вышли изъ затрудненія?

— Не я вышелъ, а меня вывели.

— Кто?

— Паренекъ какой-то, спасибо ему. „Чего“,—кричитъ,—„ты, баринъ, стоишь въ шапкѣ?“ Просунулъ руку черезъ толпу, да—какъ ткнетъ меня!—фуражка-то и свалилась... Ну, а ужъ поднимать ея я и самъ не сталъ, а прерадостно перекрестился: стало быть-молъ, судьба такая! Теперь и предъ начальствомъ правъ, и самъ себѣ господинъ! Слава те Господи!—и запѣлъ во все горло вслѣдъ за другими.

Впослѣдствіи, въ Тифлисѣ, при встрѣчѣ съ П. И. Чайковскимъ, я разговаривалъ съ нимъ обѣ его „Двѣнадцатомъ годѣ“, построенному на противопоставленіи темы „Спаси Господи“—для характеристики обороняющейся Россіи—съ темою „Марсельезы“—для характеристики наступающей Франціи. Я спросилъ тогда знаменитаго композитора: не отразились ли въ могучемъ струнномъ унисонѣ, открывашемъ

его увертюру строгою мелодіею молитвы за Царя и отчество, впечатлѣнія славянскихъ дней, когда молитву эту часто, мощно и красиво посылали къ небесамъ тысячи случайныхъ хоровъ, воспламененныхъ патріотически-братолюбивыми порывами?

— Очень можетъ быть,—сказалъ Чайковскій.— Чтобы я руководился этими впечатлѣніями сознательно, не припомню; но въдь на творчество бываютъ и безсознательныя вліянія—отъ далекихъ, но сильныхъ моментовъ жизни, о которыхъ давно уже не думаешь, а между тѣмъ они продолжаютъ жить въ душѣ и неслышно направляютъ ея дѣятельность... Очень можетъ быть... Сцены, о которыхъ вы говорите, производили на меня огромное впечатлѣніе; оно не могло пройти безслѣдно.

Москва временно управляла умами. Аксаковъ гремѣлъ. Пуганыя вороны, что, по пословицѣ, и куста боятся, гадали на кофейной гущѣ: ушлютъ его или не ушлютъ? Но его не усылали: время усыловъ пришло нѣсколько позже. Въ данный моментъ, Аксаковъ, конечно, былъ самымъ популярнымъ человѣкомъ въ Россіи. Былъ одинъ еще популярнѣе, но—его не было на Руси: онъ стоялъ за Дунаемъ подъ турецкими пулями и, съ неопытными, далеко не воинственными новобранцами, да съ горсткою русскихъ добровольцевъ, завоевывалъ свободу Сербіи.

Архистратигъ славянской рати.
Безукоризненный герой,—

славили тогда М. Г. Черняева ходячіе стихи. Его портреты были въ каждомъ домѣ, въ каждой избѣ. За здравіе его служили молебны общества, корпораціи, частныя лица. Можно смѣло сказать: имя Черняева было первымъ военнымъ именемъ, которое, послѣ Севастопольской кампаніи, проникло въ народъ, стало дорого народу, стало „народнымъ“ въ полномъ смыслѣ этого слова. Герои Кавказа, усмирители польского мятежа, сравнительно, безслѣдно скользнули по народному вниманію. Крестовый походъ всегда сильнѣе захватываетъ душу толпы, чѣмъ просто завоевательное движеніе,—и крестовый походъ Черняева къ гробамъ, задушенного турками, славянства всколыхнулъ русскія сердца приливомъ давно небывалой энергіи. Достоевскій вѣщалъ о славянствѣ съ энергией и пламеннымъ краснорѣчіемъ Іезекіилля. *Ossa arida, audite verbum Domini!* Онъ благословлялъ Чернлева, добровольцевъ и защищалъ ихъ со всею своею рыцарскою страстью, фанатическою отвагою противъ, уже начинавшейся, внутренней реакціи въ „славянскихъ симпатіяхъ“, противъ поклоповъ, сплетень, клеветъ, гадкихъ слуховъ австро-германской фабрикаціи. Добровольческое движение было очень вскорѣ осмѣяно, унижено, заплевано. Добровольцевъ оставили пройдохами, пьяницами, отбросомъ Россіи,—кинулись, молъ, въ Бѣлградъ, потому что стали нестерпимы въ отечествѣ. Добровольческие герои—не герои, а ловкіе мазурики, старавшіеся, подъ маскою геройства, обработать темныхъ

дѣлишки. Убили Кирѣева. Народъ толпами сходился въ соборы служить панихиды по убѣенному безкорыстномъ рыцарю славянства, а интелигенція подхихивала:

— Да неужели вы вѣрите, что онъ убить? Просто удралъ въ Америку; вѣдь у него долговъ — счета иѣтъ!..

Однажды я разговорился съ пріятелемъ англичаниномъ о самоуваженіи у разныхъ народовъ Европы: качества этого у насть, русскихъ — увы! столь мало, что, пожалуй, его даже иѣть вовсе. Изъ всѣхъ самооплесвателей, мы, русскіе — наиболѣе чистой крови.

— Этого мало, — сказалъ мой пріятель. — Видите ли: самооплесватели имѣются въ каждой націи. Но самооплесатель-англичанинъ, иѣмецъ, французъ — хоть илюютъ, но затѣмъ на себя не любуются. Русскій же мало, что оплюетъ себя, а еще къ зеркалу пойдетъ провѣрить: не осталось ли гдѣ, сохрани Боже, чистенькаго мѣстечка? Да еще и въ зеркало-то илюнетъ... для финального аккорда!..

Слава памъ! въ поганой лужѣ
Мы давно стоимъ
И — „что далѣе, то хуже!“ —
Радостно твердимъ...

пронически восклицать поэты шестидесятыхъ годовъ. Эта радостная увѣренность, что у насть вѣчно и неизмѣнико примѣнимъ законъ „чѣмъ далѣе — тѣмъ хуже“, эта болѣзненная страсть къ самооплесванію себя, даже въ зеркаль, положили свое недостойное клеймо и на великое дѣло Чернышева.

— Ха-ха-ха! Крестовый походъ? Просто забулдышная шайка людей безъ опредѣленныхъ занятій!.. Развѣ у насть могутъ быть крестовые походы?

— Ха-ха-ха! Русскій Гарибальди? Готфридъ Бульонскій? Просто непризнанный геній, министръ безъ портфеля, отставной генералъ-майоръ Черняевъ, оставшійся не у дѣлъ и не въ фаворѣ у начальства, неудачный издатель „Русскаго Мира“... Развѣ у насть могутъ быть свои Гарибальди?

Забывали только одно: что и „настоящіе“ крестовые походы создались „людьми безъ опредѣленныхъ занятій“, — рыцарство потянулось въ Палестину уже послѣ, а сытые буржуа такъ и просидѣли все время дома. Забывали также, что и „настоящій“ Гарибальди, до своей знаменитой „тысячи“, былъ непризнаннымъ геніемъ, изгнаникомъ, не у дѣлъ и не въ фаворѣ не только у „начальства“, но и у всей реакціонной Европы. Черняевъ, побѣдитель Туркестана, приступалъ къ освобожденію Сербіи куда съ большими багажомъ военныхъ часлагъ за плечами, чѣмъ Гарибальди — къ освобожденію Италіи. Но такъ какъ Гарибальди былъ чужой, а Черняевъ свой, и иѣть пророка въ своемъ отчествѣ, то вотъ — и на ряду съ общенароднымъ энтузіазмомъ, сквозь „Спаси Господи“ и „Маршъ Чарняева“, то и дѣло раздавались шипящія иотки:

— А вотъ турки пакостыляютъ имъ шеи... пьяницамъ! И по-дѣломъ: будутъ знать, какъ соваться, куда ихъ не спрашивали!.. пьяницы!

Къ статьѣ „О Черняевѣ“.

Михаилъ Дмитріевичъ
Скобелевъ.

И когда, послѣ побѣдѣ при Алексинцаѣ, стали изнемогать сербо-руссія силы, когда наступили грозные дни Дюниша, шипящія нотки возвысились до оглушительного торжествующаго *forte*, восклицая:

— Не мы ли говорили? Не мы ли предостерегали? Не мы ли предсказывали? Опь просто авантюристъ, вашъ хваленый Черняевъ! Онъ осрамилъ Россію на всю Европу, съ своими пьяницами...

Не было популярности, истинно лѣвицкой популярности, по которой, когда окончилась сербская кампанія, стукнуло бы столько ослиныхъ коныть, какъ по Черняевской. Въ Россіи Черняевъ былъ встрѣченъ холоднымъ недоумѣніемъ, чутъ не опалою: съ нимъ какъ будто не знали, что дѣлать, куда дѣвать этого отставнаго генерала, вдругъ ии съ того, ии съ сего, вопреки всякому резонному порядку производства, вышедшаго въ неуказанный чинъ „народнаго героя“, „русскаго Гарибальди“. Въ русско-турецкой кампаніи Черняевъ проходитъ, какъ блѣдная тѣнь: онъ не дѣйствуетъ, а числится. Его положеніе въ эти годы тяжело и двусмысливо; точно „народный герой“ заживо погребенъ въ свое мѣсто отечествъ, точно ему говорить:

— Ну, гдѣ вамъ въ настоящее дѣло? Это, сударь мой, не сербскія бирюльки! Попалили, напумѣли,— и довольно!... Хе-хе-хе!... Русскій Гарибалльди!

Холодно встрѣченный въ „сферахъ“, Черняевъ не былъ утѣшеннъ и обществомъ. Самая могучая по вліянію, партія либеральной печати была противъ

славянского дѣла, противъ вмѣшательства въ него Россіи и русскихъ. Рѣзкое, безпощадное остроуміе Щедрина придало къ имени Черняева ироническую кличку „странствующаго полководца“. Интелигенція шла, въ огромномъ болѣшинствѣ, за этой партией. Когда толпа кричала Черняеву „ура“, все, что считало себя выше толпы, корчило саркастическая улыбки. Непрочна оказалась популярность Черняева и въ народѣ—и, на этотъ разъ, уже не по винѣ Черняева или народа, а просто потому, что маленькая сербская война стала въ ближайшее сосѣдство съ великою русско-турецкою войною, и впечатлѣнія первой утонули въ впечатлѣніяхъ второй безъ слѣда и памяти: славянскій ручей исчезъ въ русскомъ морѣ. Огромное имя Скобелева, почти внезапно вынывшее изъ незвѣстности и ставшее надеждою не только Россіи, но и всего славянства, заслонило Черняева своею громадою. Масса нашла себѣ новый кумиръ, сосредоточила свои идеалы и свою любовь на новомъ божкѣ. Черняевъ исчезъ за Скобелевымъ, какъ звѣзда въ свѣтѣ восходящаго солнца. Съ появлениемъ Скобелева, онъ могъ бы сказать о себѣ трогательными словами Иоанна Предтечи: „Ему—расти, ми же умаляться“. Шибка и Зеленая Горы затмили Алексинацъ и Дюнинъ, а Геокъ-Тене—далекую, полузабытую, за быстрымъ лѣтомъ исторіи, средне-азіатскую кампанію Черняева, подарившую Россіи Ташкентъ съ цѣлымъ Туркестаномъ.

Я человѣкъ не военный, и не мигъ проводить параллели между Скобелевымъ и Черныевымъ. На гробнице первого лежитъ вѣнокъ отъ военныхъ, атестующій покойнаго, какъ полководца, „Суворову равнаго“. Слѣдовательно, нашему брату остается лишь молча преклониться предъ авторитетомъ сословія, болѣе компетентнаго въ данномъ случаѣ. Но—при всемъ глубокомъ уваженіи къ памяти безвременно погибшаго русскаго героя,—на нашъ штатскій взглядъ, Черныевъ, къ моменту смерти своей полу забытый, оставленный какъ бы не у дѣлъ, врядъ ли уступалъ Скобелеву и въ талантѣ, и въ мужествѣ, и въ практической плодотворности своей дѣятельности вождя русскихъ ратей. Герои бываютъ разные. Исторія знаетъ героевъ-полубоговъ, героевъ-чудаковъ, героевъ-нев замѣтныхъ. Скобелевъ принадлежалъ къ первому разряду. „Бѣлый генералъ“, верхомъ на бѣломъ конѣ, летящій въ пороховомъ дыму, подобно иѣкоему демону войны, ослѣпительно — великолѣпенъ.

Его глаза

Сияютъ. Ликъ его ужасенъ.
Движенія быстры. Онъ прекрасенъ.
Онъ весь — какъ Божія гроза!

Онъ поражаетъ воображеніе, покоряетъ умъ, береть въ плѣнъ прежде, чѣмъ вы опомнились и собрались защититься отъ него анализомъ. Равень или иѣть Скобелевъ Суворову, это опять специально военный вопросъ, но—что онъ былъ, дѣятель-

но, и запечатлѣлся въ памяти народной героемъ именно тиша суворовскаго, тиша „екатерининскихъ орловъ”, — это несомнѣнно.

Ступитъ на горы,—горы трещать,
Ляжетъ на море,—бездны кипятъ,
Граду коснется,—градъ упадаетъ,
Башни рукою за облакъ кидасть!

Скобелевъ уже при жизни сталъ фигурою эпическою.

— Когда я пробую вообразить себѣ Льва Толстого,—говорилъ мнѣ одинъ русскій романистъ, никогда не видавшій въ лицо великаго писателя земли русской,—мнѣ становится жутко: мнѣ кажется, что у него во-о-отъ какая голова...

И онъ описывалъ огромный кругъ обѣими руками. Попробуйте вообразить Скобелева, котораго специальное значеніе для современнаго военнаго, пожалуй, не менѣе, чѣмъ для настѣ, людей мирной мысли, значеніе графа Льва Николаевича. Онъ тоже представится вамъ человѣкомъ не въ обыкновенный ростъ, а скорѣе конною статуею какою-то, вродѣ монумента Николая I на Исаакіевской площади. Человѣкъ театральнаго апоѳеоза. На него какъ будто свѣтить электрическое солнце, вокругъ него пылаютъ бенгальскіе огни, дымятъ плюшки и цветные фонари. Скобелевъ умѣть побѣждать и умѣть эффектно пользоваться побѣдою. Послѣ него не осталось маленькихъ дѣлъ, словно каждый шагъ свой онъ дѣлалъ подъ увеличительнымъ стекломъ. Опять зналь себѣ

цѣну,—свойство, необычайно рѣдкое среди русскихъ. Были случаи, когда Скобелевъ, что называется, „заносясь“, цѣнилъ себя выше, чѣмъ позволяли обстоятельства, но ниже—никогда. Гордый, мужественный, холодный и въ то же время веселъчивый, эфектный красавецъ—герой, онъ навсегда останется въ русскомъ пантеонѣ, какъ блестательный образецъ самосознавающаго таланта, полнаго необыкновенныхъ силъ и глубокаго къ нимъ уваженія. Скобелевъ—быть—можетъ, больше всѣхъ русскихъ героевъ—человѣкъ съ чувствомъ собственнаго достоинства.

Въ разрѣзъ съ этою блестящею, но исключительнойю фігурою, русскій герой, обычно, совсѣмъ не эффектенъ. „Хотя орудія Тушина были назначены для того, чтобы обстрѣливать лощину, онъ стрѣлялъ брандскугелями по виднѣвшейся впереди деревнѣ Шенграбенъ, предъ которой выдвигались большия массы французовъ. Никто не приказывалъ Тушину, куда и чѣмъ стрѣлять, и онъ, посовѣтовавшись со своимъ фельдфебелемъ Захарченкомъ, къ которому имѣлъ большое уваженіе, рѣшилъ, что хорошо было бы вожечь деревню“. Благодаря Тушину, не получившему приказаний, куда и чѣмъ стрѣлять, но, по вдохновенію и инстинкту таланта, стрѣлявшему имению туда и именно тѣмъ, куда и чѣмъ надо было, русскіе выиграли у французовъ шенграбенское дѣло. Тушинъ—герой. Однако, за геройство свое, понятое лишь однимъ княземъ Андреемъ Болконскимъ, онъ не только не получилъ ни славы, ни

почести, но, не заступись за него тотъ же князь Андрей, попалъ бы подъ жесточайшій начальствен-ный выговоръ. Ибо, во-первыхъ, герой этотъ—типич-ный русскій герой—по скромности природной, герой-ства своего отрекомендовать не въ состояніи. А во-вторыхъ—сь виду онъ михрютка, и, начни онъ рас-писывать свои подвиги, никто ему не повѣрить даже: развѣ-моль такие герои бывають? Горы подъ нимъ не трещать, бездны не кипятъ, башенъ за облакъ онъ не кидаетъ, ни подъ нимъ бѣлаго коня, ни на немъ бѣлаго съ иголочки кителя...

— Солдаты говорять: разумши ловчье!—робко улыбается онъ въ отвѣтъ на упреки за неимѣніе геройскаго вида, доведенное даже до иеношенія ботфорть. И, „разумши“, идетъ онъ себѣ подъ пулями въ раскаленные пески Средней Азіи, въ снѣжныя траншеи на гору св. Николая, съ одинаковымъ равнодушіемъ терпя голодъ, холодъ, смертную опас-ность, никогда не уступая ни пяди врагу, спокой-но побѣждая, безъ трепета и сожалѣнія къ себѣ умирая, побѣжденный. Это—тотъ русскій герой, котораго, говорилъ Наполеонъ, „мало убить, а надо еще повалить, чтобы онъ упалъ“. Этотъ герой во-дится одинаково во всѣхъ слояхъ русскаго воин-ства: много Тушиныхъ-солдатъ, Тушиныхъ-офице-ровъ, есть и Тушины-генералы. Однимъ изъ послѣд-нихъ,—представляется мнѣ,—былъ и покойный Михаилъ Григорьевичъ Черняевъ.

Если разобрать его военную карьеру, какъ полко-

водца, она была—силошной Шенграбенъ. Въ Средней Азії онъ, по вдохновенію, „безъ спроса“, тоже посовѣтовавшись со своими Захарченками, беретъ Чимкентъ и, поразивъ туземцевъ почти сувѣрнымъ страхомъ предъ своею удачей, завоевываетъ Туркестанъ. Онъ награжденъ государемъ, но попадаетъ на дурной счетъ у начальства, не желавшаго простить Черняеву, что онъ стрѣлялъ не по предписанію, но—куда и чѣмъ считали полезнымъ. Черняевъ въ отставкѣ, Черняевъ бездѣйствуетъ. Что онъ герой, знаетъ весьма незначительное число „князей Андреевъ“,—знаетъ Аксаковъ и ведомая имъ группа патріотовъ—славянофиловъ, знаетъ Царь-Освободитель, знаетъ его Наслѣдникъ, будущій обновитель русскаго націонализма, чувствуетъ народъ. Масса—же спеціалистовъ и интелигентовъ на него, что называется, фыркаетъ. —Черняевъ—герой? Ха-ха-ха. Полно вамъ! не смѣшите! Ну, онъ молодецъ, хороший генералъ, честный служака, но—герой?! Подумайте, какое это слово! Развѣ такие герои бываютъ?.. Начинается славянское движение, сербская война, добровольцы, и—словно волна какая вынесла и поставила во главѣ минуты не кого другого, а почему-то вотъ именно этого смириаго, умнаго, „непохожаго на героя“, генерала Черняева. И имя его оказалось странно знакомо и пріятно народу, довѣрившему ему вести своихъ дѣтей въ бой на чужбинѣ за чужой народъ, подъ личною и единственою его, Черняева, отвѣтственностью.

Да! Черняевъ былъ однимъ изъ немногихъ русскихъ людей, которые съ гордымъ правомъ могутъ сказать о себѣ:

— Моя родина вѣрила мнѣ на слово!..

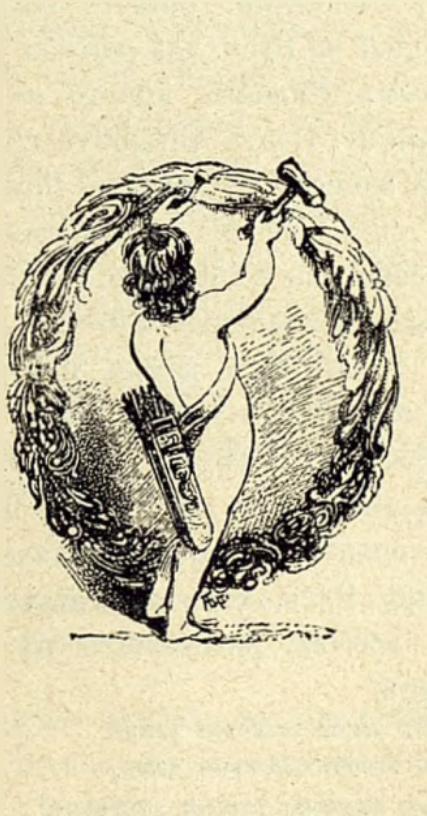
И оиять — Шенграбенъ. Своимъ военнымъ инстинктомъ и русскимъ чутьемъ, Черняевъ понялъ, что, въ моментъ кризиса на Балканскомъ полуостровѣ, надо овладѣть сербскимъ движениемъ не кому другому, а именно Россіи. И — такъ какъ сама Россія не имѣеть еще возможности открытаго вмѣшательства, а нарывъ броженія славянскихъ народцевъ слишкомъ назрѣлъ и, того и гляди, лопнетъ, не дождавшись такой возможности,—то надо, стало быть, сдѣлать такъ, чтобы дѣло осталось русскимъ, хотя бы и неофиціально, въ русскихъ рукахъ и подъ русскимъ руководствомъ. И вотъ отставной генераль-майоръ Черняевъ превращается въ странствующаго полководца Черняева. Подъ тучею нареканій, насмѣшекъ, упрековъ, недоброжелательства сербовъ и многихъ русскихъ, при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, онъ дерется, побѣждаетъ, побѣжденъ, но добивается своего: сослужилъ онъ службу славянамъ, а вдвое большую Россіи. Онъ воскресилъ ея престижъ, какъ законной защитницы балканскаго славянства, онъ вновь обратилъ къ ней взоры, просыпающихся къ независимости, государство и какъ бы предсоздалъ изъ нихъ то, чѣмъ и быть имъ должно: аванпосты славянства и православія на вѣковомъ пути къ Константинополю.

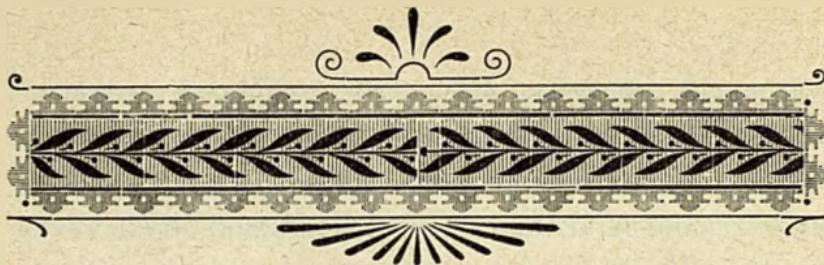
„Черняева,—писалъ въ 1876 г. Достоевскій,—даже и защитники его теперь уже считаютъ не гениемъ, а лишь доблестнымъ и храбрымъ генераломъ. Но одно уже то, что въ славянскомъ дѣлѣ онъ сталъ во главѣ всего движенія—было уже геніальнымъ прозрѣніемъ; достигать же такихъ задачъ дается лишь геніальнымъ силамъ“.

Генераль-Тушина, генералъ безъ честолюбія, сказывался въ Черняевѣ послѣ каждого его крупнаго дѣла. Послѣ Средней Азіи—не оцѣненъ, послѣ Сербіи—забвенъ. Но вѣдь это такова уже судьба русскаго народнаго героя. Вѣдь и первый изъ нихъ, чудо богатырей, Илья-Муромецъ, если татаровей не колотитъ, то больше у князя Володимера, подъ тремя замками, въ погребу за неучтивость сидитъ, да, въ усмиреніе сердца гиѣвнаго, книгу священную читаетъ. Русскій народный богатырь—въ мирное время—существо ужасно громоздкое и неудобное. „Хорошъ жемчужокъ да не знаешь, куда его спрятать, ни въ коробѣ не лѣзетъ, ни изъ короба не идетъ“. Даже Скобелевъ, который былъ въ глазахъ общества много крупнѣе и нужнѣе Черняева, оказался, какъ выражаются поляки, „непрітыкальнымъ“, когда взятиемъ Геокъ-Тене покончилъ съ карьерою героя и долженъ былъ обратиться въ генерала, мирно командующаго своею частью. Онъ мечется, какъ рыба на пескѣ, будириуетъ, дружитъ съ Гамбеттою, носится съ идеей реванша и франко-русской дружбы, пугаетъ Германію и, въ концѣ-кон-

цовъ, умираеть, буквально, задохнувшись отъ тоски бездѣйствія. Трагический типъ такого героя не у дѣлъ великолѣпно создалъ Лѣсковъ въ лицѣ генерала Перлова, цѣликомъ списаннаго съ знаменитаго воителя Севастопольской кампаниіи, Степана Александровича Хрулева. „Самъ не знаетъ, на какой гвоздокъ себя повѣсить. Службу ему надо, да чтобы биаь начальства, а такой еще нѣтъ. Одно бы развѣ послать его съ особой арміей въ центральную Азію разыскать жидовъ, позабытыхъ въ плѣну Зоровавелемъ. Это бы ему совсѣмъ по шерсти,—такъ вѣдь не посылаютъ“. Шутка Лѣскова оказалась пророческою, когда состоялась экспедиція въ Геокъ-Тепе, гдѣ, именно, — предполагается, — и забыть Зоровавель своихъ жидовъ. И, конечно, эта экспедиція тому же Скобелеву сберегла нѣсколько мѣсяцевъ его короткой жизни, приспособленной къ трудамъ и опасностямъ, угасающей безъ нихъ, какъ лампа безъ масла. Время Александра I, Николая I, начало царствованія Александра II имѣло для подобныхъ натуръ спасительный клапанъ: Кавказъ съ его вѣчною, непрерываемою, азіатскою войною. Тамъ находили свое дѣло и душевное успокоеніе старинные Хрулевы, Черняевы, Скобелевы, Слѣпцовъ, Зассы, Пассеки и др. Но Кавказъ усмиренъ уже четыре десятка лѣтъ, Средняя Азія покорена сравнительно малыми усилиями—клапанъ слишкомъ незначительный для такой огромной машины, какъ русская армія; внѣшній врагъ, вотъ уже двадцать

лѣть, не опасенъ. Русскому военному таланту, такимъ образомъ, приходится либо становиться теоретикомъ, либо, если онъ талантъ дѣйствія по преимуществу, изнывать въ бессильной тоскѣ своей непріложимости, какъ изнывалъ въ свое время Ермоловъ на московскомъ насильственномъ своемъ покоѣ: какъ изныть и сошель на нѣтъ Хрулевъ; какъ, въ сущности, несмотря на свои генераль-губернаторства, сошель на нѣтъ и Черняевъ; какъ, быть можетъ, сошель бы, мало - но - малу, и самъ Скобелевъ, не возьми его съ земли довременная могила.

Памяти Полонского.

I.

Скончался Полонский. Немного найдется грамотныхъ людей на Руси, для кого бы вѣсть эта оказалась темнымъ, словомъ, ничего не говорящимъ мысли и чувству. Поэтъ четырехъ поколѣній, кому не быть онъ знакомъ съ лѣстницей? Кому изъ настѣ, на зарѣ нашей грамотности, не рассказалъ онъ, черезъ Паульсона или Ушинскаго, о томъ, какъ „ночью въ колыбель младенца мѣсяцъ лучъ свой заронилъ“, о томъ, какъ камни пустыни грянули „аминь“ въ отвѣтъ на вѣщее слово Бѣды-проповѣдника о Богѣ, распятымъ за наши грѣхи? Кто изъ настѣ, въ юности, не грустилъ и не смѣялся до слезъ надъ похожденіями „Кузнецика-музыканта“? А неграмотная Русь, хоть и не дошло до нея имя Полонского, все же распѣваетъ въ медвѣжьихъ углахъ своихъ:

Въ одной знакомой улицѣ,
Я вспомню старый домъ,
Съ высокой, темной лѣстницей,
Съ завѣшаннымъ окномъ...

Либо поеть про русую головку, мелькающю въ тѣни за окномъ; либо—про костерь цыганки, что „въ туманѣ свѣтить, искры гаснуть на лету“...

Ушелъ изъ міра „сей осталъной изъ стан славной!..“ Смерть Полонскаго вызываетъ не острую, жгучую скорбь съ ропотомъ на судьбу, порвавшую нить жизни талантливаго человѣка,—жизнь поэта была долгая, обильна трудомъ и плодоносна; закрывая глаза, онъ, съ чувствомъ глубокаго удовлетворенія нравственнаго, могъ сказать о себѣ, что „свершилъ въ предѣлѣ земномъ все земное“.

Якова Петровича причисляли къ лицу „парнасцевъ“ русской поэзіи. Когда надо было укорить послѣднюю за, выѣдрившуюся въ нее, „тенденцію“ и „гражданскую скорбь“.—въ числѣ другихъ жрецовъ „чистой поэзіи“, выставлялось имя Полонскаго—выставлялось почетно, на одномъ изъ первыхъ мѣстъ. Майковъ, Полонскій и Фетъ лѣтъ тридцать подъ рядъ провозглашались, какъ бы знаменоносцами „искусства для искусства“. На пятидесятилѣтнемъ юбилеѣ Полонскаго Майковъ торжественно провозгласилъ

тостъ примѣрный
За поэтическій, нашъ вѣрный,
Нашъ добрый троицествій союзъ!

Однако, я смѣю думать, что въ союзѣ этомъ Я. П. Полонскій, особенно въ позднѣйшій періодъ жизни, послѣ 60-хъ годовъ, состоять членомъ скорѣе по

равенству лѣть, по дружбѣ юности, по воспоминаніямъ вмѣстѣ пережитого романтизма тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ, чѣмъ по наклонностямъ своей музы. Уступая въ пѣсняхъ своихъ Майкову изяществомъ формы. Фету роскошью образовъ, онъ, безспорно, превосходилъ обоихъ глубокою человѣчностью своей поэзіи, близостью ея къ міру сему. Нѣтъ, онъ не парнасецъ—онъ нашъ, кость отъ кости и плоть отъ плоти нашей, съ людьми жилъ, людское творилъ и о людскомъ говорилъ. Онъ нѣвецъ не „чистаго“, но чистоплоннаго искусства; его вдохновенія не касались грязи земной, но не брезговали ею, не надмевались съ олимпійской высоты надъ бѣдными и скорбными дѣтьми Прометея. Полонскій любилъ русское общество, страдалъ и радовался съ нимъ, переживалъ всѣ его настроенія и отзывался на нихъ, какъ чуткое эхо...

Писатель, если только онъ—
Волна, а океанъ—Россія,
Не можетъ быть не возмущенъ,
Когда возмущена стихія!
Писатель, если только онъ
Есть первъ великаго народа,
Не можетъ быть не пораженъ,
Когда поражена свобода!

Таково поэтическое исповѣданіе вѣры Полонскаго. Роль писателя, какъ „нерва человѣчества“, онъ подчеркивалъ неоднократно,—напр., въ драматическомъ этюдѣ, гдѣ изобразилъ онъ умирающаго

Бълинского. И, нельзя не сознаться, что и по темамъ своимъ, и по сочувствію къ темамъ, онъ такъ же часто протягиваетъ руку Некрасову, съ которыми не дружилъ, какъ и Майкову съ Фетомъ, съ которыми числился въ „тройственномъ союзѣ“. Пѣвецъ живыхъ и чуткихъ настроеній, онъ правильно характеризовалъ себя:

Мое сердце—родникъ, моя пѣсня—волна.
На просторѣ она разливается.
Подъ грозой моя пѣсня, какъ туча, черна,
На зарѣ—въ ней заря отражается!

И грозы, и зори русской жизни проходятъ въ пѣснѣ Полонского, какъ въ нѣсколько туманномъ, но не лицемѣрномъ зеркалѣ. Онъ не былъ рожденъ для битвъ, но не могъ ограничиться и сферою однихъ лишь звуковъ сладкихъ. Больше того: въ мысляхъ своихъ, въ самосознаніи своеемъ, поэт-бойца онъ ставитъ выше себя: таково смиренное признаніе его въ извѣстномъ посланіи къ И. С. Аксакову. Борьба со зломъ досталась другимъ; на долю Полонского выпала скорбь о „цареваніи зла“ и сочувствіе усилиямъ добра. Пусть другіе—солдаты, онъ—честный братъ милосердія; другіе наносятъ и получаютъ раны—онъ ихъ перевязываетъ, ходить за больными, утѣшаетъ ихъ, ободряетъ.

Недаромъ Полонскій былъ такъ дружески близокъ съ Тургеневымъ. Онъ самъ—тургеневскій герой. Если бы Лаврецкій сталъ литераторомъ, онъ

писалъ бы, какъ Полонскій. Въ стихахъ Якова Петровича часто звенятъ ноты „Лишняго человѣка“:

...Проклятый червякъ
Въ сердцѣ упиться не можетъ никакъ:
 То ли онъ старую рану тревожить,
 То ли онъ новую гложеть?

Полонскій пережилъ всю исторію нашей юной гражданственности — весь „послѣ-пушкинскій“ періодъ русской культуры. Пережилъ, какъ уже замѣтилъ я, чутко и отзывчиво. Тутъ и севастопольскіе громы, и польское возстаніе, и эпоха реформъ, и франко-прусская война, и славянское движеніе, и смута семидесятыхъ годовъ, и Царь-Миротворецъ... И на всемъ огромномъ протяженіи этихъ полосъ и эпохъ лира Полонского ни разу не издала фальшиваго звука; поэтъ не сказалъ ни одного слова неискренняго, притворно вымученного изъ себя въ угоду вѣяніямъ вѣка. Онъ весь — то, что онъ чувствуетъ: всегда и во всемъ — человѣкъ убѣжденія, носимаго иѣсколько пассивно, но неизмѣнно. И всѣ его убѣжденія озарены какимъ то незакатнымъ свѣтомъ любви къ человѣку, прощенія его ошибокъ, надежды на лучшее будущее общества, вѣры въ правду, разумъ и добро природы человѣческой.

Чистымъ поэтомъ являлся Полонскій лицомъ къ лицу съ природою, которую онъ боготворилъ съ энтузіазмомъ истаго пантеиста-романтика, воспитанного наслѣдіемъ Гете и Шиллера. Мнѣ нѣтъ нужды напоминать безчисленные перлы, порожден-

ные общеніемъ поэта съ видимымъ міромъ: они разсыпаны въ каждой христоматіи... Но даже, уходя въ эти прекрасныя впечатлѣнія, онъ не утопалъ въ нихъ до самозабвенія, какъ утопали Фетъ, Щербина, Майковъ, Мей. Въ страстию любимой имъ Италіи, Полонскій, среди чудесъ природы и искусства, не въ силахъ позабыть страданій этой, въ ту пору угнетенной, страны, не въ силахъ онъ позабыть ея стона и ея насильниковъ. Гдѣ люди страдаютъ, туда тянетъ его, съ его слезами и съ его пѣснею. Онъ не можетъ равнодушно пройти мимо страдальца, хотя бы тотъ былъ и изъ чужаго ему лагеря общественнаго. На смуту семидесятыхъ годовъ онъ, какъ патріотъ-государственникъ, отвѣчалъ стихами иорицациія, — но въ то же время плакалъ надъ жалкими судьбами, сбитой съ политическаго толка, молодежи.

Что миѣ она? Не жена, не любовница,
И не родная миѣ дочь...
Такъ отчего жъ ея доля проклятая
Спать не даетъ миѣ всю ночь?
Спать не даетъ оттого, что миѣ грезится
Молодость въ душной тюрьмѣ...

Гражданинъ-романтикъ, поэтъ до глубины души и рыцарь человѣчества — вотъ точное опредѣленіе Полонскаго. Быть можетъ, онъ былъ больше Донъ-Карлосомъ, чѣмъ маркизомъ Позою, больше человѣкомъ чувства, чѣмъ дѣятельной энергіи. Но — „человѣкъ онъ былъ!“ — и въ этомъ его высокое значеніе. Его пассивная, безкорыстная любовь къ міру

была сильнейшимъ укоромъ озлобленію желѣзного вѣка, чѣмъ самая рѣзкая и энергичная сатира. Не въ силѣ Богъ, а въ правдѣ,—говорить старая истина. Покойный поэтъ не былъ богатыремъ силы, за то правда несомнѣнно жила неразлучно съ Полонскимъ. И Богъ былъ съ нимъ, и къ Богу правды онъ теперь возвратился. „Подвигомъ добрымъ подвизахся!“—вотъ эпиграфъ къ жизнеописанію и надгробіе на могилу его.

II.

Сегодня—„послѣдняя пятница Полонскаго“. Затѣмъ онъ землею станетъ и въ землю отойдетъ.

Пятницы Полонскаго—кто не зналъ ихъ въ петербургскомъ литературномъ и артистическомъ мірѣ? „Журъ-фиксъ“ въ столицѣ много, но пятницы Полонскаго были во множествѣ этомъ явленіемъ совершенню исключительнымъ. Отъ нихъ вѣяло сороковыми годами, „кружкомъ in der Stadt Moskau“, который, съ такою мучительною любовью, съ такимъ любовнымъ самоиздѣвательствомъ, описалъ Тургеневъ въ „Гамлетѣ Щигровскаго уѣзда“. Всякий разъ, что случалось мнѣ попадать на эти пятницы, я выносилъ одно и то же неизмѣнное впечатлѣніе.

— Вонъ этотъ старикъ—превосходительство, ворочаетъ цѣлымъ департаментомъ; вонъ отъ этого высокопревосходительства, говорятъ, зависить добрая половина всей русской политики; тотъ стоитъ

во главѣ могучаго изданія; тотъ—несмѣтный бояръ, руководитель колоссальныхъ финансовыхъ предпріятій... Какое же чудо подняло ихъ всѣхъ на четвертый этажъ дома на углу Знаменской и Бассейной, собрало вмѣстъ въ скромной квартирѣ старого поэта, больного человѣка на костыляхъ, зябко дремлющаго въ креслахъ, подъ тяжелымъ плѣдомъ? И отчего всѣ эти высоко и просто пре-восходительства здѣсь совсѣмъ не тѣ Юпитеры, какими знаютъ ихъ не только ихъ собственныя вѣ-домства и департаменты, но даже обыкновенная „улица“,—а живые, симпатичные, теплые люди, съ кроткою рѣчью, съ мягкими взглядами, съ почти нѣжнымъ обращеніемъ другъ къ другу? И на насть,—сравнительно, молодежь,—они смотрять ласково: мы другого поколѣнія, другого общества, но насть слушаютъ, насть терпятъ, съ нами спорятъ и соглашаются. Мы, взаимно чуждыя всюду, здѣсь свои, равные,—точно студенты разныхъ выпускъ на общемъ университетскомъ празднике.

Общество русское—великая ночь. Много-много путниковъ заблудилось въ ся тьмѣ. Они бродятъ ощупью, скорбятъ, злобятся, боятся: столкнувшись во мракѣ, принимаютъ другъ друга за враговъ и злоумышленниковъ, ненавидятъ, борются, уничтожаютъ другъ друга. Но вотъ—блеснула вдали яркая точка. Это—костеръ въ степи, а вокругъ него чумаки расположились мирными отдыхомъ. И идуть на свѣтъ костра, на чумацкую заунывную пѣсню.

утомленные тьмою, люди. И вотъ—сошлись они, приглядѣлись другъ къ другу и видяты: напрасны были страхи, обиды, угрозы; нѣтъ ни разбойниковъ, ни ненавистниковъ, все—своя братья, все люди-человѣки. И отдыхаетъ душою измаянныи путникъ, и мирно калякастъ съ такимъ же, какъ самъ онъ, странникомъ, и пить съ нимъ дорожную чарку. А костеръ грѣеть... а чумаки поютъ... а звѣздочки теплятся... а гѣсня звенитъ и плачетъ...

Именно такимъ костромъ въ ночи былъ для Петербурга домъ Я. П. Полонскаго. „Не для житейского волненья, не для корысти, не для битвъ“ сбирали къ себѣ маститый поэтъ неструю массу своихъ почитателей. Сходились—погрѣться отъ душевнаго тепла, заимствовать иѣсколько лучей отъ „тихаго свѣта святой славы“, что бережно пронесъ любвеобильный старецъ черезъ всю свою многослѣтию жизнь. Около него молодѣли и освѣжались. Лежневъ,—давнымъ-давно превратившійся въ кулака-помѣщика, денно и нощно мечтающаго, какою бы каверзою угостить ему каверзниковъ же мужиковъ,—снова превращался въ того Лежнева, что когда-то ходилъ на свиданія съ молодою липою въ своеемъ московскомъ саду; Рудины, выродившиеся въ толкователей „входящихъ и исходящихъ“, вспоминали братство и рѣчи своей молодости,—и мы вновь видѣли ихъ, съ пламенемъ въ глазахъ, съ гордо поднятymi, съ докудрыми головами, съ вдохновеннымъ словомъ,—„точно Демосѳенъ на берегу шумя-

щаго моря". Самъ Я. П. Полонскій напоминаетъ того скромнаго Покорскаго, который скрывался, въ молчаливой кротости духа своего, какъ бы въ тѣни, за эффектными Рудиnymи, за остроумными Щитовыми и т. д., но безъ котораго не было бы ни Рудиныхъ, ни Лежневыхъ, ни Щитовыхъ, потому что онъ-то—всему рою и матка: тихая, но вѣриная пружина всей машины, носитель идеаловъ и традицій, связующихъ общество. Встрѣтишь старого товарища,—говорить Тургеневъ,—совсѣмъ озвѣрѣлъ человѣкъ, шерстью обросъ, а напомнишь ему имя Покорскаго,—глядь, другой человѣкъ становится, точно въ скверной душной комнатѣ вдругъ нечаянно разлили склянку съ духами. Я увѣренъ: такою благодѣтельною склянкою съ духами, въ удушиливой атмосферѣ петербургской интелигенціи, надолго останется и имя Я. П. Полонскаго. Много лѣтъ воспоминаніе о любвеобильтномъ старцѣ будетъ ободрителемъ духа для людей колеблющихся, готовыхъ поступиться стыдомъ и совѣстью въ безъисходной борьбѣ житейской; на многое стыдное не поднимется рука, которую дружески жаль Полонскій.

— Іду къ Полонскому,—помню, сказалъ мнѣ, съ мрачнымъ видомъ, одинъ талантливый поэтъ русскій, въ какую-то изъ пятницъ.

— Зачѣмъ?

— На душѣ скверно... для нравственной дезинфекци...
И я поѣхалъ съ нимъ, потому что и у меня

на душъ было скверно, и жизнь была темна и противна, и мнѣ хотѣлось нравственной дезинфекціи... И—Богъ знаетъ, какимъ чудомъ: вѣдь ни о чёмъ особенномъ мы не бесѣдовали, никакихъ изліяній не творили, этическихъ вопросовъ не поднимали, исповѣдываться не исповѣдывались,—а получили, чего желали: вышли отъ Полонского бодрѣе духомъ, свѣтлѣе взглядами на жизнь. Онъ создалъ вокругъ себя какъ бы очищающую атмосферу. Кто вѣкъ свой живеть въ клоакѣ, отъ того не можетъ пахнуть розами, но кто проводить весь день своей въ храмѣ, тотъ и самъ неизбѣжно пропитается святынею єинміама, и другимъ его передастъ.

— Есть такое вещество, Гарри,—говорилъ веселому принцу Галю сэръ Джонъ Фальстафъ,—которое многимъ изъ обитателей нашего королевства известно подъ именемъ „дегтя“. И деготъ, какъ увѣряютъ некоторые древніе писатели, маѣтъ. Таково, другъ мой, и общество, въ которомъ ты врачаешься.

Противовѣсомъ дегтию общественному,—разлитому одинаково во всѣхъ сферахъ жизни, здѣсь побольше, тамъ поменьше—и были кроткія, идеалистическая бесѣды Полонского. За тѣмъ-то—отмыться отъ налишаго на душу дегтя—и шли къ нему журналистъ, художникъ, администраторъ, артистъ, чиновникъ, студентъ, курсистка, министръ, приказчикъ-самоучка, офицеръ,—вся кипень и нестрядь моря житейскаго.

Сегодня нестричь эта соберется вокругъ почившаго, древняго лѣтами друга своего, въ его урочный день, увы! въ послѣдній разъ. Онъ не встанетъ на встрѣчу дорогимъ гостямъ на своихъ, всѣмъ знакомыхъ костыляхъ, не встрѣтить ихъ привычнымъ разсѣяннымъ привѣтомъ, путающимъ имена и лица, но ко всѣмъ всегда одинаково радушнымъ и благожелательнымъ... „Пріютъ пѣвца угрюмъ и тѣсенъ, и на устахъ его печать“... Но смерть, обращающая даже великаго Цезаря въ прахъ, которымъ замазываютъ стѣны, не властна надъ духомъ. Сѣется тѣло душевное, возстаетъ тѣло духовное, говорить Апостолъ. Это духовное тѣло есть вся совокупность того, чѣмъ бытъ человѣкъ для ближнихъ своихъ, чѣмъ отразился онъ въ зеркалѣ вѣка. И—пусть душевное тѣло Полонскаго недвижно лежитъ въ гробу, осужденное на тлѣніе,—мы чувствуемъ: духовное тѣло его—среди нась, близко къ намъ, какъ прежде. Наъ вѣчности сіяютъ намъ кроткіе весниняющіе глаза старца-поэта, изъ царства правды и любви слышится послѣднимъ гостямъ его послѣдняго новоселья вѣчный Христовъ завѣтъ: любите міръ! не обижайте другъ друга!..

Памятникъ Царю-Освободителю.

Сегодня великий праздникъ на Руси. Она вся полна святымъ именемъ, мученическою памятью Царя-Освободителя. Кроткій духъ его незримо носится надъ благоговѣйною страною, дышетъ въ ея суровую атмосферу вѣяніемъ любви и всепрощенія, зоветъ насъ на путь совершенствованія въ добрѣ и человѣколюбіи, по которому двадцать шесть лѣть властно вель онь новосозданное русское общество. Сегодня, когда гигантскій бронзовый ликъ велико-душнѣйшаго и несчастнѣйшаго изъ монарховъ явится на высотахъ московскаго Кремля въ всенародномъ апоѳеозѣ, со многихъ тысячъ сердецъ, не лишенныхъ чувства гражданскаго долга, спадеть тяжелый камень. Сегодня Россія какъ-бы очищается отъ невольнаго, по величайшаго изъ историческихъ грѣховъ своихъ, смыкаетъ пятно, чернившее на ней

Къ статьѣ „Памятникъ Царю-Освободителю”.

Царь-Освободитель
Императоръ Александръ II Николаевичъ.

цѣлые семнадцать лѣтъ. Нынѣ отпушающи. Владыко! Всероссійское народное дѣло 16-го августа 1898 года заслонить отъ суда потомства позоръ 1-го марта 1881 года, которымъ отравила нашу юную общественность группа фанатиковъ. Гдѣ она теперь, эта грозная, остервенѣлая группа? Гдѣ ея сторонники, поклонники, продолжатели—мнимые творцы новаго, минимо-вѣчнаго строя? Пятой части вѣка не прошло послѣ ихъ побѣдоносныхъ буйствъ, — и уже нѣть ихъ, исчезли безслѣдно. Уродливое зданіе, что со-зидали они на пескѣ, смыли волны пробудившагося національного сознанія, и погибла память ихъ... даже безъ шума. Но растетъ, крѣпнетъ и множится вѣчная память великаго страдальца, убіеннаго этою „наносною бѣдою“, — торжествуя и сверкая лучами безпредѣльной любви, встаетъ она изъ кровавой могилы Царя-Освободителя, океаномъ разливается по лицу Русской земли, имъ облагодѣтельствованной, и будетъ въ ней бессмертина, какъ бессмертна сама Русь. Дѣла ненависти преходящи, — не пройдутъ лишь дѣла любви. Не прейдетъ Христосъ на крестѣ, не прейдетъ ап. Павелъ въ узахъ, не прейдетъ царь Александръ, растерзанный бомбами на набережной Екатерининскаго канала. Съ міра по питкѣ, грошами бѣдняка и тысячами богатаго жертвователя, слава и память его воплотились нынѣ въ мраморъ и бронзу. Вотъ стоять онъ, спокойный, величавый и ласковый, предъ кремлевскими соборами, гдѣ спятъ цари, великие князья и святители.

ли — собиратели земли Русской, предъ палатами, гдѣ родился онъ на свѣтъ въ прекрасные апрѣльскіе дни пасхальной недѣли, когда люди празднують воскресеніе самоотверженной любви, а весь мірь—воскресеніе природы къ весеннему теплу и счастью. Царь Александръ пришелъ въ суровую зиму русскую именно, какъ животворящее солнце. „Закатилось солнце земли Русской!“ плакали въ 1263 г. надъ прахомъ Александра Невского мужи-городчане. Не тѣмъ же ли воплемъ отвѣтили, семнадцать лѣтъ тому назадъ, всѣ предѣлы нашего отечества на горестную вѣсть 1-го марта? И вотъ — сегодня мы вновь видимъ его золотой отблескъ, заря горить, солнце восходитъ. Царь-Освободитель, Царь-Благодѣтель, Царь-Мученикъ вновь—предъ миллионами своихъ восторженныхъ, благодарныхъ сыновъ... „Осѣни себя крестнымъ знаменіемъ, православный народъ!“

„Человѣкъ на тронѣ“—вотъ лучшая характеристика императора Александра II, объясняющая всю его трогательную жизнь и дѣятельность. Наслѣдникъ грозно и самоувѣренno властнаго царя-полубога, управлявшаго Россіею съ вершинъ Олимпа, сверкающаго молніями, рокочущаго громами, Александръ II — первый изъ самодержцевъ русскихъ послѣ Петра I—отказался отъ величаваго одиночества на царственной высотѣ своего сана, чтобы войти въ мірь и послужить міру. „Никогда еще Монархъ такой необыкновенной сердечной доброты

и человѣколюбія не занималъ россійскаго престола; никогда настоятельное сердечное желаніе подарить своему народу, вмѣстѣ съ благородиѣшими благами человѣчества, благоденствіе и миръ, не осуществлялись въ русскомъ самодержцѣ такъ живо и съ такимъ самопожертвованіемъ, какъ въ императорѣ Александрѣ II, и никогда еще государь не былъ цѣллю такой лютой вражды, такой адской кровожадности, какъ этотъ мученикъ⁴. Такъ писалъ послѣ 1-го марта лейбъ-органъ Бисмарка. Результаты и характеръ царствованія императора Александра Николаевича весьма часто ставятъ въ параллели съ реформаціонными царствованіями Петра Великаго и Екатерины II. Я полагаю, что параллели эти рискованы, а сходство преувеличено. Петръ — чудо исторіи, стоящее въ ней одиночкою; это чернорабочій богъ, топоромъ и молотомъ сколотившій Русь въ европейское государство. Екатерина — необычайно умная и еще необычайнѣе счастливая женщина, которая, начавъ свой житейскій путь простою смертною, неуклонно шла къ тому сліянію воедино идеи монарха съ идею государства, что во Франціи нашло себѣ полное выраженіе въ Людовикѣ XIV, а у насть—въ Николаѣ I. Счастье и гений Екатерины становятся счастьемъ и гениемъ Россіи. Никакіе удары по ней и по управляемой ею Руси не въ силахъ потрясти ея мощь. Владычествоовать и мужать наследникамъ ея пришлось совсѣмъ не на розахъ. Мрачное царствованіе несчастнаго Пав-

ла I, Наполеонъ съ двадцатю языкъ, отреченіе отъ престола цесаревича Константина, переходъ престолонаслѣдія черезъ старшаго брата къ младшему, декабрьскій бунтъ,—какой наплыvъ тяжкихъ условій! Тридцать лѣть по смерти Екатерины, судьба бѣсть въ стѣны ея дома, словно вражескій таранъ въ стѣны крѣпости, но надежно, любящею хозяйственnoю рукою сложенный, домъ какъ будто и не чувствуетъ этихъ ударовъ. Русь переживаетъ двѣ несчастныя войны,—въ Севастополь нанесенъ намъ ударъ, въ Санъ-Стефано мы оказались бессильными достичнуть идеала, къ которому ведетъ насъ вся новѣйшая исторія наша,—взять ключи Константино-поля и водрузить крестъ на св. Софії. Моментъ разочарованій, недовольства, броженія. Внутрення смута находитъ моментъ удобнымъ, чтобы объявить войну государю и государству. Положеніе столь тяжело, что даже умы, ничего общаго со смutoю не имѣющіе, начинаютъ сомнѣваться въ прочности государствен-наго корабля, выстроеннаго великою Екатериной. Царь—благороднѣйшей монархъ XIX вѣка—убитъ. И что же? Новая царственная рука спокойно и твердо взяла изъ руки мертвѣца наследственное кormilo; послѣ страшнаго дѣла на Екатерининскомъ каналѣ, мы не пережили ни кроваваго переворота, на который такъ разсчитывала смута, ни даже бурныхъ уличныхъ волненій въ родѣ декабрьскаго бунта. Самодержавіе и любовь къ династіи оказались неуязвимы. Бомбы отскочили отъ стѣнъ ихъ и убили

смуту, на нихъ посягавшую. Цареубійца, упавшій мертвымъ къ ногамъ смертельно раненаго царя, уничтоженный тѣмъ самыи снарядомъ, который онъ бросилъ,—прообразъ всей революціонной крамолы русской. Семнадцать лѣтъ, отдѣляющихъ насъ отъ 1-го марта,—сплошное торжество самодержавнаго принципа. Можно безошибочно утверждать: никогда еще, за всю послѣ-петровскую исторію нашу, знамя самодержавной власти не развѣвалось въ Россіи съ такимъ могуществомъ, какъ въ настоящее время, никогда Русь не была самодержавиѣе, чѣмъ въ моментъ когда нынѣ благополучно царствующему Государю Императору суждено было пріять бразды правленія изъ рукъ Царя-Миротворца.

Если дѣянія Петра Великаго созидали памъ государства, если дѣянія Екатерины созидали прочную династію—необходимое условіе монархического государства, то дѣяніями Александра II создалось нѣчто особое,—можеть быть, не столь отъ міра сего, какъ плоды трудовъ Петра и Екатерины, но еще болѣе возвышенное: создалась человѣчность въ государствѣ. „Манифестъ Александра II о коронації,—читаю я въ одной только что вышедшей біографіи покойнаго государя,—это не манифестъ былъ, а какой то праздничный, высокоторжественный благовѣстъ, въ которомъ слова *отмѣнить, простить, возвратить* звучали все громче и веселѣе“. Благовѣсть этотъ гудѣль во все царствованіе императора, не разъ переходя въ радостный трезвоиѣ bla

годарственныхъ молебновъ за здравіе царя, благо
дѣющаго землѣ своей. И уже одного святого дня
19-го февраля 1851 года достаточно, чтобы колокола
русскіе гудѣли славу Царя Освободителя до тѣхъ
поръ, пока жива самая православная Русь, и стоять
на ней храмы Божи.

Славься, народу
Давшій свободу!
Доля народа,
Счастье его,
Свѣтъ п свободы
Прежде всего.
Благослови,
Господи правый,
Счастьемъ п славой
Дѣло любви!
Славься, народу
Давшій свободу!..

Теперь, когда для эпохи освобожденія крестьянъ
уже настало время исторического суда, мы знаемъ,
что далъ свободу крестьянамъ русскимъ именно
самъ Государь Императоръ Александръ Николаев-
ичъ: не *при немъ* она была дана, но *имъ* дана. Онъ лично разрушилъ крѣпостныя цѣпи, лично на-
стоялъ на освобожденіи крестьянъ съ землею. Мы
знаемъ больше: въ дѣлѣ великой реформы онъ былъ
одинокъ; ближайшіе сотрудники его тормозили ему
шествіе къ освободительной цѣли. Это одиночество
царя на благомъ пути его изображено въ запискахъ
Ростовцева, напечатанныхъ съ отмѣтками Александра II. Съ какимъ горькимъ чувствомъ долженъ

былъ онъ—противъ строкъ, говорящихъ объ этомъ,— начертать утвердительное „совершенно вѣрно“!.. Эти два слова—самыи могучій и краснорѣчивый обвинительный актъ дoreформенному складу русской жизни, находящему теперь много хвалителей изъ, оскудѣлагао послѣ эмансиpаціи, дворянства. Тамъ, въ высшихъ сферахъ правленія, „гдѣ первообразы кипятъ“, лишь одинъ человѣкъ находился на высотѣ истинно христіанской, любвеобильной мысли и дѣятельности, и человѣкъ этотъ—самодержавный царь! Неограниченный повелитель жизни и смерти миллионовъ подданныхъ, онъ долженъ учить рабовладѣльцевъ, что состоящіе ихъ—позоръ и гибель для отечества, долженъ грозить, просить, убѣждать, бороться за свое право внести свѣтъ и свободу въ свою монархію. „Крѣпостное право не можетъ существовать вѣчно, и потому лучше, чтобы это преобразованіе сдѣлалось чрезъ революцію сверху, чѣмъ снизу!“ убѣждаетъ онъ. Онъ самъ вѣруетъ въ принципъ самопожертвованія и жаждетъ, чтобы другіе вѣровали. Покажите себя въ полномъ смыслѣ благороднымъ сословіемъ, будьте въ началѣ всего доброго! „Россія не забудетъ, что дворянство добровольно, побуждаясь толькоуваженіемъ къ достоинству человѣка и христіанскою любовью къ ближнимъ, отказалось отъ упраздняемаго нынѣ крѣпостного права“... „Свободный трудъ залогъ домашняго благополучія и блага общественнаго“... Что за могучіе и теплые акорды вырывались въ

эту пору изъ души монарха-идеалиста.—этой души, по выражению поэта, „какъ гусли, многострунной!“.

Весьма часто случается встрѣчать въ печати, какъ русской, такъ и иностранной, мнѣніе, будто Императоръ Александръ II не былъ человѣкомъ сильного характера. Эти послѣднія три слова, когда приходится примѣнять ихъ къ историческому дѣятелю, заключаютъ понятіе весьма сбивчивое и загадочное. Что такое—сильный исторический характеръ? Человѣкъ, который слѣпо, но упрямо гнетъ эпоху на перекорь ея теченію, силенъ ли характеромъ? Слабъ ли, наоборотъ, человѣкъ, который, имѣя полную возможность, власть и выгоды гнуть, тѣмъ не менѣе, по чувству правды, великодушія и благоразумія, признаетъ волю исторического Провидѣнія выше своей собственной и творить ее, благоговѣйный и покорный, вопреки всѣмъ соблазнамъ и препятствіямъ? А Императоръ Александръ II былъ именно такимъ человѣкомъ. Отецъ его, грозной памяти Императоръ Николай I, остался въ исторіи образцомъ государя съ сильнымъ характеромъ. Теперь, когда раскрываются архивныя тайны, выясняются многія подробности, указующія, что Николай I хорошо видѣлъ необходимость многихъ реформъ, проведенныхъ въ царствованіе сына его, въ томъ числѣ, и освобожденія крестьянъ. Онъ шесть разъ собиралъ комитеты, издалъ болѣе ста постановленій,—однако, реформа ни на шагъ не двинулась съ мѣста. Умирая, онъ не надѣялся, чтобы такое трудное дѣло могло

быть исполнено послѣ его смерти,—именно потому, что не видѣлъ въ наслѣдникѣ своеи той желѣзной воли, того могучаго характера, какимъ,—и самъ онъ думалъ, и другіе полагали,—обладалъ онъ, „царь-рыцарь“, какъ звали Николая I современники. Но плащъ, котораго не въ силахъ сорвать бурный вѣтеръ, самъ снимается съ плечъ, когда свѣтить яркое солнышко. Кроткій и мягкий Александръ II въ пять лѣтъ свершаетъ реформу, предъ которою въ безсиліи отступили его могучій отецъ. И вѣдь освобожденіе крестьянъ—только начало. Реформа цивільная, судебнaya, военная, духовная, образовательная,—перестрой всѣхъ вѣдомствъ и учрежденій,—текутъ въ неумолимой, настойчивой послѣдовательности, одна за другой, цѣпляясь звено къ звену, какъ выполненіе однажды задуманнаго и упрямо исполняемаго плана. Настойчивость въ добрѣ, свойственная кроткимъ характерамъ, часто творитъ подвиги гораздо большей рѣшительности, чѣмъ проявляютъ умы жесткаго закала. Ни Иванъ Грозный, ни Борисъ Годуновъ не дерзнули посягнуть на великое зло древней Руси—мѣстничество, а тишайшій и болѣзnenный царь Федоръ Алексѣевичъ уничтожилъ его однимъ маніемъ руки. Эта настойчивая дѣятельность добра нашла въ личности императора Александра Николаевича наивысшее свое выраженіе, какое знаетъ исторія, по крайней мѣрѣ, новѣйшая. Въ ней онъ—не слaboхарактерный человѣкъ, какимъ пытаются обрисовать

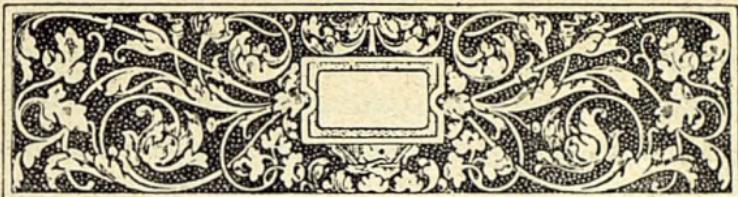
его хулители, но богатырь воли. Странная вещь! какъ часто отсутствіе въ государѣ элемента жестокости принимается за недостатокъ, а проявленія его—за силу воли, за твердость характера и убѣжденій. Такая игрушка своихъ страстей, какъ напримѣръ Людовикъ XIV — могучій характеръ! такой возвышенный исполнитель долга человѣческаго, какъ императоръ Александръ II, описывается какъ слабоволецъ!..

Государи мягкаго сердца и доброй души, враги жестокостей, войны, кровопролитія, имѣютъ странную судьбу въ исторіи,—рокъ, точно истязуя ихъ жестокою насыщкою, возводить ихъ на тронъ подъ громъ войны, или войною заполняетъ ихъ царствованія. Такова участъ Тита, „утѣшнія рода человѣческаго“, Генриха IV французскаго, Александра I и Александра II. О войнахъ императора Александра II можно сказать, что онъ былъ счастливъ въ несчастіи и несчастенъ въ счастіи. Севастопольское пораженіе и Парижскій трактатъ принесли его царствованію большие пользы и славы, чѣмъ побѣды русско-турецкой войны 1878 года, завершенныя конгрессомъ въ Берлинѣ. Берлинскій конгрессъ, какъ известно, одинъ изъ постоянныхъ упрековъ царствованію Александра II. Однако,—говорить Леруа-Болье,—въ общемъ, судья довольно неблагосклонный къ Царю-Освободителю, которому онъ, какъ французъ, не въ силахъ извинить дружбы съ императоромъ Вильгельмомъ,—такъ ли печальны были

результаты конгреса, какъ показались они русскому общественному мнѣнію, обиженному непривычною необходимостью согласоваться съ волею Европы? Жертвы, на которыхъ согласилась въ Берлинѣ императорская дипломатія, заставили потерять изъ вида всѣ дѣйствительные плоды войны. У Турції отнято широкое русло Дуная, твердыни Балканъ оставлены ей лишь名义ально, безъ всякой почти возможности держать въ нихъ гарнизоны; обѣ, традиціонно покровительствуемыя Петербургомъ, славянскія страны—Сербія и Черногорія—выросли въ объемѣ; Турція вынуждена признать ихъ независимость; между Дунаемъ и Балканами создается, какъ будущій аванпостъ армій царя, союзное болгарское княжество, а рядомъ съ нимъ автономная провинція, рано или поздно неминуемо долженствующая слиться съ Болгаріей; наконецъ—русскія границы расширяются въ Европѣ до Дуная, а въ Азіи Россія получаетъ лучшій портъ Чернаго моря—Батумъ и лучшую крѣпость, неприступный Карсъ. Сами по себѣ, достигнутые результаты очень значительны, но ожиданія были гораздо больше, и это, въ связи съ обстановкою, при какой результаты были получены, унизило ихъ достоинство. Не хотѣли видѣть даже того, что берлинскимъ трактатомъ стерты всѣ слѣды тяжкаго Парижскаго мира, который вынуждена была заключить, побѣженная въ Севастополѣ, Россія: первый жестокій ударъ, какой пришлось принять на себя молодому Александру П., вмѣстѣ

со скипетромъ и короною. Двадцать два года упрямо и послѣдовательно стираетъ онъ и смываетъ со страны своей пятна этого договора. На Берлинскомъ конгрессѣ русская дипломатія, уступчивая по всѣмъ пунктамъ новыхъ требованій, упрямо стоитъ на своемъ, когда дѣло касается уничтоженія положеній Парижскаго трактата: онъ долженъ быть исчезнуть съ лица земли—и исчезъ. Вотъ гдѣ самолюбіе императора, вотъ гдѣ вся тихая стойкость его духа. Севастопольскіе герои могутъ спать спокойно въ своихъ гробахъ: честь ихъ возстановлена—плоды вражьей побѣды разрушены. Это великий и неоспоримый внѣшній подвигъ императора Александра... Вѣчная ему за то память и слава!

Захаринъ.

Предсвяточное событие Бѣлокаменной — смерть Захарына. Когда я увидѣлъ это неожиданное извѣстіе въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“, я, право, не повѣрилъ своимъ глазамъ и даже протеръ ихъ: — Какъ же это? Захаринъ, самъ Захаринъ — и вдругъ умеръ!?

Захарына у чужого смертнаго одра всѣ привыкли воображать себѣ, но Захарына на его собственномъ смертномъ одрѣ всякому представить дико.

Старинное качество Москвы: она очень быстро охладѣваетъ къ памяти своихъ знаменитыхъ покойниковъ и забываетъ ихъ, но, въ первыхъ взрывахъ надгробнаго рѣдания, она — неутомимая и самоотверженная плакальщица. Памятую похороны Алексѣева, Аксакова, Каткова, Рубинштейна, я ждалъ и теперь

сильного, всемосковского, такъ сказать, энтузіазма печали. Помните, какъ въ „Антоніи и Клеопатрѣ“ возвѣщаются смерть Антонія, и вѣсть эта встрѣчаетъ недовѣrie:—Не можетъ быть! Еслибы Антоій умеръ, то послѣтъ потряслось бы на своихъ устояхъ, и Африка сбросила бы съ лица своего всѣхъ львовъ своихъ. Захарьинъ—для Москвы—былъ фигурою огромнаго значенія. Однако, и его смерть не вызвала трясенія въ устояхъ свѣта, и по поводу его смерти львы не только въ Африкѣ, но даже и на воротахъ Англійскаго Клуба на Тверской не были обезпокоены. Прямо удивляться приходилось, съ какимъ равнодушіемъ приняли москвичи сообщеніе, что не стало ихъ врача-ѳауматурга—несомнѣнно, одного изъ самыхъ солидныхъ китовъ, на которыхъ держался всероссійскій интересъ къ современной Москвѣ.

Газетные некрологи Захарьина вышли сухи и формальны, кромѣ „Московскихъ Вѣдомостей“. Они, поминая покойника весьма теплыми и прочувствованными строками, заключили свою статью многозначительнымъ совѣтомъ въ пространство—оставить вражду къ Захарьину у открытой его могилы. Газета говоритъ о клеветахъ на покойнаго, объ огорченіяхъ, отравлявшихъ ему жизнь „послѣ 1894 года“. Я думаю, что не во враждѣ и не въ клеветахъ дѣло, а просто въ томъ, что—при всей своей, до баснословія возвышавшейся, знаменитости,—Захарьинъ былъ крайне „не популяренъ“ въ рус-

скомъ обществѣ. Если оно не всполошилось при слухѣ о своей внезапной потерѣ, то объясненія надо искать не во враждѣ и клеветахъ, а именно въ этой непопулярности великаго врача, какую онъ самъ себѣ сковывалъ всю свою жизнь, изо дня въ день, послѣдовательно, безъ масокъ и уступокъ—скорѣе, наоборотъ, дразня своимъ образомъ дѣйствій и вызывая противъ себя общественное мнѣніе.

Я видѣлъ Захарына пять-шесть разъ, не болѣе, въ томъ числѣ—лишь однажды у постели больной; первые случаи не имѣли ничего общаго съ врачебною его практикой. Призванъ къ больной онъ былъ, конечно, когда уже перепробованы были всѣ остальные знаменитости медицинской Москвы, и ни одна не помогла. Трепетали въ домѣ пациентки—крупной и вліятельной богачихи московской—передъ пріѣзломъ Захарына, точно ждали не благодѣтеля и цѣлителя, а самого Ивана Васильевича Грознаго со всею опричниною. Наслушавшись съ дѣтства о захарынскихъ капризахъ и причудахъ, я, въ числѣ прочихъ, ждалъ „спектакля“. Но великий человѣкъ пріѣхалъ не то ужъ очень въ духѣ, не то ужъ очень не въ духѣ; дѣло въ томъ, что изъ прославленныхъ своихъ проказъ онъ на сей разъ ни одной не продѣлалъ, что говорилъ за доброе его расположеніе. Но—по усталому лицу его, угрюому и презрительному, по взгляду, до оскорбительности небрежному, по враждебной, повелительной сухости обращенія съ пациенткою, родственниками ея, асистентомъ

своимъ и домашнимъ врачамъ—можно было предположить совершенно обратное. Онъ казался человѣкомъ въ состояніи крайняго удрученія и нравственнаго, и физического, чѣмъ-то жестоко и безнадежно раздраженнаго и срывающаго свое гибкое сердце на каждомъ встрѣчномъ. Часовъ въ домѣ онъ, вопреки сложившейся легенды, не останавливалъ, костылемъ не стучалъ, крѣпкими словами не ругался,—онъ только презиралъ за что-то всѣхъ вокругъ себя: и больную, и лечащихъ, и родныхъ, съ трепетомъ ждавшихъ его рѣшенья; говорилъ нехотя и такимъ злымъ тономъ, точно всѣ его несправедливо въ чемъ-то обзываютъ; сѣялъ и выпилъ что-то особенное, заранѣе, по совѣту съ его ассистентомъ, для него приготовленное, и при этомъ выразилъ благодарность за хозяйскую любезность гримасою самаго неподдельнаго омерзѣнія: угораздило же, моль, васъ купить такую гадость,—не могли найти лучше?.. Потомъ уѣхалъ, объявивъ больную безнадежною. Она, словно на зло, взяла, да и выздоровѣла.

Въ слухахъ о дурионѣ обращеніи Захарьина съ пациентами, при бесспорной долѣ правды, много преувеличенія. Однако, что рѣзкость и грубость входили въ его систему діагноза,—нельзя отрицать. Медицина—страниное дѣло. Публика такъ привыкла въ ея области къ суевѣрю, къ жреческимъ, мистическимъ продѣлкамъ, къ авторитету высшаго, недосягаемаго простымъ смертнымъ умомъ, знанія,

что до сихъ поръ стучится къ врачамъ не столько за положительными научными свѣдѣніями о своихъ болѣзняхъ, сколько съ требованіемъ—сдѣлай такое-то чудо *in herbis, verbis et lapidibus* и за то возьми съ меня какія угодно дани и пошлины! Къ врачамъ знаменитымъ это относится даже въ гораздо большей степени, въ гораздо ярчайшихъ проявленіяхъ. Чѣмъ къ врачамъ съ практикою общедоступною. Если мнѣ врачъ Иванъ Иванычъ говоритъ:

— Вамъ, м. г., осталось жить трое сутокъ, ибо отъ легкихъ у васъ уцѣлѣло одно воспоминаніе...

То, хотя я и знаю, что по наукѣ безъ легкихъ жить нельзя, хотя увѣренъ, что настолько-то Иванъ Иванычъ знаетъ человѣческій организмъ, чтобы не ошибиться въ степени разрушенія легкихъ,—я ни за что не повѣрю, однако, Ивану Иванычу:

— Что? умирать черезъ трое сутокъ? съ какой стати? отъ какихъ-то тамъ легкихъ? Ни за что! Не можетъ быть, чтобы не было средства... Это не легкія мои виноваты, что я умираю, а виноватъ Иванъ Иванычъ—зачѣмъ онъ не знаетъ средства, какъ бы удержать меня въ живыхъ, хотя и безъ легкихъ. Везите меня къ Боткину, къ Остроумову, къ Захарину: они-то ужъ, навѣрное, такое средство знаютъ... должны знать! иначе—зачѣмъ же они знаменитости?

На предѣльныхъ высотахъ своихъ медицина—съ пациентской точки зрења—обращается въ то же, чѣмъ встрѣчаемъ мы ее на низшихъ ступеняхъ ея развитія: въ знахарство. Какъ мужикъ, изсыхая въ

щепку отъ увѣренности, что его испортила какая-нибудь Перфильевна, ищетъ колдуна - кудесника, со словомъ посильнѣе ейнаго, чтобы снять порчу,— такъ и интелигентъ мечется по великимъ медицинскимъ людямъ міра сего—кто же, наконецъ, изъ нихъ знаетъ настоящее научное слово на его болѣзнь? Что вѣрять не въ науку медицинскую, а въ личность врача, въ его таинственную силу, въ знаніе какого-то особаго, припрятаннаго отъ другихъ врачей, разряда,—по-моему, лучшее доказательство въ томъ, что, разочаровавшись въ чудодѣйствїи Захарьиныхъ, больной обыкновенно снимаетъ съ себя маску напускного довѣрія къ наукѣ и уже откровенно бросается въ поиски чуда: идутъ въ ходъ гомеопатія, внушеніе, сумская бабка, Кузьмичъ, Wunderfrau, знахарки, шептуны, наговоры... А—въ заключеніе, когда истощается надежда на силу темную и таинственную—больной рыдаетъ и просить себѣ тѣлесной милости отъ Господа въ Иверской часовнѣ, либо за молебномъ о. Іоанна Кронштадтскаго.

Взглядъ на знаменитаго врача, какъ на великаго знахаря, на Захарьинѣ оправдывался съ особенно упорною настойчивостью и послѣдовательностью. Если собрать тысячи анекдотовъ, о немъ ходящихъ, вы убѣдитесь: онъ въ жизнь свою, можетъ-быть, ни разу не былъ призванъ къ постели больного, съ просьбою—изслѣдуй меня и сдѣлай для меня все, что позволять тебѣ законы твоей науки! Его звали съ требованіемъ: силою ли науки,

другою ли какою,—мнѣ все равно!—ты, говорятъ, дѣлаешь чудеса!—соверши же чудо и надо мною—востанови мое здоровье!.. Чудесъ Захарьинъ, конечно, не дѣлалъ,—напротивъ. можетъ-быть, ни одинъ врачъ не напутствовалъ къ смерти столькихъ больныхъ, какъ покойный Григорій Антоновичъ, потому что приглашали его, какъ послѣднее прибѣжище, обыкновенно уже къ совершенно безнадежнымъ, *in statu mortis*. Слѣдующіе за нимъ гости больного были духовникъ и гробовщикъ. Но къ вѣчному ожиданію отъ себя чуда знаменитый докторъ привыкъ—привыкъ и къ работѣству, съ какимъ толпа преклоняется предъ чудотворцами. Что Захарьинъ былъ очень ученымъ человѣкомъ, не подлежитъ сомнѣнію; что чрезвычайно умнымъ и самолюбивымъ—также. Вооруженный всею силою положительного знанія, умный, чуткій аналитикъ, онъ не могъ не презирать эту суевѣрную массу, ждущую отъ него не законныхъ и естественныхъ, но сверхчеловѣческихъ дѣяній. А, такъ какъ по натурѣ своей онъ былъ не изъ мягкихъ характеровъ, то и презрѣніе сказывалось въ формахъ рѣзкихъ, громкихъ, кричащихъ. Жизнь то и дѣло ставила его въ совсѣмъ ненаучныя позиціи мага и волшебника по медицинской части, выставляя его—какъ бы выражиться помягче? право, не приберешь другого выраженія!—факиромъ что ли какимъ-то, только факиромъ не вѣры, но науки. Для человѣка самолюбива го и понимающаго истинные смыслъ и объемъ своего знанія—позиція,

втайнъ, обидная, положеніе раздражающее. И—когда Захаринъ видѣлъ, что пациентъ пришелъ къ нему не какъ къ ученому, а какъ къ знахарю, не за наукою, а за шарлатанствомъ,—онъ выходилъ изъ себя и на свой образецъ мстилъ обществу, съ злобною ироніею давалъ ему именно то, чего отъ него просили: шарлатанство, въ самой жреческой обстановкѣ, съ тысячами трагикомическихъ подробностей, грубыхъ и властныхъ выходокъ человѣка, зазнавшагося въ увѣренности, что безъ него пациенту—не дохнуть. И, наоборотъ, мнѣ известно нѣсколько случаевъ, когда Захаринъ, что называется, „оборванный“ пациентомъ, проникался истиннымъ къ нему уваженіемъ, дѣжался милъ, внимателенъ, участливъ и дѣйствительно приносилъ огромную пользу.

Есть старый англійскій анекдотъ, какъ нѣкій лордъ, дѣлая у себя балъ,велѣлъ разстелить красное сукно на улицѣ передъ своимъ домомъ. А, чтобы прохожіе не затоптали сукна, поставилъ двухъ гайдуковъ охранять его. Чуть кто подойдетъ къ сукну, гайдуки кричатъ:

- Сворачивай!
- Но улица открыта для всѣхъ...
- Сворачивай!
- Вы не имѣете никакого права...
- Сворачивай!

Спорили, бралились, возмущались, но... сворачивали. Вдругъ, откуда ни возьмись оборванецъ, въ грязнѣйшихъ сапогахъ, и шагаетъ прямехонько на сукно.

— Сворачивай! — гаркнуль гайдукъ. Но прохожій, не отвѣчая ни слова, хватилъ гайдука „боксомъ“ подъ глазъ и пошелъ своею дорогою дальше.

— Что же ты пропустилъ его? — упрекаетъ побитаго гайдука другой гайдукъ. А тотъ, пожимая плечами, возражаетъ:

— Развѣ ты не видѣлъ, что этотъ джентльменъ понимаетъ свои права?

Русскимъ знаменитостямъ свойственно легко избаловываться, забываться и разстилать красное сукно самообожанія въ мѣстахъ, совсѣмъ къ тому не предназначенныхъ. Это, конечно, не хорошо, но добрая половина вины можетъ быть переложена съ самой знаменитости на общество, балующее ее, позволяющее ей распускаться. У насъ мало кто знаетъ свои права и умѣетъ ихъ защищать; незаслуженная надменность въ русскомъ обществѣ всегда находитъ достаточно обширную почву подобострастія, на которой и развивается пышнымъ, но ядовитымъ цвѣтомъ. Захарынскіе „капризы“ были, въ значительной степени, того же происхожденія.

Подобострастіе, какимъ окруженъ былъ Захаринъ — на практикѣ ли, въ клиникѣ ли, — лакейство предъ нимъ младшихъ жрецовъ науки превосходили всякое вѣроятіе.

Въ угодничествѣ предъ всесильнымъ докторомъ, въ лести предъ нимъ, въ пресмыкательствѣ иные медицинскіе карьеристы доходили до добровольныхъ униженій, отъ какихъ съ презрѣніемъ отвер-

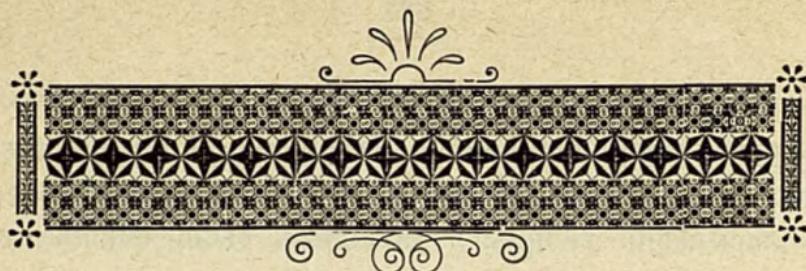
нется самый покладистый чинуша петербургскихъ канцелярій. Къ сожалѣнію, нельзя не признать, что многіе этимъ путемъ добились своего и „вышли въ люди“, подъ властною, хотя и оскорбительною опекою Захарьина: падали больно, но вставали здорово. И то правда, что тѣ колеги Захарьина по московской медицинской корпораціи, которые держались по отношенію къ своему шефу самостоятельно и независимо, не пользовались его симпатіями и очень скоро оказывались въ вольной или невольной ему оппозиціи.

Захаринъ высоко цѣнилъ свой трудъ. Въ послѣдніе годы его визитъ на домъ доступенъ былъ лишь очень богатымъ людямъ; для человѣка средняго состоянія пригласить Захарьина было равносильно только-только-что не разоренію... О снисходительности его къ больнымъ неимущимъ—святая черта покойного Боткина!—Москва что то не слыхивала. Хотя, съ другой стороны, я лично знаю случай, какъ онъ, незваный, пріѣхалъ къ больному Ю. Н. Говорухѣ-Отроку, чьи статьи онъ любилъ,—пріѣхалъ только потому, что услыхалъ о серьезномъ недомоганіи писателя. Любопытно, что, до этого своего визита, Захаринъ съ Говорухою и знакомъ-то не былъ. Случай этотъ рассказывалъ мнѣ самъ покойный Говоруха. Состояніе Захаринъ оставилъ колоссальное—вѣроятно, многомилліонное: одинъ домъ его на Кузнецкомъ мосту—огромнѣйший капиталъ!

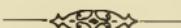
Студенчество Захарьина не любило, чувствую

что и Захарьинъ его не любитъ. Между молодежью и старикомъ-професоромъ уже давно не оставалось ничего общаго, а въ послѣдніе годы совсѣмъ „порвалась цѣль великая“. Молодежь была слишкомъ откровенна, чтобы профессоръ не догадывался о ея охлажденіи къ нему, а профессоръ слишкомъ гордъ, чтобы ухаживать за молодежью, ища въ ея средѣ популярности. Въ концѣ-концовъ, взаимно недовольные другъ другомъ, и слушатели, и лекторъ расходились все далѣе и далѣе, выращивая непріязнь обоюднаго непониманія... Отношениія обострились до того, что, когда Захарьинъ пожертвовалъ 500,000 руб. на нужды церковно-приходскихъ школъ, Москва объясняла это пожертвованіе, какъ сдѣланное „въ пику“ университету: вотъ же, моль, жертвуя и я на общественные нужды, да только не вамъ, хотя и возился съ вами всю жизнь! Врядъ ли это было такъ. Захарьинъ былъ слишкомъ уменъ, чтобы срывать свое неудовольствіе на университетъ такимъ дѣтскимъ проявленіемъ безцѣльной злобы. Просто онъ вѣрилъ въ необходимость первоначальной школы на Руси больше, чѣмъ въ насущную потребность другихъ видовъ образованія, и—такъ какъ считалъ, что церковно - приходская школа имѣеть больше правительственныехъ шансовъ вѣроятія за свое распространеніе, чѣмъ земская,—то и пожертвовалъ свои деньги туда, гдѣ, думалъ онъ, онъ скорѣе приведутъ къ практической цѣли.

Московскій городской голова Алексѣевъ.

Въ чудесный мартовскій день 1893 года, въѣзжаю
я во дворъ „палаццо“ одного московскаго изда-
теля. Дворъ огромный; песокъ сверкаетъ на солнцѣ.
Издателевы дѣти кружатъ на велосипедахъ и кри-
чатъ мнѣ на встрѣчу:

— Папы дома нѣтъ!

— Вотъ тебѣ разъ! куда же онъ уѣхалъ? Самъ
наизначилъ мнѣ этотъ часъ.

— И ждалъ васъ, да уѣхалъ—просить извинить.
Потому что очень любопытно: городского голову за-
стрѣлили.

— Что такое?

— Убили городского голову.

— Алексѣева??

— Ну, да... одинъ у насъ городской голова.

— Быть не можетъ!

— Вотъ всѣ, кому ни скажемъ, такъ же удивляются.

— Да кто же? какъ? когда? гдѣ?...

Прямо—точно обухомъ по темени!... Я не былъ знакомъ съ Алексѣевымъ лично, кромѣ какъ поклонами, но интересовался имъ больше, чѣмъ кѣмъ либо другимъ въ Москвѣ... И вдругъ его убили... зачѣмъ? за что? Я поверотилъ извозчика и помчался въ думу. Толпа народа: шумятъ, спорятъ, разводятъ руками... Кто-то выходитъ, глаза заплаканы, говоритъ:

— Умираетъ...

Встрѣтилъ знакомыхъ репортеровъ,—рассказали, какъ было дѣло. Ясно: застрѣленъ безъ надежды на выздоровленіе...

Толпа хмурилась, гудѣла и недоумѣвала.

На сердцѣ у всѣхъ было нехорошо. Я отправился на телеграфъ и по дорогѣ думалъ о покойномъ,—потому что, хотя онъ еще дышалъ, но, несомнѣнно, былъ уже зарегистрированъ покойнымъ,—Алексѣевѣ; о томъ, что его убили въ мартѣ; что мѣсяцъ мартъ—самый несчастливый для талантливыхъ и полезныхъ людей, работающихъ на общественной нивѣ.... „Цезарь! Идь Марта берегись!”

Алексѣевъ умеръ. Умеръ, застрѣленный въ самомъ сердцѣ Москвы, которую онъ такъ любилъ, которой такъ много благодѣтельствовалъ, за которую такъ долго лиль онъ свой трудовой потъ, а потомъ и кровь пролилъ. Умеръ—въ зданіи, имъ же сооруженному; въ новой думѣ, въ центрѣ новой Москвы, имъ начатой, имъ созидаемой. Еслибы,

предъ кончиною, у Н. А. Алексѣева хватило силы взглянуть изъ оконъ его смертнаго покоя на сиротѣющу Москву, онъ могъ бы почти съ такимъ же правомъ, какъ древній римлянинъ, воскликнуть:

— Я засталъ вашъ городъ деревяннымъ, а оставляю его каменнымъ...

Алексѣевъ умеръ смертью настолько неожиданною, нелѣпою, почти сверхъестественно дикою, что я, подобно большинству москвичей, долго не могъ опомниться отъ впечатлѣнія ужаснаго событія—преступленія или полуумной случайности, — такъ, правду сказать, и не рѣшило намъ толкомъ слѣдствіе, и приходится навсегда оставить совершившееся въ разрядѣ просто „событій“.

Умеръ въ то самое время, когда рѣшался вопросъ, быть или не быть ему впредь сердцемъ сердца Россіи, когда онъ готовился въ четвертый разъ стать на выборную очередь. Выборы ждались жестокіе: на кандидатурѣ въ гласные Н. А. Алексѣевъ прошелъ всего пятьдесятъ четырьмя голосами. Противъ него была сбита большая оппозиціонная партія, сильная не настолько, быть можетъ, чтобы своротить вовсе на-прочь Алексѣевское вліяніе, но всетаки способная отравить торжество „непогрѣшимаго“ головы своимъ многоголосымъ протестомъ, компрометировать оцѣнку его общественной дѣятельности обиліемъ черныхъ шаровъ. Москва ждала съ глубокимъ и живымъ интересомъ большой междоусобной войны на баллотировочныхъ шарахъ.

Говорили, будто гордый глава московского городского хозяйства собирался самъ сложить съ себя свои обязанности и, какъ оstriли, „удалиться въ свободу Александровскую“.

Вопросъ о выборѣ городского головы, такъ обостренный, именно, чрезъ to be or not to be Алексѣева, былъ упрощенъ, разрубленъ, какъ Гордіевъ узелъ, избирателемъ, на кого никто не разсчитывалъ, о комъ никто не думалъ, не гадалъ, чьего вмѣшательства никто не чаялъ,—смертью.

Доктора Ротъ, Сербскій и Кожевниковъ признали убийцу психически аномальнымъ. Публика въ первое время плохо этому вѣрила, и—хотя фактъ аномальности Адріанова давно уже несомнѣнно доказалъ докторъ Чечоттъ, и самъ онъ сидитъ, на положеніи неизлѣчимаго, въ больницѣ св. Николая,—иной разъ, какъ случается слышать въ разговорахъ, недоумѣваетъ и теперь. Ужъ очень какъ то чудно подтасовались факты. Человѣкъ приходитъ убивать не куда нибудь въ частное мѣсто, а въ мѣсто общественной дѣятельности Алексѣева, въ думу; не когда-нибудь, а за часъ, за два, до начала выборовъ, бурныхъ, сомнительныхъ, спорныхъ, обостренныхъ конкуренціей партій; стрѣляетъ не въ кого-нибудь, а въ главнаго героя этихъ выборовъ; заявляетъ, что личной вражды къ Алексѣеву онъ не питаетъ, что ему надо было кого-нибудь убить и онъ выбралъ Алексѣева.

— Не держите меня,—говорить онъ полицеей-

скимъ,— я все равно не убѣгу; я сдѣлать, что надо, и не стану скрываться.

Спокойно, не безъ рисовки, раскланивается съ публикою, смущенной и озлобленной. Совѣтуетъ не дѣлать обыска въ его квартирѣ:

— Все равно, всѣ бумаги сожжены!

И, дѣйствительно, въ печи адріановской квартиры находятъ массу пепла. Свидѣтели показываютъ, что Адріановъ по цѣлымъ днямъ шатался по думскимъ коридорамъ, какъ бы присматриваясь и приуготовляя мѣсто для будущаго преступленія. Въ карманѣ его находятъ записку: „прости, жребій палъ на тебя!“ Словомъ, всѣ признаки предумышленности на лицо. И публика, не соображая, что предумышленность предумышленности рознь, что больную, фиксированную на нелѣпой идеѣ, волю надо различать отъ воли злой, смущалась этими признаками и искала вѣшнихъ объясненій факту. Сперва въ убийствѣ Алексѣева видѣли актъ выборной агитации; потомъ отъ этого—черезчуръ американского и, слава Богу, совсѣмъ уже не въ русскихъ нравахъ—толкованія перевели дѣло на почву политическую: объясняли его местью за участіе Алексѣева, въ качествѣ сословнаго представителя, въ одномъ изъ политическихъ процессовъ недавнаго прошлаго, когда крутой московскій голова подалъ голосъ за смертную казнь подсудимыхъ. Потомъ прошелъ слухъ о какой-то старой романнической исторіи... А Адріановъ тѣмъ временемъ плелъ

ни съ чѣмъ несообразную и ничему неподобную чушь, ежеминутно мѣняя показанія, прыгая мыслью отъ фразы къ фразѣ, болтая, какъ попугай, фантастическая бредни о какомъ-то электричествѣ, магнетизмѣ. Я уже тогда высказывалъ мнѣніе, что, всего вѣроятнѣе, это одинъ изъ злополучныхъ геростратиковъ, страдающихъ *mania grandiosa*, на отрицательной почвѣ. „Велика Діана Эфесская!“ — стало быть, надо скечь ея храмъ. Остаюсь при такомъ мнѣніи и теперь. Что вниманіе Адріанова фиксировалось именно на Алексѣевѣ, понятно. Онъ — мѣщанинъ и мелкій домовладѣлецъ. О комъ же больше толковъ и разговоровъ могъ онъ слышать въ своей средѣ, какъ не объ Алексѣевѣ? И толковъ, конечно, не въ пользу послѣдняго, такъ какъ міогія изъ начинаній и улучшеній Алексѣевскаго городского хозяйства ложились на домовладѣльцевъ, хотя временными, но тутимъ гнетомъ, и интересы частные, по теоріи „своя рубашка ближе къ тѣлу“, ожесточались, возставали за себя и грызлись зубъ за зубъ съ интересами общественными. Алексѣевъ, городской голова... эти слова обратились въ бичъ для памяти полуумнаго, уже охваченнаго инстинктами *a la bête humaine*, уже успѣвшаго проникнуться недолимымъ тяготѣнiemъ къ убийству. Береть онъ газету — Алексѣевъ; сидѣть въ трактире — Алексѣевъ; дома — только и толку, что Алексѣевъ, Алексѣевъ, Алексѣевъ; одни хвалятъ Алексѣева, другие ругаютъ; всѣ изъ-за Алексѣева горячатся, ни-

кто къ нему хладнокровно не относится. А у поло-
умнаго руки зудятъ:

— Коли необходимо мнѣ кого-нибудь убить,
сѣмь-ка я пришибу именно этого героя толковъ цѣ-
лой Москвы!

И безумный человѣкъ идетъ и безумно стрѣ-
ляеть, самъ не понимая, зачѣмъ... И другимъ кля-
нется:

— Вамъ никогда не понять цѣли, ради чего я
долженъ былъ это сдѣлать...

У Винслова, Лемана, Гризингера, Крафтъ-Эбинга
и другихъ судебныхъ психиатровъ вы найдете много
Адріановыхъ. Всѣ они, сперва влюбившись въ бе-
зумную идею преступленія, потомъ сосредоточивали
ее на какомъ-нибудь выдающемся дѣятель и уже
не могли отъ нея отвязаться, пока не удовлетво-
ряли голосу своей маніи. Это—еще съ пресловутаго
маршала Gilles de Rais, основателя легенды о „Си-
ней Бородѣ“, который—въ предсмертномъ письмѣ
своемъ королю Карлу VII,—раскаиваясь въ рядѣ
отвратительныхъ преступленій, признавался, между
прочимъ, что покинулъ королевскій дворъ исклю-
чительно, чтобы побѣдить мучившее его, сверхсиль-
ное искушеніе убить дофина и осквернить его трупъ.
Свѣтлыя имена привлекаютъ къ себѣ нравственное
зрѣніе этихъ несчастныхъ и гипнотизируютъ ихъ
точно такъ же, какъ свѣтлые предметы гипнотизи-
руютъ зрѣніе физическое.

Трагическая гибель Н. А. Алексѣева невольно

приводить на память гибель дѣятеля, работавшаго на болѣе широкомъ поприщѣ, но сходнаго съ Алексѣевымъ и молодостью, и энергіей, и популярностью; такъ же, какъ Алексѣевъ, окруженнаго тысячами друзей и сотнями враговъ; также, какъ Алексѣевъ, претерпѣвшаго нареканія за свои смѣлые цѣли и предназначертанія, за упрямство и, не знающую ни устали, ни пощады, энергію; и такъ же, какъ Алексѣевъ, неизмѣнно стяжавшаго лавры, когда предназначертанія и цѣли приходили къ благополучному концу. Я говорю о Леонѣ Гамбеттѣ. Оба были остановлены судьбою въ своей дѣятельности на половинѣ путей, пройти которые обѣщали имъ талантъ, общественный инстинктъ, честолюбіе, здравый смыслъ, сулила логика фактовъ и сумма прецедентовъ, какими избаловали они общественное вниманіе. Оба были здоровые, смѣлые, крѣпкіе люди съ тѣми чуткими и энергичными нервами, что даются природою въ удѣль едва ли не исключительно однимъ южанамъ. Гамбетта былъ провансальецъ. Мать Алексѣева была гречанка. И, въ заключеніе, къ обоимъ пришла удивительна схожая по типу, скорая и безвременная кончина. Къ обоимъ —

Какъ ярый впязъ смерть нашла,
Какъ хищникъ, жертву низложила...
Свой зѣвъ разинула могила
И всѣ житейское взяла!

Кругъ дѣятельности Н. А. Алексѣева заключенъ былъ въ границахъ московскихъ заставъ, но онъ

сумѣль привлечь къ этимъ границамъ вниманіе положительно всей Россіи. Его слова, его поступки обсуждались прессою и обществомъ, даже въ такихъ уголкахъ Руси, которымъ, по отдаленности, нѣть, не было, да, вѣроятно, и долго не будетъ никакого дѣла до того, какъ живеть Москва въ своемъ городскомъ хозяйствѣ. И интересовались не фактами, а общимъ характеромъ дѣятельности и направленіемъ молодого головы, его практическою энергіей, настойчивостью и рѣшительностью въ борьбѣ, тѣмъ обиліемъ стыда настоящаго и отсутствиемъ стыда ложнаго, какими характеризуются только первоклассные общественные таланты. Онъ уважалъ общественное мнѣніе и презиралъ общественную болтовню. Онъ ненавидѣлъ партійность и беспощадно давилъ оппозицію своимъ начинаніямъ, но охотно давалъ свободу здравому, толковому слову, когда оно преслѣдовало не праздно-отвлеченные споры о сухихъ туманахъ, а цѣли, дѣйствительно, практическія и насущныя.

Что, рано или поздно, энергія Н. А. Алексѣева вырвалась бы за предѣлы его московской дѣятельности,—несомнѣнно. Это былъ первый россійскій купецъ, который проявилъ въ себѣ, вмѣстѣ съ практической смѣткой торгового коммерческаго человѣка, задатки государственного мужа. Недаромъ же, когда прошелъ первый слухъ объ учрежденіи министерства торговли, московскій vox populi—vox Dei называлъ Алексѣева кандидатомъ въ главы

этого „министерства будущаго“. Алексѣвъ, едва ли не первый изъ представителей русской земціи, заставилъ заговорить о себѣ европейскую политическую печать, вообще мало интересующуюся и дѣятельностью, и дѣятелями нашего самоуправлія. Это было послѣ пресловутой рѣчи Алексѣева къ покойному императору Александру Александровичу, съ эфектною фразою о „крестѣ на св. Софії“... Исполнилъ царскую волю, Алексѣвъ, въ голодный годъ, вѣстникомъ избавленія промчался по голодающимъ губерніямъ. Много труда положилъ онъ тогда—и труда безкорыстнаго, безразсчетнаго, потому что онъ и въ этомъ случаѣ, какъ и всегда въ своей жизни, работалъ не для награды. Отъ нихъ онъ даже уклонялся; такъ—онъ гордился своимъ куническимъ званіемъ и не желалъ дворянства, которое получить было нетрудно. Старая логика: „королемъ быть не могу, принцемъ не хочу—Rohan suis!“ Нѣтъ, онъ работалъ по чувству общественнаго долга и, можетъ быть, для славы, для популярности. Я въ послѣднемъ ничего дурного не вижу. Если человѣкъ самолюбивъ, честолюбивъ, славолюбивъ и добивается чести и славы не геростратовымъ путемъ, но средствами благородными, похвальными, общеполезными, дѣятельностью, которую можно поставить въ примѣръ всѣмъ и каждому,—въ чемъ тутъ грѣхъ? Можно ли порицать крупнаго честолюбца за то, что онъ желаетъ слышать всероссійское одобреніе своей блестящей дѣятельности, когда мы такъ

охотно прощаемъ мелкое честолюбіе людишекъ. никогда ничего толковаго на своеемъ вѣку не сдѣлавшихъ и обѣ одномъ лишь всю жизнь мечтавшихъ и мечтающихъ: какъ бы, при помощи радѣющаго роднаго человѣчка, схватить какой-нибудь орденокъ или мѣстечко?

Смерть Алексѣева застала Москву врасплохъ. Враги его много шумѣли о томъ, что пора сломить Алексѣевскую гордыню, пора смѣстить его и посадить въ головы силу, болѣе скромную, какъ личность, болѣе умѣренную, менѣе самовластную и болѣе склонную соблюдать до мельчайшихъ деталей букву, а не духъ только земской конституціи. Но разговоры—разговорами, а на дѣлѣ кандидата въ преемники Алексѣеву не только не нашлось, не только не было кого выставить, но не было, въ первое время, кого и предположить. Выборъ К. В. Рукавишникова, какъ оказалось впослѣдствіи, не слишкомъ то удачный, былъ лишь результатомъ *faute de mieux*. Предложенные записками,—каждый очень незначительнымъ числомъ голосовъ,—кандидаты въ городскіе головы всѣ, одинъ за другимъ, отъ баллотировок отказались. Одинъ изъ кандидатовъ, Н. И. Шаховской, при жизни Алексѣева постоянный и рьяный его оппонентъ, мотивировалъ свой отказъ гласно и опредѣленно. Онъ указалъ: нѣтъ никакого расчета самолюбивому человѣчку идти въ московскіе городскіе головы, если онъ не хочетъ отдать всю свою частную жизнь общественной дѣятель-

ности, запутать и разстроить свои личные дела ради дела городскихъ, шикарио сорить своимъ капиталомъ тамъ, гдѣ даже ни законъ, ни совѣсть не имѣли бы резона воспрепятствовать обратиться къ общественнымъ суммамъ,—напримѣръ, въ случаяхъ представительства. Алексѣевъ дѣлалъ все это на такую широкую ногу, что послѣ него, какъ Шаховской справедливо оттѣнилъ въ своей рѣчи, было страшно становиться на его мѣсто, высоко поднятое имъ въ общественной молвѣ и представленное на видъ, судъ и критику всей Россіи. Шаховской ставилъ думѣ довольно характерное предложеніе,—при всей его внѣшней странности, далеко не дикое по существу. Пусть,—говорилъ онъ,—избрали опредѣлять: какого рода и какихъ размѣровъ дѣятельности они ждутъ отъ Алексѣевскаго преемника? Продолжать веденіе городского хозяйства въ томъ же направленіи и духъ никто не въ состояніи; одни и хотѣли бы, да не могутъ; другіе и не могутъ, и не хотятъ. Если будущему городскому головѣ поставлены будутъ условія, болѣе скромныя,—куда ни шло, можно идти на рискъ баллотировки. Иначе—какая радость?! Чуть что не такъ, не по-Алексѣевски,—и карлику, принужденному надѣть на себя панцырь великана, придется быть мишенью для града нареканій, насмѣшекъ и непріятностей. Моль,—„нѣтъ великаго Патрокла, живъ презрительный Терситъ“. Кому же пріятно ни съ того, ни съ сего попасть въ презрительные Терситы, стяжая это зва-

ніе, можетъ быть, и ни за что, ни про что,—исключительно по милости сосѣдства съ черезчуръ блестящимъ предшественникомъ?! Предсказаніе это полностью сбылось на К. В. Рукавишниковъ: будь онъ головою до Алексѣева, имъ бы не нахвалились; но послѣ-алексѣевскимъ требованіямъ онъ, при всей своей несомнѣнной добросовѣтности, удовлетворить не сумѣлъ.

Скептики, неохотіе видѣть въ своихъ современникахъ людей съ талантами, выдающимися выше ихъ собственного уровня, возражали:

— Отчего такой переполохъ? Изъ Москва-рѣки воды не выпити, въ Москвѣ-городѣ людей не выбити. Найдется человѣкъ! Богъ не безъ милости. Вѣдь и Алексѣевъ выдвинулся ярко лишь съ тѣхъ поръ, какъ сталъ головою. А раньше, кто его зналъ, и кто чего путнаго отъ него ждалъ?

Въ томъ то и дѣло, что, за блестящею дѣятельностью Алексѣева, какъ городского головы, позабыты энергические общественные труды его молодости.

Его будущіе успѣхи напророчилъ покойный московскій городской голова Сергій Михайловичъ Третьяковъ,—человѣкъ хороший, но общественный дѣятель не изъ талантливыхъ.

— Вотъ будетъ вамъ голова—Алексѣевъ!—говорилъ онъ въ интимныхъ думскихъ кружкахъ,— голова, какого не бывало! Не намъ чета. Дайте только ему войти въ лѣта и въ дѣло.

Двадцати пяти лѣтъ Н. А. Алексѣевъ былъ избранъ гласнымъ по московскому уѣздному земству. Деятельность его въ этомъ званіи до сихъ поръ памятна въ управѣ. Онъ, молодой человѣкъ, почти юноша, буквально, отъ а до з ворочалъ уѣздными дѣлами, облегчая трудъ тогдашняго предводителя, человѣка способнаго, но въ то время тоже слишкомъ молодого и неопытнаго. Еще болѣе блестящею страницею, подготовительной къ „лордъ-мэрству“, исторія Алексѣевскихъ трудовъ была служба Николая Александровича на посту санитарнаго попечителя отъ города Москвы.

Презрѣніе къ личнымъ интересамъ и строгое повиновеніе требованиямъ гражданскаго долга характеризовали первые шаги Алексѣева на общественномъ поприщѣ въ той же мѣрѣ, какъ и его шаги послѣдніе. Въ памяти москвичей еще жива одна исторія банковыхъ злоупотребленій. Я не хочу воскрешать ее въ деталяхъ и съ именами. Ее раскрылъ Алексѣевъ, заинтересованный въ этомъ банкѣ совсѣмъ на пустяковую для него, миллиона, сумму, раскрылъ, не побуждаемый къ тому никакими иными мотивами, кромѣ одного—спасти сотни людей отъ грядущаго имъ навстрѣчу, неминуемаго разоренія. Раскрывая банковскій скандалъ, онъ былъ безпощаденъ къ его героямъ и действовалъ ужъ именно по тексту присяги, не увлекаясь ни дружбой, ни свойствомъ, ни даже родствомъ. Не пожалѣлъ ни своихъ, ни чужихъ.

Теперь, когда Алексѣевъ — уже человѣкъ прошлаго, но еще не человѣкъ исторіи, можно создавать летучія характеристики его личности и дѣятельности по нагляднымъ отъ нихъ впечатлѣніямъ. Но критически разобраться въ нихъ, дать оцѣнку ихъ сложному механизму въ состояніи только будущее, и даже не близкое будущее. Матеріаль, оставленный Алексѣевымъ грядущему біографу, слишкомъ громаденъ по своимъ размѣрамъ и разнообразенъ по своему качеству. Право, трудно указать отрасли общественной дѣятельности, какихъ прямо или косвенно не затронула бы его неутомимо-охочая до работы энергія. „Красный Кресть“, Русское музыкальное общество, санитарное попечительство, всероссійская художественно - промышленная выставка 1882 г., земство губернское съ десяткомъ комиссій, двигавшихся впередъ, чуть не исключительно благодаря Алексѣевскому вліянію и настойчивости,— таково начало карьеры Н. А. Алексѣева. Онъ и въ училищномъ совѣтѣ сидитъ, и въ воинскомъ присутствіи бушуетъ, и коронаціонныя празднества организуетъ, и въ земской управѣ оппозиціоннымъ фронтдерствомъ занимается, и Николая Рубинштейна хоронить, смущая публику зажженными днемъ, на парижскій манеръ, уличными фонарями. Въ 1885 году Алексѣевъ избранъ въ городскія головы. Онъ ревизуетъ, реформируетъ, опекаетъ, поддерживаетъ сиротскій судъ, который, было, зачахъ въ Москвѣ, какъ ребенокъ въ англійской

болѣзни, да еще ребенокъ, оставшійся чуть ли не a la lettre безъ пищи и крова. Что сиротскій судъ былъ въ жалкомъ—и смѣха, и грусти достойномъ—положеніи, давнымъ-давно всѣ знали, но только покивали на него сожалительно головами и либо охали, либо остриши. Судъ прозябалъ, безпомощный и бесполезный. А Алексѣевъ, съ обычной своей прямолинейной простотой и быстротой, перетряхнулъ этотъ судъ, уже готовый превратиться въ труху и рухлядь, въ какіе-нибудь два-три мѣсяца; самъ взялъ на себя, строго отвѣтственную и сложную по обязанностямъ, должность первоприсутствующаго въ сиротскомъ судѣ,—и въ душу учрежденія, дряхлага, какъ кости на мертвомъ полѣ, повѣяло жизнью. Десятки спротѣнашли себѣ управу, защиту и опору тамъ, гдѣ раньше они находили только проволочки. Еслибы не вмѣшательство Алексѣева, вопросъ о психіатрической лѣчебницѣ московскаго губернского земства до сихъ поръ лежалъ бы еще въ пеленкахъ или, много-много, ходилъ бы подъ столъ пѣшкомъ. Алексѣевъ въ семь дней создалъ временную психіатрическую лѣчебницу на сокольницкой дачѣ Ноева и показалъ косной земской массѣ, что значитъ по настоящему дѣлать земское дѣло, не увлекаясь цвѣтами краснорѣчія и партійными словопреніями. Онъ былъ весь быстрота, стремительность и настискъ, человѣкъ съ глубокою вѣрою въ себя, въ свою звѣзду и въ свой талантъ.

Алексѣевъ воюетъ въ земствѣ за городѣ, когда

возникъ роковой вопросъ о городскомъ обложеніи, погубившій разъ навсегда доброе согласіе московскаго города съ московской деревней. Алексѣевъ въ этомъ дѣлѣ побѣженъ; деревня одолѣла; но рѣдко какой-либо побѣдитель выходилъ изъ боя съ такимъ почетомъ, какъ этотъ побѣжденный. Алексѣевъ, въ голодную пору, скапаетъ хлѣбъ на югъ, раздаетъ на сѣверъ. Все это, по обыкновенію, быстро, практично, цѣлесообразно, безъ дальнихъ словъ, безъ лишнихъ фразъ. Одною изъ замѣчательныхъ способностей Алексѣева было его умѣніе быстро примѣняться ко всякому дѣлу, за которое приходилось ему браться. У него сидѣлъ въ умѣ какои-то прозорливый демонъ, приспособленный къ тому, чтобы, по первому взгляду на вопросъ,хватать быка за рога, забираться въ самую житейскую суть дѣла, освѣщать его такъ ново, резонно, умно и оригинально, что сразу выяснялись для публики многіе темные уголки на изнанкѣ вопроса, до тѣхъ поръ остававшіеся незамѣченными. Ни къ какому дѣлу, за которое Алексѣевъ брался, онъ не относился равнодушно, спустя рукава. Формальное „отзвонилъ, и съ колокольни долой“ было ему совершенно чуждо. Даже на должностяхъ полупочетныхъ, занимаемыхъ, такъ сказать, *honoris causa*, покойный городской голова ухитрялся быть активнымъ лицомъ. Предсѣдательствуя въ городскомъ по воинской повинности присутствіи, онъ первый открываетъ злоупотребленія, выражившіяся въ томъ, что

масса лицъ въ Москвѣ уклонялась отъ воинской повинности, опираясь на учительскія свидѣтельства. Когда злоупотребленіе обнаружено, оно уже на половину прекращено. Н. А. Алексѣевъ сумѣть истребить его вовсе и возстановить долго обманываемую государственную повинность въ ея нарушенныхъ правахъ на общество.

Когда скончался Н. А. Алексѣевъ, я говорилъ полушиутя, полусерьезно, что съ нимъ, для Москвы, въ миниатюрѣ, повторится та же исторія, какою Екатерина Вторая характеризовала значеніе Петра Великаго для Россіи. При каждомъ новомъ начинаніи, Екатерина приказывала справиться въ архивахъ, не задумывалъ ли чего-нибудь въ этомъ родѣ Петръ, и каждый разъ оказывалось,—что да, было: задумывалъ, предполагалъ и располагать. Такъ и съ Алексѣевымъ. Долго еще москвичи, при каждомъ своемъ дѣльномъ общественномъ предпріятіи, будутъ наталкиваться на имя этого человѣка, готовившагося работать на общественной инвѣ десятки лѣтъ и такъ рано сконченного рукою смерти. Вскорѣ по кончинѣ Николая Александровича открывали въ Москвѣ на знаменитомъ клиническомъ городкѣ Дѣвичьяго поля „Гинекологическій институтъ“. Вотъ краткая исторія этого учрежденія. Московскій купецъ П. Г. Шелапутинъ—специалистъ медицинской благотворительности. Его имя связано съ добрымъ десяткомъ врачебныхъ учрежденій: онъ устроилъ лѣчебницу для приходящихъ въ Покровскомъ

на Филяхъ, за двадцать лѣтъ своего существованія подавшую помошь ста тысячамъ больныхъ, багадѣльно и пріютъ для уродовъ, образцовые оперативные покой при Басманной больницѣ и при больнице города Алексина и т. д. Настоящимъ жертвованіемъ Шелапутинъ блестящѣ увѣнчалъ зданіе прежнихъ своихъ филантропическихъ затѣй. Но затѣвать и жертвовать — одно дѣло, приводить въ исполненіе, строить — другое.

— Естественно,—говорилъ при открытии института знаменитый русскій гинекологъ, профессоръ В. Ф. Снегиревъ,—явился вопросъ: гдѣ же мѣсто, на которомъ должно выстроить это учрежденіе? Вопросъ — очень трудный. На помощь разрѣшенію его явился покойный городской голова Н. А. Алексѣевъ. Въ 24 часа онъ нашелъ и разрѣшилъ отдать городское мѣсто на Дѣвичьемъ полѣ, рядомъ съ клиниками, для этого учрежденія. Сколько бы столѣтій ни простояло это учрежденіе и ни прослужило своему назначенню, пусть всякийпомнитъ, что, безъ горячаго отношенія къ дѣлу Н. А. Алексѣева, никогда бы этой новой клиникѣ здѣсь не стоять. Вѣчная память тебѣ, дорогой Николай Александровичъ, отъ вновь возникающаго учрежденія и отъ русскаго врача.

Предсмертныя слова Алексѣева были оглашены печатью на всю Россію.

„Я умираю, какъ солдатъ на своемъ посту, вѣрный своему долгу предъ царемъ и отечествомъ“...

Сказать громкую фразу легко, но сказать ее многіе ли имѣютъ право, у многихъ ли рыцарей дня за громкимъ словомъ найдется столько громкаго дѣла, какъ у Алексѣева?—дѣла, свидѣтельствующаго его правоту предъ отвѣтственностью, возложенnoю на него довѣріемъ родины? дѣла, подкрѣпляющаго фразу фактами? Этотъ человѣкъ такъ сроднился съ Москвою, такъ сжился съ своимъ любимымъ городскимъ дѣломъ, что—и умирая— нашелъ возможность утѣшиться тѣмъ, что—„я счастливъ, умирая на службѣ, я вѣренъ данiой присягѣ служить до послѣдней возможности“.

Больной завѣщалъ не переносить его тѣла изъ думы въ свой фамильный домъ, къ семейному очагу. Онъ умеръ Алексѣевымъ, гражданиномъ и представителемъ Москвы,—и гражданиномъ—представителемъ ея, а не частнымъ человѣкомъ хотѣлъ прославлять въ могилу изъ учрежденiя, имъ прославленного и возвышенного, изъ зданiя, его настойчивостью воздвигнутаго. И онъ имѣлъ право на это гордое, но справедливое желанiе. Онъ заслужилъ величавыя похороны всею Москвою, и трупу бывши оказаны почести, какъ живому трiумфатору.

Николая Александровича Москва хоронила съ почестями, какiя рѣдко выпадаютъ на долю общественныхъ дѣятелей не только у насъ въ Россiи, но и заграницей, даже во Францiи, гдѣ публика на этотъ счетъ много отзывчивѣе нашей. Громадный

бѣлый думскій залъ позеленѣлъ подъ вѣнками, которыми его увѣшали депутаты общественныхъ и частныхъ учрежденій и корпорацій города Москвы. Перечислять ихъ не къ чему, да и невозможно; подробные репортерскіе отчеты о маршрутѣ и порядкѣ похоронной процессіи, съ указаніемъ депутатаций, занимали въ органахъ мѣстной печати по три, по четыре столбца мелкаго шрифта. Да и то, послѣ похоронъ оказались пропуски, требовались пополненія. Такихъ похоронъ Москва не выдала послѣ того печального торжества, когда она всенародно переносила на Рязанскій вокзалъ прахъ безвременно погибшаго Скобелева. Говорятъ, будто толпа похоронной процессіи достигала до двухсотъ тысячъ человѣкъ,—отдать долгъ усопшему явилась четвертая часть московскаго населенія. Рѣчей на могилѣ не было произнесено. Да и что было говорить? Факты и мертвое тѣло, готовое отойти въ землю отъ жизни и дѣятельности, еще недѣлю тому назадъ кипучей и многополезной, слишкомъ громко и наглядно говорили за себя, чтобы нужны были какие-либо къ нимъ комментаріи. У этой могилы надо было не разглагольствовать, а просто махнуть рукой на жестокій капризъ судьбы и молча отойти съ обидой и горемъ въ оскорблennой душѣ. Нужны были не слова, а слезы. И слезъ было много. И хорошихъ, искреннихъ, отъ сердца идущихъ слезъ. Оплакивали Алексѣева дружно и пріятели его, и враги. Не даромъ же, во время его болѣзни, многіе

изъ заклятыхъ принципіальныхъ оппозиціонеровъ алексѣевской „политики“ проводили все свое время у постели больного, съ тревогою и надеждою слѣдя за ходомъ его рокового недуга.

Хорошо ли лѣчили Алексѣева? Не было ли возможности поднять его на ноги? Конечно, хорошо. Разумѣется, не было. Въ смыслѣ медицинской помощи, для Алексѣева было сдѣлано все, что возможно. У постели больного стояли Склифасовскій, Остроумовъ, Чериновъ, Клейнъ, Клинъ.

Но отъ такой раны никто еще никогда не выздоровливалъ. Такою раною, полвѣка тому назадъ, Дантесть отправилъ на тотъ свѣтъ Пушкина. Единственное, за что, пожалуй, можно упрекнуть медицинскій персоналъ алексѣевской трагедіи,—это за малочисленность въ немъ хирургического элемента. Н. В. Склифасовскій—высокоталантливый хирургъ; но умъ хорошо, а два—лучше, и, конечно, не пригласить асистентами при роковой операциі чревосѣченія другихъ звѣздъ мѣстнаго медицинскаго міра, Кузьмина или Снегирева,—было оплошностью. *Dii minores* и въ медицинскомъ мірѣ лучшіе помощники старшимъ звѣздамъ, чѣмъ добросовѣстная, можетъ быть, но мало талантливая мелочь. Впрочемъ, относительно самой операциі, въ медицинскомъ сонмѣ произошло разногласіе,—надо дѣлать ее или не стоить, такъ какъ положеніе Алексѣева было, все равно, безнадежно. Тогда Склифасовскій рѣшилъ принять на себя отвѣтственность за до-

рогую для Москвы жизнь и обратился къ супругѣ покойнаго съ такими самоотверженными словами:

— Александра Владимировна! Какъ медикъ, я прямо говорю вамъ, что не надѣюсь на счастливый исходъ этой операциі. Но она — единственное, что мы можемъ еще испробовать на „панъ или пропалъ“. И, какъ человѣкъ, какъ христіанинъ, я считаю своимъ долгомъ ее сдѣлать.

Что касается Клейна, онъ категорически отка-
зался отъ участія въ операциі, по его мнѣнію без-
полезной, такъ какъ безнадежности положенія она
устранить не могла. Онъ даже принципіально не
присутствовалъ въ комнатѣ, когда больного положи-
ли подъ ножъ,—пройти передъ загробными мы-
тарствами мытарство операционное.

Остроумовъ былъ приглашенъ къ Н. А. Алексѣеву уже послѣ операциі. Говорятъ, онъ предска-
заль головѣ скорое выздоровленіе. Но, вѣроятно,
это былъ обычный пріемъ московскаго юауматурга—
бодрить больного до послѣдняго издыhanія, чтобы,
какъ выразился однажды самъ А. А. Остроумовъ,
„онъ хоть померъ-то въ свое удовольствіе“.

Я не былъ знакомъ съ Алексѣевымъ въ его част-
ной жизни и личныхъ впечатлѣній отъ него, вѣ-
зы залы засѣданій, не имѣю. Слуховъ было и есть
множество, но слухи всегда—или сплетни враговъ,
или безудержные диѳирамбы друзей. Что Алексѣевъ
былъ человѣкомъ очень добрымъ, за это ручается
его широкая благотворительная дѣятельность. Че-

реаъ его руки русская бѣднота получила свыше трехъ миллионовъ пожертвованій. Когда дѣло касалось благотворительности или общеполезнаго предпріятія, Алексѣевъ умѣлъ обуздывать даже свое громадное самолюбіе. Ему нужны были 300,000 руб. на психіатрическую больницу.

— Я тебѣ, голова, ихъ дамъ; только ты миѣ въ ноги поклонись... — говоритъ Алексѣеву самодуръ купчина, бывшій приказчикъ отца Алексѣева.

— Изволь, кланяюсь! — отвѣчаетъ Алексѣевъ — и поклонился.

Какъ хотите, смѣйтесь или не смѣйтесь надъ этимъ поклономъ, а онъ, по своему, похожъ на знаменитое „Парижъ стоитъ одной мессы“, какъ сказалъ веселый французскій король Генріо.

Алексѣевъ стоялъ слишкомъ на виду, какъ общественный дѣятель, чтобы до общества доходило много слуховъ о его частной и семейной жизни. Онъ на людяхъ жилъ и въ дѣлѣ, точно въ котлѣ, кипѣль. Жилъ широко, зналъ дѣлу время и потѣхъ часть. слыть виверомъ на большую ногу... Но, когда роковая пуля Адріанова поразила его, первая мысль Алексѣева была о семье, о женѣ...

Н. А. Алексѣевъ былъ человѣкомъ болѣе, чѣмъ богатымъ — однимъ изъ крупнейшихъ московскихъ капиталистовъ. Своимъ собственнымъ коммерческимъ дѣломъ онъ распоряжался мастерски. Пріемы веденія коммерческаго дѣла онъ отчасти переносилъ и въ дѣла общественныя. Городъ подъ его

рукою сталъ какъ бы крупнымъ коммерсантомъ, положившимъ свои судьбы на страхъ и рискъ Алексѣева, какъ своего приказчика на отчетѣ, но съ полною довѣренностью отъ хозяина. И я думаю, что капиталъ и здравое веденіе личныхъ дѣлъ играли не послѣднюю роль въ томъ довѣріи, съ какимъ шла за Алексѣевымъ купеческая и мѣщанская масса. „Молъ, этого на кривой не объѣдешь... Человѣкъ коммерческій, солидный, всѣ пути и выходы знаетъ. Слово у него твердо, на репутаціи никакой „марали“ нѣтъ, кредитъ—что у Купеческаго банка. Стало быть, можно ему и въ дѣло ссудить; потому—ужъ эти денежки будутъ чистыя, никуда опричь того, на что требуются,—не попадутъ“. Алексѣевъ былъ не изъ тѣхъ, кто гоняется за дешевою, но громкою и рекламною филантропіей. Онъ и въ благотворительности былъ, прежде всего, дѣлецъ и практикъ. Безтолковаго швырянья деньгами, какъ своими, такъ и общественными, на дѣла, скрывающіяся подъ маскою благотворительности, онъ терпѣть не могъ. Онъ не понималъ грошовой милостыни, крохотныхъ подачекъ, которыхъ польза лишь въ томъ одномъ, что несчастный человѣкъ продолжитъ на какіянибудь лишнія сутки агонію своего несчастья, а затѣмъ долженъ впасть въ, еще пущее прежняго, отчаяніе предъ своею злополучной судьбой,—впасть, къ удивленію и даже къ негодованію грошовыхъ филантроповъ: помилуйте! вѣдь только что помогли че-

ловъку! чего же онъ, неблагодарный, жалуется?!. Девизомъ алексѣвской филантропіи было: ужъ помогать, такъ помогать! Такъ помогать, чтобы человѣка сразу на ноги поставить—“къ мѣсту его опредѣлить и счастіе его составить“. Словомъ, все, что, на здравый взглядъ и практическую смѣтку Алексѣева, стоило помощи, получало эту помощь въ размѣрахъ, по-истинѣ, грандіозныхъ. Въ такихъ случаяхъ Алексѣевъ не щадилъ своихъ собственныхъ средствъ и, кликнувъ кличъ по городу, собирая громадныя суммы, съ міру по ниткѣ... Масса, которая ему вѣрила въ словѣ и дѣлѣ, охотно вѣрила ему и въ рубляхъ. Городу былъ нуженъ домъ для умалищенныхъ,—и городъ оглянувшись не успѣлъ, какъ Алексѣевъ преподнесъ ему милліонъ, точно роемъ пчелъ съ вѣтру налетѣвшій.—возникла Канинчикова дача. Съ какимъ упрямствомъ и изъ какихъ кряжей умѣлъ Алексѣевъ выбивать деньгу, свидѣтельствуетъ лучше всего, только что разсказанный мною, анекдотъ о пресловутомъ поклонѣ Алексѣева въ ноги своему бывшему приказчику за пожертвованіе въ 300,000 рублей. Алексѣевъ — и исключительно онъ одинъ—настойчивый виновникъ пожертвованія 750 тысячъ рублей, результатомъ котораго явился Баевскій домъ призрѣнія. Это— все рублями, презрѣннымъ металломъ; но, подъ вліяніемъ и давленіемъ Н. А. Алексѣева, городъ получилъ еще подарокъ, никакимъ презрѣннымъ металломъ не оцѣнимый: благодаря ему, Москва сдѣл-

лялась центромъ русскаго искусства. Онъ, какъ душеприказчикъ С. М. Третьякова, настоялъ на томъ, чтобы, пожертвованная покойнымъ городу, Третьяковская галлерея передана была въ городское вѣдѣніе теперь же, безъ всякихъ условныхъ отсрочекъ и промедленій. Я лишь одинъ разъ слышалъ, какъ умѣло Алексѣевъ призывалъ своимъ краснорѣчивымъ словомъ къ благотворительности, внимающую ему, толпу. Это было послѣ страшнаго пожара на Бабьемъ городкѣ. Хорошо говорилъ. Безъ всякихъ вычуръ, патетическихъ возгласовъ, сантиментальныхъ картинъ, расчета на слезу слушателя, просто, кратко, дѣловито, но такимъ убѣжденнымъ тономъ и проникнутымъ недавними тяжелыми впечатлѣніями голосомъ, что каждому ясно становилось: бѣдствіе громадное; спорить о немъ нечего; Богъ помогъ не вовсе пропасть,—стало быть, люди должны докончить помочь, указанную имъ Провидѣніемъ. А тутъ еще личный примѣръ: „жертвуя пять тысячъ цѣлковыхъ!“ Московскій купецъ довольно равнодушенъ къ общественной дѣятельности и гражданскимъ обязанностямъ, но ревнивъ къ чести своего капитала. „Али у насъ денегъ нѣтъ?“ И тамъ, гдѣ Алексѣевъ клалъ тысячу, его капиталистические ровни старались либо идти вровень съ нимъ, либо перешить его жертвенную деньгою. А мизинные торговые люди тоже раскошеливались болѣе пропорционально состоянію, чѣмъ это дѣжалось обыкновенно при другихъ благотворитель-

ныхъ затѣяхъ другихъ, менѣе авторитетныхъ филантроповъ.

Ставъ во главѣ города, Алексѣевъ восемь лѣтъ, можно сказать, буквально, съ Москвою „жизнью одною дышалъ“. Работалъ онъ совершенно безкорыстно,—больше того, въ огромный убытокъ своему купеческому карману. Его единственнымъ жалованьемъ была честь служить Москвѣ. Въ сущности говоря, Алексѣевскіе капиталы были громадною кредитною кассою, откуда городъ въ затруднительныхъ случаяхъ могъ всегда черпать средства своею рукою-владыкою безъ отдачи. Алексѣевъ любилъ представительство. Пріѣзжаютъ французскіе моряки—банкѣты: фирма города, деньги изъ кармана Алексѣева. Вирховъ, конгрессисты, всякія высокоторжественные открытія, все, что хоть сколько нибудь было связано съ именемъ города, и въ чемъ городъ обязанъ быть принять праздничное участіе,—все это оплачивалъ Алексѣевъ. Празднства онъ понималъ не иначе, какъ на самую широкую и блестящую ногу. Не даромъ же, послѣ него, московский городской голова Рукавишниковъ, состоятельный не менѣе Алексѣева, не выдержалъ сопряженныхъ съ этою должностю трать и, отбывъ коронацію, отказался отъ должности; а дума, въ январѣ 1897 года, вотировала было крупный кушъ городскому головѣ на представительство, отъ чего, въ свою очередь, отказался вновь избранный голова князь Голицынъ. Говорятъ, будто это было у Алексѣева

съева популярничаньемъ, актомъ купецкаго самолюбія, старымъ „моему нздраву не препятствуй“ и „чего моя нога хочетъ“ въ новой, цивилизованной версіи. Но вѣдь этакъ все и вся можно объяснить, включительно до миллионовъ, собранныхъ, какъ я изложилъ выше, Алексѣевымъ для города. Что намъ до того, какими мотивами созидались дома для умалищенныхъ, больницы, богадѣльни, училища, разъ они созидаются? Лучше имѣть себялюбивые мотивы и совершать общеполезныя дѣла, чѣмъ, подобно раку на мели, сидѣть безъ осязательной радости для себя и другихъ, но съ самыми возвышенными и самоотверженно-альtruистическими началами гдѣ-то въ тайникахъ души. Вѣра безъ дѣлъ мертвa есть, но дѣла жизнеспособны и безъ вѣры. Мы живемъ въ такое бѣдное благородствомъ время, когда приходится считаться съ фактами на лицо, а не съ призраками, предположительно стоящими за спиною этихъ фактовъ.

— Факты есть вещь, а мотивы—беллетристика, говорилъ мнѣ по этому поводу одинъ умный думецъ, принципіальный и рьяный оппозиціонеръ Алексѣева, въ теченіе всѣхъ восьми лѣтъ его лордъ-мэрства.

— Я Алексѣева не люблю, систему его градоправленія считалъ и считаю тяжелою и для большинства стѣснительною. Но что онъ принесъ городу массу пользы,—развѣ слѣпой и глухой будуть спорить. А затѣмъ, кому онъ этою пользою хотѣлъ сдѣлать добро, себѣ или другимъ,—городу, собственно, рѣшительно безразлично.

— Въ немъ былъ значительный процентъ Алкивіадовшины,—говорилъ мнѣ другой оппозиціонеръ Алексѣева.—Любилъ таки покойникъ, чтобы о немъ кричали, и не одной собакѣ отрубилъ на своемъ вѣку хвостъ ради молвы. Но вѣдь, правду сказать, кто изъ людей, съ талантомъ вліянія на толпу, не страдалъ алкивіадовщиной? Алексѣевъ родился на свѣтъ съ задатками народнаго трибуна. Онъ, какъ говорить Пушкинъ, „въ Римѣ былъ бы Брутъ, въ Аѳинахъ—Периклесь“... У насъ изъ него вышелъ только боевой городской голова, превосходно приспособленный для всяческа города грызни, когда за городъ, когда надо—противъ. Человѣкъ—съ ртутью въ жилахъ вмѣсто крови, все толкающій, все будящій предисыпающій, словомъ, полно и широко живущій. Его пульсы бились въ тактъ съ пульсами общества, и этой заслуги у него никто никогда не отниметь.

Дума постановила увѣковѣчить память Алексѣева портретомъ въ стѣнахъ думскаго зданія, имъ воздвигнутаго. Его написалъ Савицкій и, къ сожалѣнію, не очень похоже: художникъ схватилъ только виѣшию щеголеватость покойнаго городского головы, не схвативъ души, жившей подъ его холеною виѣшиностью. Но, каковъ бы ни былъ портретъ, онъ своего рода монументъ, которому трогательная надпись, возвѣщающая потомству о безвременной гибели „солдата, убитаго на своемъ посту“, придаетъ особенно вѣжское значеніе. Но на-

мятниковъ по Москвѣ Алексѣеву и безъ того не занимать стать. Онъ самъ ихъ воздвигъ себѣ. О немъ кричитъ каждая московская улица въ каменномъ поясѣ Садовой. Онъ ее облагообразилъ и украсилъ. Куда ни взглянешь—видишь зданіе, тѣсно связанное съ именемъ московскаго гражданскаго героя. О немъ напоминаютъ москвичу грандіозныя бойни, однѣ изъ лучшихъ, если не лучшія въ Европѣ, городскіе ряды, и размѣрами, и красотою далеко оставившіе за собой петербургскій гостиный дворъ и съ невѣроятной быстротою выросшіе на мѣстѣ старыхъ, чуть не допетровскихъ развалинъ и гнилушки. Онъ оставилъ Москвѣ въ наслѣдство водопроводъ; еще годъ—и это наслѣдство было бы увеличено канализацией. Тридцать новыхъ городскихъ училищъ, Канатчикова дача, Баевскій домъ призрѣнія, новая Дума... куда ни повернись,—Алексѣевъ, Алексѣевъ и Алексѣевъ. Точно тѣнь его невидимкою летаетъ по Москвѣ, ища пріюта въ созданіяхъ рукъ своихъ!..

Когда былъ убитъ Алексѣевъ, я за фельетоны о его смерти попалъ, во мнѣніи многихъ, читающихъ, но не дочитывавшихъ, имѣющихъ уши слышати, но не слышащихъ, въ разрядъ враговъ городского самоуправления, въ поклонники и проповѣдники системы „хозяйскаго кулака“, которымъ покойный Николай Александровичъ временами, дѣйствительно, сжималъ думу такъ, что она пищала.

Нѣть, это неправда. Поклонникомъ кулака я ни-

когда не былъ. Но есть для общественного дѣятеля
качество еще хуже деспотической склонности къ кулач-
ной системѣ управления: это—когда ему не хватаетъ
той энергической смѣлости, что города береть и
Алексѣевыkhъ создаетъ, смѣлости, что можетъ вта-
щить дѣятеля порою въ превышеніе власти, въ ска-
чокъ за черту правъ и полномочій, но за то нахо-
дить себѣ вѣчное и резонное оправданіе въ клас-
сическомъ „побѣдителей не судятъ“. Есть два спо-
соба развязывать запутанные узлы: или терпѣливо
сидѣть надъ ними чуть не цѣлые дни, теряя и зо-
лотая силы, и золотое время на черную и мелоч-
ную работу, или, наоборотъ, рвать и рубить ихъ съ
размаху. Алексѣевъ принадлежалъ къ людямъ по-
слѣдняго типа. До него московскіе вопросы напо-
минали зданіе, окруженное столь сложною массою
лѣсовъ, что изъ-за нихъ и самаго зданія не видать.
Идетъ день за днемъ, лѣса все ростутъ да ростутъ,
зданія за ними все не видать, да не видать, такъ
что оно чуть ли не дѣлается въ представлениіи
публики миѳомъ. Говорятъ, молъ, будто есть не
только видимые лѣса, но и самое зданіе, а—правда
ли это, нѣтъ ли, выстроится ли когда нибудь зданіе,
освободится ли отъ лѣсовъ, будетъ ли въ состояніи
красоваться безъ нихъ,—кто его знаетъ! Около мос-
ковскихъ думскихъ дѣлъ налипали, какъ вредный
тормазъ, массы мелочей, мелочишекъ, привязокъ,
прицѣлокъ, проволочекъ, нужныхъ и ненужныхъ
формальностей и ужъ безспорно ненужной много-

глаголивої болтовни. Со смертью Алексєева, ум'вішаго тираннічески сводить дебаты гласнихъ къ нулевому знаменателю, мелочная система толковъ, пересудовъ, переживаній и пережевуваній відродилася, въ лицѣ своихъ многочисленныхъ поборниковъ и сторонниковъ, им'вшихъ удовольствіе уцѣлѣть въ думѣ, переживъ „алексєевскій терроръ“. У меня хранится карикатура на алексєевскія засѣданія, набросанная однимъ изъ гласныхъ. Н. А. Алексєевъ сидить, потрясая огромнымъ звонкомъ, и поминутно прерываетъ И. И. Шаховскаго, Катилину тогдашней думской оппозиціи, ораторствующаго въ пользу какихъ-то пріютовъ.

Шаховской. Господа гласные! Слезы вдовъ и сиротъ...

Алексєевъ (звонитъ). Пожалуйста, безъ меланхоліи-сь!

Шаховской. Городъ, какъ пеликанъ, питающій кровью своею птенцовъ своихъ...

Алексєевъ. И безъ аллегоріи-сь!!

Шаховской. Но, г. голова, принципы городского самоуправленія...

Алексєевъ. И безъ конституціевъ-сь... въ особенности!!!

Не знаю, состоять ли г. Шаховской гласнымъ московской думы въ настоящее время. При Алексєевѣ онъ былъ въ ней очень замѣтенъ. Въ качествѣ противника и систематического оппозиціонера, покойный Алексєевъ могъ узнати Шаховскаго луч-

ше, чѣмъ кого бы то ни было, во время борьбы за канализаціонный заемъ. Тогда Шаховской остался едва ли не послѣднимъ бойцомъ оппозиціонной арміи послѣ того, какъ „иные погибли въ бою, другіе ему измѣнили и продали шпагу свою“. Я живо помню, какъ на послѣднемъ засѣданіи, посвященномъ этому вопросу, Шаховской горячо говорилъ противъ отсрочки разсмотрѣнія протеста интеллигентной оппозиціи на конецъ засѣданія, тогда какъ обѣщано было поставить этотъ вопросъ на очередь первымъ. Алексѣевъ слушалъ Шаховского съ тѣмъ равнодушно смиреннымъ и иѣсколько лукавымъ видомъ, съ какимъ выслушивалъ онъ всѣ вообще выраженія въ вопросахъ, имъ давнѣмъ-давно предпрѣшненныхъ безоворотно и безапелляціонно. А, выслушавъ, хладнокровно указалъ на законное основаніе своего поведенія и предоставилъ Шаховскому, если ему угодно, занести свое заявленіе въ протоколъ засѣданія.

Проживи Алексѣевъ еще иѣсколько лѣтъ, и московское хозяйство, вѣроятно, было бы имъ налажено настолько, что и вирамъ могло бы идти дальше по инерціи, путемъ самоуправленія, на что не было въ состояніи ни до Алексѣева, ни при немъ, ни по немъ. Алексѣевъ смотрѣть на городское управление, какъ на огромное частное хозяйство, требующее безконечныхъ практическихъ нововведеній и улучшений. Онъ переломалъ и заново выстроилъ полъ-Москвы. Онъ умеръ на порогѣ къ исполненію гран-

діозныхъ плановъ; подъ многими изъ нихъ по сей-
часъ кряхтятъ его преемники, потому что смерть
Н. А. Алексеева, погасивъ его энергию, обезсилила
думу. Это одна изъ печальныхъ сторонъ системъ
правлениія, опирающихся на одну талантливую лич-
ность. Раньше Алексеева Москва имѣла уже такой
опытъ съ Н. Г. Рубинштейномъ; послѣ него ея пре-
восходная консерваторія сразу захудала на цѣлья
десять лѣтъ. Тѣмъ не менѣе, скажу снова: коллегія,
конечно вѣщь хорошая, по коллегіи коллегіи рознь,
и когда рѣчь идетъ о томъ, чтобы наладить практи-
ческое общеполезное дѣло, я, конечно, предпочтутъ,
чтобы во главѣ коллегіи стоялъ человѣкъ энергич-
ный, хотя бы иной разъ и самовластный, чѣмъ без-
характерный мямя, какъ бы закономѣрны ни были
его дѣйствія. Кулакъ—слово страшное, но... право,
даже кулакъ лучше мямянья и распущенности,
какими означеновываются въ нашемъ отечествѣ
почти всѣ общественные дѣла и затѣи. Какъ ии
дикъ и грубъ былъ Собакевичъ, а все же у него и
народъ былъ сытъ, и мебель въ кабинетѣ стояла
прочная, а у гуманистического Манилова люди пере-
бивались съ хлѣба на квасъ, и рядомъ съ изящ-
нымъ шандаломъ, украшеннымъ перламутровымъ
щитомъ, ставился на столъ засаленный кухонный
мѣдюкъ—инвалидъ. А то былъ еще такой полков-
никъ Кошкаревъ, что разорилъ и себя, и своихъ
крестьянъ единственно потому, что задался цѣлью
цивилизовать ихъ по всѣмъ правиламъ бюрокра-

тическаго прогресса съ „главными счетными экспедициями“, „комитетами сельскихъ дѣлъ“, „ комиссіями построеній“ и т. д., что было неправистно покойному Николаю Александровичу: онъ былъ равнодушенъ къ краснобайству, презиралъ бумагу и цѣнилъ только живое, быстро и непосредственно творимое дѣло. Вотъ точка зрењія, съ какой Алексѣевъ былъ и остается незамѣнимымъ человѣкомъ, особенно въ думѣ своего времени, — вялой, пустословной, всецѣло размѣнявшей дѣятельность на болтовню о пустопорожнихъ общихъ мѣстахъ. До Алексѣева московская дума изобиловала Киїами Мокіевичами; ужъ и за то спасибо Алексѣеву, что онъ извлекъ изъ обращенія этихъ послѣднихъ, вмѣстѣ съ ихъ утомительными разглагольствованіями. Начнетъ, бывало, человѣкъ обѣ ассенизаций, перескочить къ принципамъ самоуправленія, а кончить недоумѣніемъ. почему слонъ не родился изъ яйца. Именно ужъ — и аллегорія, и меланхолія, и новинный букетъ самоневиннѣйшихъ дешевенькихъ „конституціевъ“.

Какъ было мудрено и трудно уживаться съ ними, доказываютъ, распространившіеся передъ убийствомъ Алексѣева, слухи о нежеланіи его оставаться на посту городского головы. Онъ ссылался именно на усталость и недовольство думскою оппозиціей,—правда, пассивною, но, безспорно, вполнѣ состоятельною до смерти надоѣсть энергическому, умному, живому человѣку, желающему добра и про-

цвѣтанія города. Прежде чѣмъ онъ повертывали къ благу колесо городского хозяйства, ему каждый разъ ухитрялись подсунуть между синцами иѣсколько палокъ, которыя Алексѣеву приходилось сломать раньше, чѣмъ завертѣть колесо. Безцѣльные, неслѣпые, тупые, близорукіе тормазы выплывали наружу, какъ масло сверхъ воды, буквально, при всякомъ благомъ начинаніи Алексѣева: при всѣхъ его стройкахъ, сооруженіяхъ и проектахъ, кончая оппозиціей канализаціонному городскому займу. Алексѣевъ всегда выходилъ изъ борьбы побѣдителемъ, но—сколько энергіи ему приходилось истрачивать непроизводительно въ этихъ схваткахъ. Не говорю уже о досадѣ, какую, естественно, долженъ быть испытывать онъ, какъ человѣкъ умный, дальновидный и практическій, возясь съ арміей кротовъ—метафизиковъ, которые, стоя передъ лицомъ насущныхъ запросовъ и злободневныхъ потребностей, наивно бросались въ теоретическія отвлеченностіи, тонкое претенціозное умничанье и самолюбивые споры, съ краснорѣчіемъ ради краснорѣчія. „Единовластіе“, введенное Н. А. Алексѣевымъ въ думскія дѣла, было тогда необходимо, такъ какъ надо же было кому нибудь дѣло дѣлать. А у насъ — либо спали, либо переливали изъ пустого въ порожнее въ безконечныхъ дебатахъ „не обѣ томъ“, какъ говорилъ кто-то изъ героевъ И. Ф. Горбунова.

Но Алексѣевскіе порядки возможны и терпимы лишь при томъ условіи, чтобы въ ихъ формы вла-

галось и алексѣевское содержаніе. Кулакъ можетъ оправдывать себя лишь тѣмъ, что, разжигаясь, онъ приносить пользу, благотворить и благодѣть. Мы видѣли, что алексѣевскій кулакъ былъ именно таковъ; онъ никого не задавилъ, но многихъ осчастливилъ.

Помню, какъ розыгрывалась серія алексѣевскихъ инцидентовъ по вопросамъ о бойняхъ и канализаціонномъ займѣ. Засѣданіе 19-го мая 1892 года привлекло массу публики. Центромъ его программы предполагалось разбирательство протеста двадцати трехъ членовъ оппозиціи противъ черезчуръ произвольного разрѣшенія городскимъ головою вопроса о семи-милліонномъ городскомъ займѣ.

Члены оппозиціи играли въ этой исторіи, при всей благонамѣренности своихъ притязаній, довольно комическую роль. Наскучивъ безконечными и бесплодными преніями по канализаціонному вопросу, безрезультатно вращавшемуся въ области—“съ одной стороны, надо признаться, но съ другой нельзя не сознаться”—городской голова, въ одинъ прекрасный день, воспользовался отсутствиемъ въ думскомъ засѣданіи членовъ оппозиціи, чтобы провести роковой вопросъ. Въ это самое время оппозиція совѣщалась въ трактирѣ большого Московского товарищества, насупротивъ думы, о средствахъ противодѣйствія займу, въ частности, и алексѣевской гордынѣ, вообще. Увы! возвратившись въ думу, они могли спѣсть, какъ оффенбаховскіе жандармы:

Nous arrivons toujours trop tard, trop tard, trop

tard... Канализационный вопросъ былъ уже раскүшено Н. А. Алексѣевымъ, какъ орѣхъ; ядро вынуты и съѣдено, скорлупа брошена въ уголь. Оппозиція убѣдилась, что она прокушала на бутербродахъ семь миллионовъ рублей—во-первыхъ. а, во-вторыхъ, ее стали дразнить съ тѣхъ поръ „трактирной субъкомиссіей“.

Съ этого дня начались протестующія отдѣльныя мнѣнія и заявленія гласныхъ о самоуправствѣ городского головы, а также отказы отъ званія гласнаго. Ушли изъ думы М. П. Щепкинъ, А. Н. Маклаковъ, К. Ф. Одарченко; дума всѣхъ благодарила за прежнюю дѣятельность, но никого не удержала. Алексѣевъ кланялся, говорилъ два-три прочувствованныхъ слова на тему „прощенья просимъ... ходите почаше, безъ васъ веселѣй“, и тѣмъ дѣло кончалось. Газеты, хотя и не въ полномъ комплектѣ, но все-таки въ большинствѣ, высказались за оппозицію и порицали поведеніе городского головы. Но „не страшили его громы газетные, а думскіе держалъ онъ въ рукахъ!“ Многихъ изъ членовъ оппозиціи я знать, какъ людей умныхъ, честныхъ, благожелательныхъ и благонамѣренныхъ; самоуправство мнѣ принципіально антипатично, и потому явился я слушать думское засѣданіе, настроенное скорѣе противъ Алексѣева, чѣмъ за него, но вышелъ изъ засѣданія подъ совершенно другимъ впечатлѣніемъ. Не то, что Н. А. Алексѣевъ убѣдилъ меня, какъ и всю остальную публику, въ закономѣрности и спра-

ведливости своего поведенія. Онъ никого ни въ чёмъ не убѣждалъ; напротивъ, снялъ острый вопросъ съ очереди, перевѣль его съ первого мѣста на послѣднее, такъ что многіе гласные, наскучивъ ожидать преній, поразъѣхались. Потребное для „постановки вопроса“ число гласныхъ 90 оказалось въ недочетѣ. Пришлось перенести вопросъ на слѣдующее засѣданіе, чѣго предсѣдателю и хотѣлось. Н. И. Шаховской потребовалъ:

— Объясните мнѣ, г. городской голова, на какомъ основаніи нарушили вы установленный порядокъ засѣданія? Законъ предписываетъ точное исполненіе пред назначенной программы... Я протестую и прошу занести мои слова въ журналъ.

На это Алексѣевъ отвѣтилъ весьма хладнокровно:

— Занести въ журналъ можно. Отчего не занести? Что же касается до объясненія, то и объяснить можно. Порядокъ засѣданій устанавливается предсѣдателемъ и есть его исключительно дѣло. Такъ я поступалъ, поступаю и намѣренъ поступать впредь. Объявляю засѣданіе закрытымъ.

Словомъ, человѣкъ, самымъ дерзкимъ образомъ, бросилъ въ глаза почтеннѣйшей публикѣ свое „какъ хочу, такъ и дѣлаю!“ Sic volo, sic jubeo! и подтвердить всѣ устныя и печатныя рѣчи о немъ. И тѣмъ не менѣе, опять скажу, публика осталась на его сторонѣ, а не стояла за „униженныхъ и оскорблѣнныхъ“ думцевъ.

Обаяніе Н. А. Алексѣева на толпу строилось,

прежде всего на положеніи „кто ясно мыслить—ясно излагаетъ“. Этотъ человѣкъ не мудрствовалъ лукаво и не любилъ цвѣтовъ краснорѣчія. Онъ былъ понятенъ массѣ, какъ никто другой въ думѣ, и производилъ впечатлѣніе человѣка, который, одинъ во всемъ засѣданіи, всегда точно знаетъ, какого отвѣта онъ хочетъ по тому или другому вопросу. Это придавало его рѣчи характеръ глубокой, даже страстной убѣжденности. У него былъ ясный практическій умъ, свѣтлая голова, необыкновенно приспособленная къ тому, чтобы, отбросивъ отъ дѣла детали, заграждающія его суть, выжать изъ вопроса сокъ, какъ изъ лимона, и въ краткой, энергической, порывистой формѣ резюмировать положенія, пригодныя иному словоохотливому оратору для двухчасовой рѣчи. Такимъ образомъ, масса все время слышала Алексѣева говорящимъ только о дѣло и привыкла думать, что онъ попусту словъ не тратить. Съ подобными ораторами можно не соглашаться, но вы никогда не оставите ихъ безъ вниманія. Такъ какъ дѣла и вопросы, городскимъ головою выдвигаемы, были всегда полезны городу и симпатичны въ принципѣ, то, разъ они изъ области прецій переходили въ реальное бытіе, массѣ, въ сущности, было безразлично, соблюдались ли при этомъ переходѣ права представителей городского самоуправлениія. Она видѣла больницы, школы, лѣчебницы, бойни, чудесныя новыя городскія зданія: это факты, а не сны. Наглядное дѣло заслонило

умозрительныя отвлеченности. Москва знала, что безъ Алексѣева, не удовлетворила бы многихъ своихъ потребностей еще долгіе годы и оставалась совершенно равнодушна къ вопросу о законности большинства, разрѣшившаго, экстренно поднятые имъ, насущные вопросы. То же самое и съ вопросомъ канализаціи. Однажды, у Н. А. Алексѣева вырвалась фраза въ томъ смыслѣ, что всѣ думскіе дебаты только пустая потеря времени, потому что рѣшать дѣло будутъ не говоруны, а молчаливые гласные, давно уже составившіе свое мнѣніе, и разрѣшать они вопросъ баллотировкой—не болѣе, какъ въ пять минутъ. Фраза опять довольно автократическая, если сообразить, что молчаливые гласные въ большинствѣ шли за городскимъ головой и составляли его боевую силу. Впечатлѣніе ума и талантливости Н. А. Алексѣевъ оставлялъ въ каждомъ, кто видалъ его во главѣ засѣданія. Онъ былъ очень эффектнымъ предсѣдателемъ, иногда, пожалуй, даже немножко театральнымъ. Онъ импонировалъ засѣданію своей молодецкой фигурой, мужественнымъ лицомъ—чисто московского, купеческого, хотя и обкультивренного типа, своею нервностью, когда его отвлекали отъ дѣла пустяками, и выдержанью, когда на сценѣ проходили серьезныя темы. Затѣмъ, онъ былъ лучшимъ ораторомъ думы, хотя между ея langues bien pendues были языки, болѣе приспособленные къ источенію красивыхъ словъ, чѣмъ языки Н. А. Алексѣева. Но одна вещь—Цицеронъ съ языка,

другая— Демосеенъ. Когда говорилъ Цицеронъ, римскій форумъ щелкалъ языками отъ удовольствія и восклицалъ: нѣтъ въ мірѣ человѣка, который бы говорилъ лучше, чѣмъ этотъ Маркъ Туллій. Когда же говорилъ Демосеенъ, аенияне забывали выразить одобреніе краснорѣчію Демосеена, но кричали: война Филиппу!—что и требовалось доказать. Говорить кто нибудь изъ гласныхъ Цицероновъ,—молчаливое большинство частію позывываетъ, частію одобряетъ: хорошій штиль,—видно, что наукамъ обучался! Говорить Алексѣевъ,—никто о *façon de parler* его не думаетъ, но когда онъ кончалъ рѣчь, молчаливое большинство гуртомъ шло къ баллотировочному ящику и клало шары за Алексѣевское предложеніе.

Ораторомъ - громовержцемъ я Н. А. Алексѣева не слыхалъ, хотя бывали случаи, когда, въ раздраженіи, онъ принимался „орать“ на собраніе... и, увы! не находилось никого, кто бы дернулъ его за фалду!

Юморъ, немножко грубоватый, но юдкій и мѣткій, также имѣлся въ его арсеналѣ. Помню, какъ-то разъ рѣчь шла о холодильной машинѣ, пріобрѣтенной городомъ для боенъ и уже принятой отъ Доброва и Набгольца, исполнителей заказа. Между тѣмъ машина оказалась негодною или, какъ говорили въ засѣданіи техники-специалисты, полугодною; она была не дурна для сжатія воздуха, но не годилась для охлажденія его. Говорено было на эту

тему очень много и убедительныхъ, и горячихъ словъ, но всѣ эти слова не касались сути дѣла, скользили по его поверхности.

— Позвольте,—сказалъ Алексѣевъ,—я не техникъ и подробностей машиннаго дѣла не понимаю. Да засѣданіе не для подробностей и собрано. Господа члены технической комиссіи говорятъ, что машина негодна?

— Полугодна.

— Значитъ, негодна. Полугодную машину мы не заказывали. Заказывали годную. Вернуть ее Доброву и Набгольцу.

— Они не примутъ.

— А у насъ ихъ залогъ есть; мы изъ залога 6.000 рублей удержимъ.

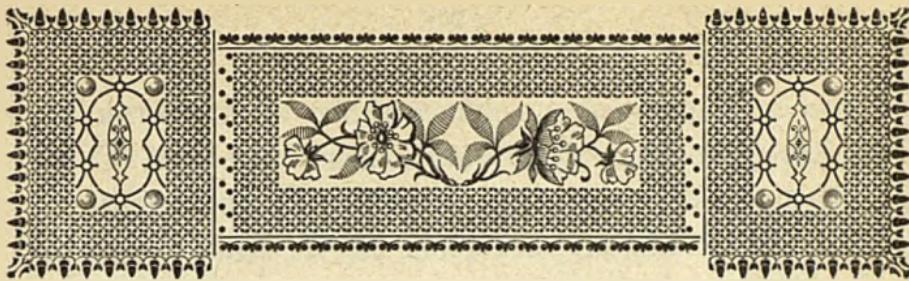
— Я бы желалъ знать, зачѣмъ понадобилась эта машина?—узвилъ кто-то изъ техниковъ.

— Затѣмъ, что техникамъ свойственно увлекаться, — нравоучительно замѣтилъ Алексѣевъ, — чего кажется проще: набилъ погребъ льдомъ,—и охлаждай телятину, сколько угодно. Но у техника явилась идея о холодильной машинѣ. Что же, опытъ интересный, смѣта позволяла,—заказали машину. Принимаемъ. Хороша машина? Техникъ въ восторгѣ. Онъ добился исполненія своей идеи и доволенъ. Приходятъ другие техники съ другими идеями и говорять, что машина негодна или полугодна, что, опять таки повторяю, по моему, значитъ негодна. Въ концѣ концовъ, мы, благодаря техническимъ

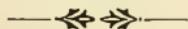
увлеченіямъ, принуждены или пріобрѣсти новую машину, или... все-таки набить погребъ льдомъ, когда Богъ зиму пошлетъ.

Н. А. Алексѣеву давало значительный перевѣсь надъ большинствомъ его оппонентовъ, между прочимъ, и то обстоятельство, что онъ всегда зналъ, къ какимъ выводамъ и какими путями будутъ гнуть его противники, строя практику по предвзятой теоріи; они же его путей и выводовъ предвидѣть были не въ состояніи, какъ нельзѧ вообще предвидѣть путей и выводовъ человѣка, если его мысль работаетъ не по кодексу теоретическихъ отвлеченностей, но въ подчиненіи живымъ запросамъ насущныхъ практическихъ интересовъ, гибкихъ и легко измѣнчивыхъ по требованію обстоятельствъ. Алексѣевъ игралъ съ думою всегда на вѣрняка, зная напузсть всѣ ея карты, а свою сдачу онъ держалъ закрытою и крѣпко зажавъ ее въ кулакѣ. Такъ игралъ и выигрывалъ. И такъ слагалась думская эпоха, которую одни зовутъ „золотымъ вѣкомъ московского самоуправленія“, а другие, наоборотъ,—„алексѣевскимъ терроромъ.“

Таинственная корреспондентка.

МНѢ достались черновыя записки неизвѣстной дамы, игравшей, какъ читатель увидить, весьма странную роль при дворѣ трехъ государей: Екатерины II, Павла I и Александра I. Рукопись, несомнѣнно, писана въ самомъ началѣ нынѣшняго столѣтія, въ чемъ удостовѣряютъ ея бумага, цвѣтъ чернилъ, почеркъ и правописаніе. Она распадается на двѣ части, русскую и французскую, и страдаетъ множествомъ погрѣшностей и сокращеній, разбираясь въ которыхъ довольно досадно. Я недостаточно силенъ въ исторіи эпохи, которую рисуютъ намъ записи, чтобы дѣлать предположенія объ имени ихъ составительницы, но изслѣдователю - специалисту разобраться въ фактахъ и лицахъ будетъ, вѣроятно, не трудно. Находящійся у меня оригиналъ рукописи я съ удовольствиемъ предоставлю вниманію всякаго ученаго, кто бы имъ заинтересо-

вался. Впрочемъ, по напечатаніи этой статьи въ „Историческомъ Вѣстникѣ“, редакторъ его, С. Н. Шубинскій, уже давалъ рукопись на просмотръ извѣстному нашему историку Н. К. Шильдеру. Не знаю, что сказалъ онъ и сказалъ ли что. Здѣсь я передамъ лишь ходъ событій, въ запискахъ излагаемыхъ, приводя въ подлинникѣ наиболѣе характерныя и занимательныя мѣста. Печатать цѣликомъ не имѣло бы интереса: авторъ черезчуръ много умствуетъ. Какъ образчикъ этихъ умствованій, привожу выдержки изъ длинныхъ и разнообразныхъ предисловій къ запискамъ. Манускриптъ носитъ название „Сокращенная выписка изъ тайной записи моей жизни съ 1794 по 1808 г.“. Ниже предупрежденіе: „Читатель увидить и разбереть, а, разобравъ и взвѣшивъ мои дѣла, пускай наименуетъ меня, какою изволитъ“. Затѣмъ слѣдуетъ „Предисловіе“ такого содержанія: „Съ ошибками современниковъ моихъ не уживается и совершеннѣйшій человѣкъ. То могу ли я оскорбляться, что предразсудки, оскорбления и клеветы устремились на меня? Но, какъ терзанія совѣсти не преслѣдуютъ меня, то бросаю оные, подобно тяжелому сну, и забываю ихъ. Зерцало истины и Правосудія, переходя изъ рукъ въ руки, наконецъ... вовсе разбилось; и только тотъ можетъ отыскать его обломки и, соединивъ ихъ, привести въ совершенную цѣлость, кто не страшится злодѣевъ, гордящихся своими преступленіями и своимъ могуществомъ. Тотъ и имѣть

твёрдость духа и благородное презрение къ бѣдствіямъ. А кто боролся съ самыми трудными обстоятельствами, тотъ уже слабыя свободно одолѣетъ. Dulce et decorum est pro virtutibus mori“.

„Введеніе. Вопросъ. Для чего одинъ глупый, а другой съ подлою душою человѣкъ, и оба рожденные для забвенья, свѣтозарны, тогда, когда умный и добродѣтельный человѣкъ проводить дни жизни своей во тьмѣ?

Отвѣтъ.

„Для словъ, какъ для людей, есть жребій роковой;
Случай играеть ихъ судьбой.
Онъ—ихъ судья, они—его созданье.
Захочетъ—и въ чести; велитъ—они въ изгнанїи.
Ненестовый тиранъ,—по святъ его законъ“.

„Sie значитъ, что добродѣтель, дарованія и за слуги, кажется, должны бы быть единственными ходатаями, но между тѣмъ должны уступить мѣсто проискамъ кичливыхъ, которые только тѣмъ и занимаются, чтобъ подлазить и уловить, которыхъ дѣло только въ томъ и состоитъ, кто лучше умѣеть въ милость и довѣренность государя вкрасться и задружить его рабовъ и, ползая, мало-по-малу, на высоту взодраться! Кто проворнѣе и гибче, тотъ скорѣй пролѣзть: но знающій цѣну своей добродѣтели удаляется и въ забвѣніи остается. Такъ Дворъ, наполненный происками, есть такое смѣщеніе страстей, въ которомъ и самая премудрость не можетъ разобрать истины. Такъ въ царствованіе

государя императора Алѣксандра Перваго всенародная польза почиталась за ничто: уваженіе особы рѣшало и похвалы, и поношенія, и сей царь, лжами окруженный, обремененный сомнительностями и недовѣрчивостью, по большей части, изъ нерѣшиности своей, не выходилъ иначо, какъ токмо ввергаясь въ заблужденіе».

Эти общія замѣчанія даютъ автору поводъ къ довольно туманному и мало интересному „сближенію“ съ частнымъ примѣромъ: своею личною судьбою, послѣ чего, наконецъ, начинается и самая тайная записка».

Отецъ „таинственной корреспондентки“ скончался 31 марта 1794 года, оставивъ дочь на 22-мъ году отъ рожденія. Онъ занималъ какой-то высокій постъ при дворѣ Екатерины II, но, кажется, именно этотъ постъ и сдѣлалъ его великимъ пессимистомъ. По крайней мѣрѣ, онъ оставилъ дочери въ высшей степени мрачное завѣщаніе. Въ немъ „было мнѣ именно приказано удаляться, елико возможно, отъ царскаго престола, который изображалъ онъ мнѣ окруженнымъ густѣйшимъ туманомъ зависти и мрачнѣйшими облаками злобы. Таковое описаніе устранило неопытность мою ужаснѣйшимъ образомъ“. Въ французской части рукописи мы находимъ явственные указанія, что отцовское завѣщаніе не только отвратило нашу геройню отъ придворной жизни, но и вообще надолго отравило ей жизнь своими неприглядными картинами.

„Вообразите,—говорить она,—дѣвушку съ характеромъ, отъ природы и въ обыденныхъ условіяхъ мягкимъ и покорнымъ, но когда ею овладѣваются страсти—горячимъ, гордымъ и неукротимымъ. На нее, какъ способную руководствоваться голосомъ разсудка, всегда дѣйствовали ласкою, справедливостью, снисходительностью. Она никогда не имѣла понятія о несправедливости и, въ первый разъ при прочтеніи настоящей рукописи (т. е. завѣщанія), узнала о жестокой несправедливости тѣхъ, кого она любила и уважала болѣе всего. Какой переворотъ понятій?! Какой беспорядокъ чувствъ въ ея сердцѣ, въ ея головѣ, во всемъ ея нравственномъ „я“! Вообразите все это,—говорю я,—если возможно, потому что я лично чувствую себя не въ состояніи прослѣдить все, что со мной тогда дѣлалось. Тутъ былъ конецъ ясности и спокойствія моей молодости. Съ этой минуты я перестала наслаждаться чистымъ счастьемъ и даже теперь чувствую, что воспоминанія о прелестяхъ моего тогдашняго возраста тутъ обрываются. Деревня потеряла въ моихъ глазахъ притягательную силу спокойствія и сердечной простоты: она мнѣ казалась темной пустыней, она была какъ бы покрыта пеленою, скрывающей отъ меня всѣ ея прелести. Я перестала ее любить и уговорила мою мать продать ее“ ^{*)}). Только старость была

Qu'on se figure une personne née avec un caractère doux et docile dans la vie ordinaire, mais ardent, fier, indomptable dans les passions; gouvernée par la voix de la raison, toujours traitée

въ силахъ примирить „незнакомку“ съ ея воспоминаніями. Объясненій скорби своей она не даетъ: это какая то семейная тайна. Во французской же части рукописи есть странный намекъ: „мое рождение было первымъ изъ моихъ несчастій. Не знаю, какъ перенесъ это огорченіе мой отецъ, но знаю, что оно его всегда грызло“.

Какъ бы то ни было, мемуаристка—дочь преданная, любящая, благоговѣющая предъ родительскою памятью. Скорбь ея по отцѣ обратила на нее внимание императрицы Екатерины. Она „прислала ко мнѣ съ утѣшительнымъ увѣщаніемъ и совѣтами человѣка, который, по разсказамъ отца моего, былъ мнѣ довольно извѣстенъ, а именно обергофмаршала своего, князя Барятинскаго. Сей гнусный царедворецъ, сие пресмыкающееся твореніе, испедшее изъ самаго Тартара, который адскіе знаки возвышенія

avec douceur, equit , complaisance qui n'avait pas m me l'id e de l'injustice, et qui, pour la premi re fois, par la lecture du manuscrit en question, y voit une si terrible injustice de la part pr cis m nt de ceux qu'elle cherissait et respectait le plus. Quel renversement d'id es! quel d sordre de sentiments! quel bouleversement dans son coeur, dans sa t te, dans tout son  tre moral! Je dis qu'on s'Imagine tout cela, s'il est possible; car, pour moi, je me sens hors d'et t de d m ler, de suivre la moindre chose de ce qui se passait alors en moi. L  fut le terme de la s renet  de ma jeunesse. D s ce moment je cessai de jouir d'un bonheur pur, et je sens aujourd'hui m me que le souvenir des charmes de l' ge que j'avais ~~s'arr te~~ l . La campagne perdit a mes yeux cet attrait de douceur et de simplicit  qui va au coeur: elle me semblait d serte et sombre; elle s'『tait comme couverte d'un voile qui m'en cachait les beautes. Je n'y trouvai plus de go t et d terminai ma m re a la vendre.

своего носилъ на правой своей рукѣ (?), старался съ отвратительною для меня царедворскою любезностью, которая тогда въ глазахъ моихъ казалась болѣе насмѣшкою, утѣшить меня и склонить на царскую милость, предложенную мнѣ Великой Екатериной, но получилъ отъ меня, наконецъ, слѣдующій отвѣтъ:

„Князь, я выслушала васъ до конца и не удивляюсь вашей эпикурейской философіи; но позвольте мнѣ теперь вамъ откровенно сказать, что вы и всѣ вамъ подобные, имѣвъ души помраченныя, не можете понять грусти моей, слѣдственно — не въ состояніи меня уразумѣть. Итакъ, оставьте печальную на произволъ собственного ея счастья иувѣрьте ея императорское величество, что, чувствуя въ полной мѣрѣ всѣ ея ко мнѣ милости, за которыхя и приношу ей сердце, преисполненное наичувствительнейшей благодарностью, но въ то же время, чувствуя себя и совершенно неспособною жить при дворѣ, я не могу на оное рѣшиться“.

„На сie вышесказанныя особа, сдѣлавъ замѣчаніе по своему, получила отъ меня опять слѣдующій отвѣтъ:

„Повѣрте, милостивый государь, что я всѣ милости монархии очень живо чувствую и ихъ цѣнить умѣю, но скажу вамъ теперь рѣшительно, что только тогда, когда сердце мое превратится въ камень, когда огонь чувства чистѣйшей добродѣтели угаснетъ въ груди моей, подобно, какъ заря ве-

черная угасает на полунощномъ небѣ; когда, забывъ святую истину, паду я ницъ предъ златыми кумирами человѣческихъ заблужденій, тогда... да, тогда только, князь, буду я жить между царедворцами — жить въ ихъ удовольствіе и быть другомъ ихъ, но теперь мы чужды другъ другу, и горесть моя не можетъ ихъ тронуть“!

Однако же, послѣ всѣхъ этихъ громкихъ фразъ, незнакомку все-таки потянуло во дворецъ. Въ ней возродилось живѣйшее желаніе „увѣриться въ скажанномъ мнѣ отцомъ моимъ собственнымъ моимъ опытомъ, приблизиться къ царедворцамъ и въ тайнѣ разглядѣть сихъ хамелеоновъ“.

„Свѣтлѣйший князь Безбородко, бывшій тогда еще графомъ, неизмѣнныи другъ родителя моего, коему всѣ тайны извѣстны были, умирающему другу своему далъ обѣщаніе служить спротѣ его вмѣсто отца и покровителя, въ чемъ и слово свое сдержанъ. Сей почтеннѣйший мужъ посѣщалъ меня часто, и однажды при свиданіи съ нимъ сказала ему слѣдующее:

— Почтенный мой покровитель, въ моихъ съ вами бесѣдахъ я очень много нужнаго и полезнаго для себя почерпнула, а теперь прошу васъ наставить меня въ томъ средствѣ, чрезъ которое могу успѣть въ желаемомъ мною, а именно — быть занятой должностю, не бывъ, однако же, въ зависимости ни у кого. Желать того, что однажды требовала Дашкова отъ монархии своей, было бы съ моей стороны

крайне безразсудно, но между тѣмъ ужасная возродились у меня чувства къ пользѣ монаршей; и въ здравомъ разсудкѣ, но свыше, кажется, благодати, чтобы можно было мнѣ въ ономъ успѣть. Объяснить вамъ всю обширность познаній и опытность родителя моего въ политикѣ и глубокомыслѣ его не нужно; оно вамъ довольно извѣстно, и если я, по младости и неопытности моей, не имѣю ни его обширныхъ свѣдѣній, ни его глубокомыслія и тонкости ума, то имѣю, по крайней мѣрѣ, довольно достаточнаго свѣдѣнія о нѣкоторой политической части, состоящей въ собраніи и составленіи общенародныхъ мнѣній; въ чемъ же я найду какое ни на есть неодумѣніе, то, вѣрно, второй мой отецъ позволить мнѣ прибѣгнуть къ его совѣтамъ.

— „Любезная моя философка (симъ именемъ называлъ меня почти всегда князь Безбородко),—сказаль мнѣ сей съ почтеною и милостивою улыбкою,—я постараюсь, при удобномъ случаѣ, поговорить о семъ съ императрицею; но я долженъ васъ предупредить, что она на васъ въ великомъ неудовольствіи, и вамъ самимъ причина сего извѣстна; но я всевозможнo постараюсь загладить вашу вину предъ нею; возьмите нѣсколько терпѣнія, а наипаче будьте молчаливы и не сообщайте никому вашего желанія...

„Черезъ нѣсколько времени, по возвращеніи императрицы изъ Царскаго Села, въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1794 года, извѣстилъ меня Безбородко, что по-

здравляетъ меня съ желаемымъ успѣхомъ, но что
я императорское величество повелѣла мнѣ зани-
маться вышесказанной должностю въ совершенной
сокровенности и доставлять плодъ трудовъ моихъ
къ нему, Безбородкину, при чёмъ изволила замѣтить
слѣдующее: что я странная и удивительная моло-
дая особа, но что это не что иное есть, какъ по-
слѣдствія воспитанія и упорства родителя моего
не вручить меня г-жѣ Фибалѣ (сія Фибалѣ была вы-
писана изъ Парижа самою императрицею для шести
фрейлинъ при дворѣ, которыхъ она особенно отли-
чала). Онъ потерялъ дочь свою,—продолжала монар-
хиня,—своимъ глупымъ воспитаніемъ; что онъ те-
перь изъ нея сдѣлалъ, сообща ей свои странныя
правила, свое упрямство и свою гордость! Ахъ,
какъ мнѣ ее жаль! Но, графъ, нельзя ли ее скло-
нить войти въ супружескую связь? Она васъ очень
много любить и почитаетъ, вы имѣете всю ея до-
вѣренность; пострайтесь на сіе склонить сію не-
счастную. Я имѣю для нея очень хорошаго и вы-
годнаго жениха; вы его знаете, графъ, это—Грабов-
скій (побочный сынъ короля польскаго).

— Какъ?—вскричала я, пылающая негодованіемъ— мнѣ замужъ идти?.. Мнѣ имѣть мужа, имѣть для себя сію лишнюю и пустую мебель?!.. Знаю и чув-
ствую, что, конечно, императрица имѣть причину
жалѣть обо мнѣ, но отнюдь не о моемъ воспитаніи,
не о томъ, что я есть теперь, ибо я есть теперь,
благодаря Бога, дѣвица честная, какой и завсегда

надѣюсь остатъся. И скажите, второй мой отецъ, что бы я была при дворѣ?

„Сей отвѣчалъ: „столь же любезны, но не такъ добродѣтельны, вы бы были лишены сей драгоцѣнной душевной дѣвственности, которая чужда придворнымъ“.

— „Такъ скажите мнѣ, о чёмъ же жалѣть императрица? развѣ только о томъ, что я собою не умножила число развращенныхъ, которые ее окружаютъ? Въ самомъ дѣлѣ я всенижайше благодарю ее о семъ участіи и твердо увѣряю, что мнѣ никогда не быть замужемъ“.

— „Для чего же такъ, милая моя философка, развѣ вы совершенно возненавидѣли нашъ полъ?— возразилъ почтенный мой покровитель.

— „Ахъ, нѣть, графъ, и я надѣюсь, что выувѣрены въ моемъ къ вамъ высокопочитаніи и великой душевной любви... словомъ, я такъ много цѣню всѣ ваши рѣдкія достоинства и вашу отличную добродѣтель, что, если бы это только возможно было сдѣлать, то я приказала бы съ васъ снять портретъ, приказала бы всѣмъ ему молиться, какъ образу. Но замужъ за васъ никогда не согласилась бы идти; не для того, что вы теперь для меня слишкомъ стары, но для того, что зависимость для меня, какого бы она, впрочемъ, рода ни была, слишкомъ ужасна по правилу и характеру моимъ, и вотъ единая причина моего отвращенія къ супружеству.

— „Слѣдовательно, — сказалъ графъ, — импера-

трица права и со всею справедливостью осуждаетъ данное вамъ родителемъ вашимъ, не по полу вашему, воспитаніе. Но теперь нечего о семъ разсуждать; что сдѣлано, того не возвратить: а извольте лучшее начать вашу новую должность и получать за оную жалованье вмѣсто замужества“.

— „Помилуйте, графъ, я никогда и не мыслила служить изъ жалованья, а только изъ одной чести.

Вамъ не безъизвѣстно, что родитель мой оставилъ мнѣ 500.000 рублей, что и довольно достаточно будетъ по гробъ мой.

— „Ну, философка моя, какъ вы сіе назовете, не гордость ли это? и вамъ извѣстно, что у меня такой суммы въ двадцать кратъ болѣе, но я, между тѣмъ не отказываюсь отъ жалованья, да и не смѣю этого сдѣлать: намъ прилично получать и жалованье, и милости отъ царей, а имъ неприлично пользоваться нашими милостями; и вы этимъ обѣгаете·вашу благодѣтельницу, что очень не хорошо. Итакъ, я соѣдѣту вамъ принять отъ великой ея щедроты назначенныя вамъ ежегодно по 12.000 рублей жалованья и сей подарокъ, который она изволила мнѣ вручить для доставленія вамъ при слѣдующихъ словахъ:

„Я сердечно желаю, чтобы труды новаго моего слуги (или служителя) столь же полезны и питательны были, какъ изображенныя зерна въ семъ колосѣ, однакожъ менѣе блиста тельны: впрочемъ, яувѣряю ее во всегдаш-

немъ моемъ царскому благоволію и что я ее даже и нехоча люблю".

„Я была столь смущена и столь растрогана толикими монаршими милостями, что тогда, истинно стыдясь своему заблужденію, я совершенно осталась безмолвной, и въ семъ положеніи оставилъ меня графъ.

„Сей великий мужъ, сей всеобъемлющий геній, который имѣть рѣдкій даръ читать въ человѣческомъ сердцѣ и имѣ управлять всесовершенно, очень легко усмотрѣть, что происходило тогда въ моемъ, и посему за нужное почель оставить меня въ покоѣ, дабы могла я предаться сердечному чувству моему и размышеніямъ моимъ.

„По отбытии графа, удалилась я немедленно въ свой кабинетъ, гдѣ, бросаясь въ кресло и орошенная потоками слезъ, обвиняя то себя, то опять оправдывая, тажъ что поперемѣнико была колеблема разными чувствованіями, и осталась въ семъ положеніи на весь день одна, въ философическомъ уединеніи своемъ, гдѣ я и начала размышлять о новой своей должности и надежнѣйшихъ средствахъ приступить къ ней.

„Вступила я въ оную 1794 года, октября 23 дня, и тогда было мнѣ отъ роду 22 года и 7 мѣсяцевъ; въ теченіе этого года успѣла я доставить ея императорскому величеству плоды трудовъ моихъ, которые были очень милостиво приняты и одобрены и за которые получила я опять брилліантовыя серги,

изображающія грушу. Графъ спросилъ меня, какъ мнѣ сей подарокъ нравится.

— „Онъ безнадобный,—отвѣчала я,—но между тѣмъ все, что бы я ни получила отъ монаршей щедроты, не можетъ иначе быть для меня, какъ драгоцѣнною вещью! Однакожъ, первый для меня цѣннѣе, потому что вынудилъ меня, войдя въ себя, размышлять о томъ впечатлѣніи, которое онъ произвелъ во мнѣ, и сознать, что я виновница горечи столь милостивѣйшей и великодушнѣйшей царицы, и вотъ почему первый подарокъ любезнѣе.

— „Браво, браво, дочь моя! позвольте старцу обнять вѣсъ за сей прекрасный отвѣтъ, достойный изящныхъ чувствъ великой вашей души.

„Описывать здѣсь всѣ тѣ отличныя милости, коими я пользовалась отъ сей премудрой монархии, столь многочисленны, равномѣрно и всѣ пощеченія и благоразумныя наставленія покойнаго князя Безбородкина, что здѣсь упомянуть объ нихъ совершенно не уместно, и скажу еще только, что смерть сихъ двухъ для меня божественныхъ благодетелей похитила съ собой и все мое благополучіе.

„По вступленіи на всероссійскій престолъ императора Павла I, то и сей монархъ не оставилъ меня безъ изъявленія своей ко мнѣ благосклонности и въ знакъ оной предложилъ мнѣ мѣсто фрейлины при дворѣ. Здѣсь не должна я умолчать, но сказать въ честь сего государя, что отвѣтъ, который

онъ получилъ отъ меня касательно сей предлагающей мнъ почести, всякаго иного вынудилъ бы наказать, но, напротивъ того, отъ сего великодушнаго монарха заслужиль мнъ похвалу. На мой отвѣтъ онъ сказалъ слѣдующее:

— „Я въ семъ отвѣтѣ узнаю достойнаго и поченнаго отца ея.

„Отвѣтъ же мой былъ слѣдующій: „что я все нижайше благодарю его императорское величество за оказанную мнѣ честь и милость... но чувствую въ полной мѣрѣ и то, что я недостойна ея. да и для сей должности совершенно не рождена и не воспитана, почему и не могу ее занять; что государь, который коротко знавалъ покойнаго родителя моего, вѣрно согласится, что сей не воспитывалъ дочь свою для того, чтобы служить украшеніемъ двора, или лучше сказать, его декорациами; но что я чувствую себя въ состояніи быть полезиѣ въ обществѣ“. Послѣ сего предложилъ мнѣ сей государь въ вѣчное мое владѣніе 800 душъ крестьянъ, и отъ тѣхъ я отказалась, сказавъ, что я обращаться съ крѣпостными людьми не умѣю, сельской экономіи не понимаю и что вообще невольниковъ не желаю у себя имѣть. Послѣ сего втораго отвѣта, не сказавъ мнѣ болѣе ничего, прислалъ мнѣ сей монархъ 25,000 рублей и просилъ меня ихъ принять, яко отъ должника родителя моего, у котораго занималъ великимъ княземъ не малозначительныя суммы и не платя никогда процентовъ. Теперь, сдѣ-

лавшиись государемъ, онъ чувствуетъ себя обязаннымъ отдать процентныя деньги дочери сего почтенного мужа. Какая деликатность въ сей монаршой милости! Это точная правда, что покойный родитель мой неоднократно ссудилъ деньгами сего государя, когда онъ былъ еще великимъ княземъ, и когда всѣмъ запрещено было не дѣлать ему довѣрія даже въ пятидесяти рубляхъ.

„Кратковременное царствованіе сего монарха, сего отца народа своего, одушевленнаго искреннѣйшею любовью къ вѣрноподданнымъ своимъ, какое чувство проницало все бытіе его и какія рождало благія намѣренія!.. Къ несчастію, онъ ихъ выполнить не могъ, и тѣ, которые ищутъ уязвить дѣянія сего монарха и вмѣстѣ помрачить отравою клеветы благія его намѣренія, уподобляются сатанѣ, старающейся чѣмъ-нибудь занятьнать непорочность ангела. Онъ, конечно, яко человѣкъ, имѣлъ свои слабости и погрѣшности, но и солнце не безъ пятенъ.

„Въ царствованіе сего государя я истинно уподоблялась невидимкѣ, то-есть, я всѣ свои дѣянія и поступки такъ располагала, что все мнѣ можно было знать, замѣтить, даже и предвидѣть, не бывъ сама ни въ чемъ замѣчена, или подозрѣваема, но оставлена совершенно безъ дальнѣаго вниманія; тѣмъ напаче, что должность моя при императрицѣ оставалась неизвѣстною, и что только объ ней одинъ Безбородко зналъ, отъ коего я и въ началѣ царствованія Павла Перваго много полу-

чила свѣдѣній касательно политическихъ оборотовъ и ненадежныхъ средствъ, предпринятыхъ симъ государемъ для благополучнаго его царствованія.

„1806 года, блаженной памяти государь императоръ Александръ Павловичъ, однажды, увида меня проѣзжающей верхомъ мимо Каменного острова и того дворца, въ которомъ онъ имѣлъ свое пребываніе, спросилъ бывшаго тогда при немъ графа Толстаго, оберъ-гофмаршала своего: не знаетъ-ли онъ, кто эта дама и гдѣ она живетъ? •

— „Не знаю,—отвѣчалъ сей,—но вижу ее часто въ саду графа Строганова.

— „Такъ, пожалуйста, графъ, — сказалъ государь,—узнай о ней и гдѣ она живетъ.

„На другой же день поутру, увидѣла я Толстаго, проѣзжающаго верхомъ мимо того дома, въ которомъ я жила на дачѣ графа Головина, купленной государемъ Александромъ, которая находится по ту сторону Черной рѣчки, за Строгановскимъ садомъ. Толстой поклонился мнѣ съ великимъуважениемъ, чemu я не мало удивилась, ибо, встрѣчаясь до сего со мною, глядѣть онъ мнѣ только въ глаза. На другой день проѣзжалъ онъ опять мимо моей квартиры, но уже съ государемъ, который мнѣ наиблагосклоннѣйше поклонился. Сіе заставило меня обратить на сію странность вниманіе свое. Что бы это значило? думала я. Знаю, что нашъ полъ заслуживаетъ особенное монаршеское благовolenіе, но мнѣ уже 34 года, и слѣдовательно здѣсь

что-нибудь да другое кроется. Итакъ рѣшилась я выждать конца сей странности. Недѣля проходитъ, и ежедневно въ одиннадцать часовъ, предъ обѣдомъ, государь, тогда уже одинъ, проѣзжалъ мимо, и все то же и одно привѣтствіе съ его стороны, такъ что всѣ сосѣди начали удивляться частой ъездѣ государя по той дачѣ, гдѣ предъ симъ его не видали, и тому, что онъ только съ лорнеткой своей устремлялъ взоры свои на мои окошки. Начали уже и поговаривать и, видя меня, хотя и прежде довольно знали и видали, но уже тогда всѣ глядѣли на меня съ нѣкоторымъ видомъ удивленія и стремились къ окнамъ своимъ, когда я мимо шла или ъхала: точно такъ, какъ (впослѣдствії?) глупая калужская публика (?) удивлялась моему костюму. Однако жъ удивленіе сосѣдей моихъ было для меня крайне оскорбительнымъ, ибо я отнюдь не искала того, чего многіе изъ моего пола съ толикимъ стремленіемъ искали, и тогда рѣшилась спустить сторы и не поднимать ихъ до проѣзда государя. Это я соблюла цѣлую недѣлю, и императоръ пересталъ ъздить мимо моихъ оконъ, а когда случалось ему ъхать мимо, то не глядѣть на нихъ, а обратить уже вниманіе свое на пѣмку, купчиху Бахарахтову, которая жила, не доѣзжая моей квартиры, и лучше успѣль. Однажды въ юлѣ мѣсяцѣ, когда я сидѣла на лавкѣ въ саду Строганова и занималась чтеніемъ Монтескье (книга, содержащая разсужденія о нравахъ и законахъ, словомъ—

книга государственная), то графъ Толстой, кото-
раго я не подозрѣвала быть столь близко меня, стоялъ уже иѣсколько минутъ за мною. Увидавъ его, я встала съ своего мѣста и удалилась отъ него, показавъ ему видъ недовольный. Въ теченіе того же мѣсяца случилась мнѣ необходимая надобность по дѣлу моему прибѣгнуть къ правосудію монарха, почему я писала къ нему и между прочимъ открыла я ему, сколь много была я облагодѣтельствована августѣйшею бабкою его и чѣмъ я при ней втай-
ниѣ занималась. И такъ объяснившись ему во всемъ томъ, въ чѣмъ только можно было, не уп-
стила я также тронуть иѣкоторыя предваритель-
ные струны, касающіяся до благоразумнаго пра-
вленія и тѣхъ осторожностей, которыхъ онотребуетъ. Звукъ струнъ сихъ понравился тогда сему монарху, что я по тому заключаю, что уже на третій день, по тогдашнему моему прошенію, пожаловалъ ко мнѣ отъ имени государя графъ Толстой съ слѣдую-
шимъ отвѣтомъ: что государь соизволилъ раземо-
трѣть мое прошеніе, по которому я непремѣнно удовлетворена буду, но, между тѣмъ, усмотря изъ онаго и великую мою способность быть ему столь же полезной, какъ я была въ Бозѣ почивающей любезнѣйшей бабкѣ его, то предлагаю мнѣ ту же самую должность и на томъ же самомъ положеніи, что, впрочемъ, будетъ умѣсть достойно изъявлять мнѣ свою монаршую признательность. Я дала на еїе слѣдующій отвѣтъ:

— „Служить внуку столь великой монархии, какова была императрица Екатерина Вторая, и монарху, которой самъ по себѣ можетъ служить образцомъ прочимъ европейскимъ государямъ, считаю для себя не только величайшею честью, но и священнейшей обязанностью, по, между тѣмъ, графъ, къ великому моему сожалѣнію, должна я отъ сего счастія отказаться. Десять лѣтъ сряду ничѣмъ не занимаясь, какъ одними своими частными дѣлами, и отставъ совершенно отъ политическихъ занятій, то смѣю ли я теперь приняться за нихъ, когда мѣдно должно будетъ долго ходить во мракѣ лабиринта ихъ, ибо не найду болѣе того покровителя, котораго я имѣла въ покойномъ князѣ Безбородко и коечихъ союзами была я руководима. Тогда же была я еще молода, не знала никакой опасности и не встрѣчала никакихъ пороговъ, о кои могла бы я разбиться, ибо твердо надѣялась и на великую милость и списходительность императрицы Екатерины Второй. Но теперь, графъ, мнѣ 34 года отъ рожденія моего...

— „Невозможно,—вскричалъ Толстой, какъ сумасшедший, вскочилъ даже со своего мѣста, пристально глядѣль на меня и потомъ сказалъ:—развѣ 22, а много 23 года; вы изволите меня дурачить; кто повѣритъ, чтобы 34-хъ-лѣтняя девица могла быть столь свѣжа, иѣжна и такъ хороша?!

— „Благодарю васъ, графъ, за сie притворное изступленіе, но позвольте васъ спросить: учились ли вы ариѳметикѣ хотя до вычитанія—10 изъ 25.

остается, кажется, 15; такъ кто тому повѣрить, чтобы премудрая Екатерина могла когда-нибудь возложить такую должностъ, какую я несла, на 15-ти-лѣтнюю дѣвицу? но позвольте кончить нужнѣйшее и вамъ дать запримѣтить, что женщина 34-хъ лѣтъ имѣеть уже довольно степенности въ характерѣ, чтобы о всемъ судить въ настоящемъ видѣ и, следственno, предвидѣть всѣ могущія для нея встрѣтиться разныя неудобства и опасности. Къ тому же я должна и въ томъ признаться, что, проживъ десять лѣтъ на свѣтѣ только простой зрительницей и занимаясь разными отвлеченными науками, то отъ неумѣреннаго напряженія умственныхъ способностей иступились онѣ у меня такъ, что отъ сего умъ мой нынѣ находится какъ бы въ нѣкоторомъ онѣмѣніи: почему и ни къ чему болѣе себя способной не чувствую, какъ продолжать дни жизни моей въ покоѣ“.

Толстой не взялъ на себя пересказать этотъ отвѣтъ государю и попросилъ собственноручнаго письма, которымъ императоръ оскорбился, какъ „отговорками, кои показываютъ явственно мое нежеланіе быть ему полезною, для того только, какъ онъ могъ понять изъ моихъ словъ, что я опасаюсь вручить ему судьбу мою. Однако же онъ проситъ меня не обижать его такою недовѣрчивостью, а лучше прежде испытать его справедливость. Онъ тогда надѣется, что я останусь ею доволеною и удостовѣрюсь, что я въ своемъ мнѣніи о немъ крайне ошибалась“.

— „Да будетъ воля его святая,—отвѣчала я графу,—я ей безмолвно повинуюсь.

— „Итакъ, вы согласны?

— „Видя на то желаніе монарха моего, не могу иначе принять онаго, какъ за новелѣніе, противъ котораго смыть упорствовать было бы очень неблагоразумно съ моей стороны, но позвольте васъ спросить, кому будетъ поручено получать отъ меня для государя надлежащія бумаги?

— „Мнѣ, мнѣ, божество мое!

„Тутъ осталась я безмолвию и, глядя съ удивленіемъ на сего дурака, думала про себя: признаться, что сей выборъ не обѣщаетъ мнѣ ничего доброго.

— „Чему вы удивляетесь и безмолвствуете? — сказать сей Донъ-Кихотъ (?).

— „Что въ вашихъ лѣтахъ, графъ, и бывъ семейнымъ человѣкомъ, вы употребляете столь неприличныя выраженія

— „Да развѣ вы цми обидѣлись?

— „Признаюсь, что мало читала романовъ, почему для меня романическій тонъ крайне не нравится.

„Тогда сей старый волокита, нахмуривъ брови, всталъ и простился со мною очень сухо.

„Не видя у себя цѣлый мѣсяцъ сего графа, думала я, что все кончилось, и сему внутренно радовалась, ибо крайне не хотѣлось мнѣ заниматься государственными дѣлами. Дѣло мое у госуд-

даря молчало, и я думала, что, вѣрю, я уже и забыта, такъ какъ мнѣ теперь о себѣ напомнить государю? Въ сентябрѣ мѣсяцѣ оставила я дачу, а въ ноябрѣ рѣшилась я написать графу, чтобы по крайней мѣрѣ отъ него узнать, чего мнѣ надѣяться по дѣлу своему. Графъ далъ въ отвѣтъ, что онъ боленъ и не можетъ ни быть у меня, ни письменно мнѣ отвѣтить, а ежели мнѣ угодно пожаловать на завтра къ нему въ 12 часовъ предъ обѣдомъ, то можетъ меня принять. Долго колебалась я, Ѳхать ли мнѣ къ сей сатирѣ, или нѣть, и сколько мнѣ сіе и непріятно было, но необходимость есть жестокій и всемогущій властелинъ! Итакъ, рѣшилась къ нему Ѳхать. При входѣ моемъ къ нему, и только что успѣла я сѣсть, первый его вопросъ былъ:

— „Что вы по сіе времяя дѣлали, что еще не доставили ко мнѣ ни единой бумаги, занимались только своимъ дѣломъ? или думаете шутить съ государемъ?

„Признаюсь, что, хотя мнѣ тогда и 34 года было, но не обыкни къ такому привѣтствію, кровь у меня взволновалась, и я, принявъ на себя важный видъ съ гордостью ему отвѣчала:

— „А вы, милостивый государь, вы гдѣ были и что дѣлали? Играли шута или волокитствовали? Развѣ вамъ государемъ не приказано являться ко мнѣ еженедѣльно и изъ собственныхъ моихъ рукъ получать всѣ бумаги? Жалѣю очень, что сдѣлала

честь моимъ посѣщеніемъ такому человѣку, который умѣеть только обращаться съ придворною прислугой. Прощайте, господинъ Кострюлькинъ! Я въасъ болѣе знать не хочу.

„Оставя сего пустого человѣка въ изумленіи, возвратилась я домой и написала письмо къ государю слѣдующаго содержанія: „Всеподданнѣйше припошу вашему императорскому величеству мою нижайшую благодарность за оказанную мнѣ честь и довѣріе, поручая мнѣ столь значительную должностъ, отъ которой я рѣшительно отказываюсь, если вашему императорскому величеству не заблагоразсудится поручить другой особѣ, кромѣ вашего оберъ-гофмаршала, получать изъ рукъ моихъ извѣстныя вашему императорскому величеству бумаги, который, какъ я сегодня удостовѣрилась въ прежнемъ моемъ о немъ мнѣніи, что его понятіе не можетъ далѣе простираться его оберъ-гофмаршальской должности двора вашего императорскаго величества“. И тутъ разсказалася я все, что между нами произошло съ первого же свиданія со мною по сей день. Государь съ великимъ негодованіемъ показалъ мое письмо Толстому и сказалъ ему „Что вы дѣлаете, графъ? Развѣ вы не понимаете, кого вы передъ собою имѣете? да кто такъ обращается съ благовоспитанной дамой?“

„Спустя послѣ сего иѣсколько времени, явился ко мнѣ Александръ Николаевичъ Голицынъ, служащій тогда по духовной части прокуроромъ въ свя-

тѣйшемъ синодѣ. Сей князь сказалъ мнѣ, что его императорское величество, вслѣдствіе содержанія письма моего, соблаговолилъ назначить его вмѣсто графа Толстаго и повелѣлъ спросить меня, когда и сколько разъ въ недѣлю являться ему, князю Голицыну, ко мнѣ.

— „Два раза,—отвѣчала я ему,—въ среду и въ субботу прошу васъ навѣщать меня.

„Государь повелѣлъ сему князю 1807 года, когда поѣхалъ за границу, всѣ имѣ отъ меня полученные конверты отправлять къ его императорскому величеству съ особеннымъ эстакетомъ. Слѣдственно, кто изъ сего не заключить, что государь находилъ труды мои полезными? И самъ князь въ разговорѣ со мною сказалъ мнѣ, что государь крайне жалѣть, что я не родилась мужчиною, а читая однажды одну изъ моихъ бумагъ князю, съ восхищеніемъ сказалъ, что ничего не можетъ лучше доказать непремѣнную пользу государству.

„Когда въ 1807 году, еще до отѣзда государя, въ мартѣ мѣсяцѣ кончила жизнь родительница моя, то государь, узнавъ о семъ, прислать ко мнѣ нарочно князя Голицына съ изложеніемъ царскаго его соболѣзвованія о семъ печальному событии“....

На этомъ сообщеніи обрывается фактическая часть рукописи, цѣликомъ изложенная по-русски. Затѣмъ слѣдуетъ заключеніе, наполненное фаталистическими жалобами на судьбу и „несчастную

звѣзду", и русскіе стихи, довольно нескладные, безъ размѣра, не представляющіе по содержанію своему ничего замѣчательнаго.

По-французски авторъ пишетъ гораздо лучшie: красивымъ слогомъ и точнѣе выражаясь. Въ русской части постоянно чувствуется, что мемуаристка думаетъ по-французски и, переводя свои мысли, путается отчасти въ галлицизмахъ, отчасти въ тяжелой реторикѣ до-карамзинского книжнаго языка, чѣмъ и затемняетъ смыслъ рѣчи.

Французская часть рукописи, отрывокъ изъ которой приведенъ выше въ переводѣ, содержитъ въ себѣ автохарактеристику, написанную очень страстно, и краткое описание, какъ росла и воспитывалась „таинственная корреспондентка“. Пяти лѣтъ она уже умѣла читать настолько хоропю, что ея чтеніе вслухъ доставляло удовольствіе семье. Семи лѣтъ она читаетъ Плутарха, увлекается образами Агезилая, Брута, Аристида.

„Царскихъ дѣтей не холять съ большимъ вниманiemъ, чѣмъ холили меня. Меня боготворили всѣ окружающіе, но, что всего рѣже, хотя я и была любимицей въ семье, однако, меня не баловали. Впрочемъ, могла ли я сдѣлаться злou, если предъ моими глазами не было другихъ примѣровъ, кромѣ примѣровъ кротости, если кругомъ меня все были лучшie и честнѣйшie люди.

„Когда я вступила въ жизньъ, главными чертами моими были: гордое сердце и непреклонный харак-

терь; но опытъ, годы и невзгоды смягчили мою римскую строптивость и сдѣлали меня разумнымъ человѣкомъ. Мое воспитаніе было скромно и цѣломудрено. Меня окружали лица не только примѣрной мудрости, но и такой сдержанности, какой давно не знаютъ болѣе женщины всѣхъ сословій. Мужчины въ то время никогда не говорили при женщинахъ ничего такого, отчего бы цѣломудренная дѣвушка могла покраснѣть; всякий въ ту пору остерегался нарушить уваженіе къ дѣтскому возрасту“.

Жилось автору нехорошо; повидимому, ея не любили; враговъ она имѣла множество; а вышеприведенные эпизоды съ Толстымъ и Барятинскимъ указываютъ и причину этого—сварливый характеръ, способный на вспышки изъ-за пустяковъ. Несогласная съ женскою природою должность, которую таинственная корреспондентка несла при дворѣ Екатерины II и Александра I, все-таки смущала ее втайне и вызывала къ самооправданію. Кажется, именно такой смыслъ надо придать строкамъ слѣдующей страстной тирады, написанной въ подражаніе и въ почти тождественное повтореніе аналогичной тирады въ „Confessions“ Ж. Ж. Руссо.

„Я женщина вполнѣ, какою создала ее природа. Хорошо или дурно поступила природа, разбивъ форму, въ которую я вылиты, предоставлю судить объ этомъ другимъ; что касается меня лично, я знаю свое сердце, знаю свѣтъ и, если я не

лучше тѣхъ, кто живеть на свѣтѣ, то, по крайней мѣрѣ, я не такая, какъ они.

„Греми, труба послѣдняго суда, когда тебѣ угодно! Я предстану предъ Вышнимъ Судьей съ моєю рукописью въ рукахъ. Я громко скажу Ему: „Вотъ мои дѣла, вотъ мои мысли, вотъ чѣмъ я была. Я рассказала одинаково откровенно и дурнос, и хорошее. Я не скрыла ничего дурнаго, не прибавила ничего въ свою пользу. Я всегда казалась такою, какъ была. Я открыла себя такою, какъ Ты, Духъ Вѣчный, Самъ меня видѣлъ. Сбери вокругъ меня несчетную толпу мнѣ подобныхъ, пусть каждый изъ нихъ откроетъ свое сердце у подножія Твоего Престола съ тою же искренностью, и пусть хоть одинъ Тебѣ скажетъ, если онъ посмѣетъ: я былъ лучше этой женщины“ *).

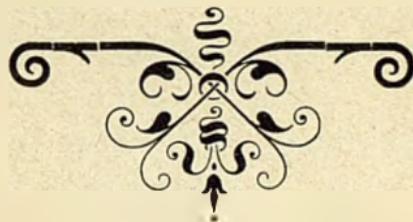
Послѣ этой эффектной тирады унылымъ диссо-

*¹) Je suis une femme dans toute la vѣrit  de la nature. Si la nature a bien ou mal fait de briser le moule dans lequel elle m'a jet , c'est ce dont je laisse à juger aux autres; pour moi je sens mon coeur, je connais le monde et si je ne vaux pas mieux que ceux qui l'habitent au moins je suis autre. Que la trompette du jugement dernier sonne quand elle voudra; je viendrai avec mon manuscrit à la main me présenter devant le Souverain Juge. Je dirai hautement: voilà ce que j'ai fait, ce que j'ai pensé, ce que je fus. J'ai dit le bien et le mal avec la même franchise. Je n'ai rien tu de mauvais, rien ajout  de bon. Je me suis toujours montr e telle que je fus. J'ai dévoil  mon intérieur tel que tu l'as vu Toi-même, Etre Eternel. Rassemble autour de moi l'innombrable foule de mes semblables: que chacun d'eux découvre à son tour son coeur au pied de Ton trône avec la même sincérit  et puis qu'un seul Te dise, s'il l'ose: „je fus meilleur que cette femme là“.

нансомъ звучать строки, въ которыхъ корреспондентка излагаетъ свой скромный идеалъ дѣйствительности:

„Теперь я уже не мечтаю о другомъ счастьѣ, кромѣ какъ бы у меня опредѣленный доходъ, котораго хватало бы на жизни!“

„Я такъ люблю свободу и ненавижу стѣсненія, неудовольствія и необходимость отказывать себѣ въ нужномъ!“

Оглавление.

СТРАН.

Отъ автора.

Степанъ Стамбуловъ	1
Софійское житье-бытье	91
О Черняевъ	176
Памяти Полонского	196
Памятникъ Царю-Освободителю	208
Захарьинъ	221
Московскій городской голова Алексѣевъ.	232
Таинственная корреспондентка	277

Портреты:

1. С. Н. Стамбуловъ.—2. Князь Фердинандъ Болгарскій.—3. Княжичъ Борисъ Тырновскій.—4. Г. Черняевъ.—5. М. Д. Скобелевъ.—6. Императоръ Александръ II Николаевичъ.
-